Казахский национальный университет им. аль – Фараби

УДК 8D

На правах рукописи

МУХАМЕТКАЛИ АЛИШЕР АНУАРОВИЧ

Итальянские путешественники XIII-XV веков: политические, религиозные, торговые и экономические отношения в Центральной и Восточной Азии

Специальность: 8D02206 — История

Диссертация на соискание учёной степени
доктора философии (PhD), доктора по профилю

Отечественный научный консультант:
доктор исторических наук, профессор
К.Т. Жумагулов

Зарубежный научный консультант
доктор, профессор Ф. Грасси
(Ла Сапиенца, Италия)

Республика Казахстан
Алматы, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

1 **СТАНОВЛЕНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ИТАЛЬЯНСКИХ ГОРОДОВ-ГОСУДАРСТВ И МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ** 4

1.1 Источниковедческий анализ записок итальянских путешественников XIII-XV веков 39

1.2 История определений терминов «Центральная Азия» и «Тартария» в историографии и записках средневековых европейских путешественников .. 32

1.3 Характер экспедиций итальянских путешественников в Центральную Азию в XIII веке через призму Марко Поло и Плано Карпини 44

1.4 Разница структурных построений Монгольской империи и итальянских городов-государств на основе дипломатических документов 56

2 **КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЙ ИТАЛЬЯНСКИХ ГОРОДОВ-ГОСУДАРСТВ И МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ** 67

2.1 Дипломатическая коллизия между итальянскими городами-государствами и Монгольской империей 67

2.2 Политический аспект взаимоотношений между итальянскими городами-государствами и Монгольской империей 89

2.3 Коммерческая деятельность итальянских торговцев в Крыму и Центральной Азии XIII–XV веках 90

2.4 Религиозный аспект папских миссионеров в Центральной и Восточной Азии XIII-XV веках 109

3 **ПОСЛЕДСТВИЯ ИТАЛЬЯНСКО-МОНГОЛЬСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ И НАУЧНАЯ ЦЕННОСТЬ ЭКСПЕДИЦИЙ** 138

3.1 Восприятие держав монголосферы через записки итальянских путешественников 138

3.2 Торговая и миссионерская деятельность итальянских путешественников в Центральной Азии в XV веке на примере Катерино Зено 151

3.3 Монгольский фактор в трансформации итальянского мировосприятия и художественной культуры XIII–XV веков 177

3.4 Роль итальянских путешественников в становлении ориентализма и его влияние на литературу Данте и Петрарки 17775

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 184

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ 1869

ПРИЛОЖЕНИЕ А 205

ПРИЛОЖЕНИЕ Б 210

ПРИЛОЖЕНИЕ В 216

ПРИЛОЖЕНИЕ Г 223

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ

В настоящей диссертации используются ссылки на следующие стандарты:

1. ГОСТ 7.32-2001 (изменения от 2006 г.). Отчёт о научно-исследовательской работе. Структура и правила оформления;
2. ГОСТ 7.1-2003. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.

ВВЕДЕНИЕ

Описание исследовательской работы. Диссертационная работа исследует проблемы взаимодействия и влияния итальянских путешественников в Центральную и Восточную Азию XIII–XV вв. на политические, религиозные, торговые и экономические связи между итальянскими городами государствами и Монгольской империей, а также её государствами наследниками, таких как, Золотая Орда, Династия Юань и Империя Хулагуидов.

Актуальность темы. Книги, трактаты и хроники итальянских путешественников в Азию XIII–XV веков представляют собой значимый предмет современного исторического анализа. В эпоху Средневековья города-государства, королевства и папские владения Европы играли ключевую роль в развитии торговых и культурных связей между Востоком и Западом, что нашло отражение в записях и путевых описаниях итальянских путешественников. Исследование данных видов исторических источников способствует более глубокому пониманию процессов архаической глобализации и межкультурного обмена.

Недавний визит Папы Римского Франциска в Республику Казахстан в 2022 году свидетельствует о развитии дипломатических отношений между Республикой Казахстан и Святым Престолом. Этот исторический визит подчеркнул важность диалога между различными религиозными и культурными сообществами и продемонстрировал стремление к углублению сотрудничества и взаимопонимания между двумя государствами. В современном международном контексте дипломатические отношения между Республикой Казахстан и Святым Престолом характеризуются высоким уровнем институционального взаимодействия.

Стороны активно сотрудничают в экономической, культурной, образовательной и научной сферах. Наличие устойчивого дипломатического диалога способствует развитию взаимопонимания и обмену опытом между профильными институтами и организациями обеих сторон.

Актуальность темы определяется также недостаточной изученностью роли купцов и банкиров городов-государств, королевств и папских владений в формировании интегрированных торговых цепочек Евразии, а также в процессе становления средневековых городов-узлов на ключевых транзитных маршрутах.

Феномен путешествия имеет древнюю историю и сохраняет свою значимость в современную эпоху. Начиная с похода, описанного в «Анабасисе» Ксенофонта, и вплоть до экспедиции Льюиса и Кларка, интерес к неизведанным территориям оставался устойчивой характеристикой человеческой деятельности.

Записи итальянских путешественников XIII–XV веков представляют собой уникальный источник, содержащий ценную информацию о культуре, религии, политике и обычаях Восточной и Центральной Азии того времени. Данный вид источников не только передаёт фактическую информацию о географических открытиях и экономических возможностях, но и отражает

культурные особенности итальянского общества, а также восприятие иностранными авторами чужих обычаев и художественных традиций.

Степень изученности темы

Дореволюционная историография вопроса об итальянских путешественниках XIII–XV вв., описывавших Центральную и Восточную Азию, характеризуется формированием источниковедческой базы и постепенным развитием критического подхода к текстам западноевропейских авторов. В этот период внимание исследователей было сосредоточено преимущественно на издании и переводе первоисточников, а также на сравнительном анализе европейских свидетельств о Востоке. Особую роль в становлении корпуса источников сыграли труды, подготовленные западноевропейскими и российскими ориенталистами конца XIX — начала XX вв., что позволило заложить основы последующего научного изучения путевых текстов.

Для дореволюционной науки особое значение имела деятельность графа Николая Петровича Румянцева — государственного деятеля, дипломата и мецената, который инициировал масштабный сбор и систематизацию западноевропейских источников, связанных с историей Востока, в том числе Центральной Азии и территорий бывшей Золотой Орды. Благодаря его поддержке были организованы экспедиции и закупки архивных материалов в крупнейших хранилищах Европы — Риме, Венеции, Флоренции, Милане и Монтекассино [266]. Собранная им коллекция легла в основу Румянцевского музея, ставшего важным центром сохранения и изучения средневековых латинских и итальянских рукописей, включая документы, отражающие дипломатические и торговые связи итальянских городов-государств с Востоком.

Йозеф фон Хаммер-Пургшталь (1774–1856) считается одним из основоположников европейского ориентализма. Кроме того, исследования затрагивали политику Золотой Орды в Италии, и первым исследователем стал австрийский дипломат Йозеф фон Хаммер-Пургшталь [113, с.122], который опубликовал итальянский перевод памятников о символах Жанибека и Бердибека ханов.

Чарльз Хербермann занимался историей Марко Поло для Католической энциклопедии в 1913 году, и одним из первых, стал критически анализировать данные записки[2].

Прославленный французский путешественник П. Пеллио, который проводил ряд этнографических экспедиций на территории современного Кыргызстана, проявил себе в области исследований записок прежних путешественников, проходивших по данному маршруту. Совместно с К.А. Моллом, в 1938 году, он выпустил научный труд о Марко Поло и Плано Карпини [3].

В продолжение ориенталистических исследований, В.Г. Тизенгаузен был одним из первых исследователей, систематически изучавших арабские источники по истории Золотой Орды и монгольских завоеваний [41]. Его главный труд — «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды»

(в двух томах: первый опубликован в 1884 году, второй — посмертно в 1941 году), до сих пор остаётся фундаментальным источником для исследователей истории средневекового Казахстана, Руси, Орды и их связей с исламским и европейским миром. Таким образом, труды Тизенгаузена и публикации СМИЗО заложили основы востоковедческой школы, которая позволила казахстанским и российским исследователям впоследствии проводить глубокий анализ связей между Золотой Ордой, итальянскими купеческими республиками и Западной Европой.

В то же время другие дореволюционные исследователи, прежде всего В. В. Бартольд [190], В. Радлов [74], П. Мелиоранский и Г. Вернадский, способствовали развитию источниковедческой критики, рассматривая итальянские свидетельства в контексте истории монгольской державы и мусульманского Востока. Показателен труд В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» (1898–1900), в котором были заложены основы системного подхода к историко-географическому изучению Центральной Азии. Несмотря на то, что Бартольд не специализировался на исследовании итальянских путешественников, его работы создали методологическую основу для сопоставления западноевропейских свидетельств с реальной картиной азиатских обществ XIII–XIV вв., способствуя углублению историографического анализа европейских источников [190]. Бартольд рассматривал монгольское завоевание как закономерный этап развития евразийских цивилизаций, подчёркивая значение торговых и культурных связей, способствовавших распространению знаний о Востоке в Европе. Его исследования оказали прямое влияние на последующие работы советских историков, исследовавших торговые маршруты и европейские путешествия в Азии.

Таким образом, дореволюционная историография сформировала методологическую и источниковую основу для последующего изучения путевых текстов. Одновременно формировалась практика сопоставления западноевропейских описаний с доступными восточными источниками, однако масштабная интеграция материалов из центральноазиатских и ближневосточных архивов оставалась неполной.

Советская историография данной проблематики развивалась в условиях доминирования марксистско-ленинской парадигмы. В рамках этой парадигмы путешествия европейских купцов и дипломатические миссии рассматривались прежде всего как элементы экономических и политических взаимосвязей, а также как проявления трансформации форм собственности и торгово-коммерческих связей на евразийском пространстве. Итальянские путешественники изучались через призму классовых отношений и развития торговли. Особое внимание уделялось формированию раннекапиталистических структур в городах-республиках Италии и их взаимодействию с феодально-азиатскими обществами. Значительный вклад в разработку данной проблематики внесли Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский [147], Л.Н. Гумилёв [261], С.Г. Кляшторный [248, с. 22–31].

Существенное развитие данная тематика получила в трудах Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского. Их совместная работа «Золотая Орда и её падение» стала фундаментальной для понимания политической, экономической и культурной структуры Орды, а также её внешних связей с Европой. Они впервые системно осмыслили феномен монгольской дипломатии и торговли, подчеркнув роль итальянских купцов и миссионеров как посредников между Востоком и Западом. Исследования Грекова и Якубовского в значительной степени опирались на источниковедческий анализ латинских и восточных хроник, что позволило рассматривать итальянские путешествия не как изолированное явление, а как часть единого процесса взаимодействия цивилизаций. Существенное влияние на развитие источниковедческой базы оказали переводы и публикации работ Скржинской [115], И. Н. Березина [48, 67], В. В. Григорьева [60, 66], В. В. Вильяминова-Зернова [52] и В. В. Радлова [74]. В их обширных комментариях к переводам и публикациям указанных документов был представлен глубокий и всесторонний анализ рассматриваемых текстов.

Скржинская написала важный документ «Венецианско-Левантская дипломатия». В её исследовании были представлены данные о договорах между венецианцами и Жанибеком с Бердибеком, а также материалы о соглашениях с губернаторами Крыма и Азова из Узбекского ханства [114, с.30–33].

Кроме того, анализируя аналогичные источники, советский историк С.П. Карпов в своём исследовании, также фиксирует сложный характер взаимодействий между итальянскими морскими республиками, Генуей и Венецией, и государством Золотой Орды в XIV веке [115, с. 192–195].

В контексте формирования образа Востока в европейской культуре особый интерес представляет подход Л.Н. Гумилёва. Его труды «Поиски вымышленного царства» [261] и «Древняя Русь и Великая степь» анализировали идеологическое восприятие Востока через призму евразийской теории. Л.Н. Гумилёв рассматривал монгольскую экспансию как явление цивилизационного синтеза, в котором католический Запад, Русь и мир степей вступали в сложную систему культурного взаимодействия. Его работы расширили методологические рамки традиционного марксистского анализа, предложив цивилизационный подход, в рамках которого путешествия европейцев, включая итальянцев, рассматривались как часть более широкой картины обмена знаниями и мировоззрениями.

Исследования С.Г. Кляшторного, посвящённые истории тюркских и монгольских народов, выявили долговременные культурные и торговые традиции Центральной Азии, которые в эпоху XIII–XV веков обеспечивали основу для взаимодействия с европейцами. Среди ведущих исследователей Казахской ССР особое место занимают А.М. Хазанов [18], Б.Е. Кумеков [246]

На примере исследований Хазанова можно понять, что кочевая цивилизация Монгольской империи была тесно взаимосвязана с оседлыми сообществами с иными типами хозяйства [18]. Будучи этнологом и историком мирового уровня, он уделял особое внимание структуре кочевых обществ и их взаимодействию с оседлыми цивилизациями Евразии. Его работы, в частности

«Кочевники и внешний мир», оказали влияние не только на советскую, но и на международную науку.

Хазанов рассматривал евразийское пространство как единый историко-культурный организм, в рамках которого степные народы выступали не изолированными образованиями, а активными посредниками в трансформации идей, товаров и технологий, связывавших Европу, Ближний Восток и Дальний Восток. В этом контексте его выводы имеют прямое отношение к теме итальянских путешествий, фиксируя структурные предпосылки для появления устойчивых каналов взаимодействия между Западом и Центральной Азией.

Вклад, имеющий важное влияние на развитие источниковедческой базы внёс Б.Е. Кумеков, один из ведущих востоковедов Казахской ССР. Его исследования арабо-персидских письменных памятников, включая сочинения аль-Омари, ибн Халдуна и Рашид ад-Дина, позволили уточнить историко-географические представления о территориях, посещавшихся итальянскими и другими европейскими путешественниками [246].

Исследования по истории Евразии и работа с источниками опирались на инфраструктуру советской академической науки: важнейшую роль здесь играли Институт востоковедения Академии наук, профильные подразделения исторических и археологических институтов АН СССР, университетские кафедры, а также музейные и архивные коллекции [264].

Историки-литературоведы Е. Исмайылов, М. Хакимжанова и О. Нурмагамбетова, исследовавшие эпический цикл сказаний «Қырымның қырық батыры», также заслуживают упоминания, поскольку данный эпос упоминается в трудах итальянских путешественников, что позволяет дополнить картину культурных взаимодействий между Востоком и Европой [57].

Институт востоковедения сыграл ключевую роль в сборе, каталогизации и публикации рукописей, переводов и критических изданий. При нём систематизировались каталоги манускриптов, организовывались экспедиции в центральноазиатские регионы для поиска архивных и материальных свидетельств. В то же время существовали институциональные барьеры доступа к зарубежным архивам, особенно религиозным хранилищам, таким как Ватикан, что ограничивало полноту источникового охвата. Существовал также методологический разрыв между советской и западной школами, затруднявший международный научный обмен и внедрение отдельных зарубежных методик в советский корпус исследований.

В рамках советской науки формировался интерес к экономической стороне средневековых контактов, чему способствовали работы историков-ориенталистов, исследовавших развитие торговли между итальянскими городами и монгольскими ханствами, роль генуэзских и венецианских факторий на Чёрном море, а также систему налоговых и торговых привилегий. В целом советская историография рассматривала итальянские путешествия в Центральную и Восточную Азию через призму классовых интересов, международных отношений и исторического материализма, акцентируя внимание на экономических и культурных закономерностях взаимодействия Европы и Востока. Несмотря на идеологическую окраску, советская

историческая школа создала фундаментальный научный аппарат для дальнейших исследований.

Современная казахстанская историография, посвящённая изучению итальянских путешественников XIII–XV веков, представляет собой важный этап эволюции национальной медиевистики. Она ориентирована на осмысление историко-культурных взаимодействий Казахстана с Европой и миром Средневекового Востока. Акцент смещается от простого перечисления маршрутов и событий к интерпретации более широкого круга процессов: контактов Европы со странами Востока и роли евразийского региона в этой системе взаимодействий. Такой подход сопровождается отказом от узко хронологического описания и усилением интереса к комплексному изучению политических, культурных и экономических факторов, задававших траекторию евразийской истории.

Значительный вклад в изучение проблем взаимодействия Востока и Запада внесли Ф. Грасси (университет Ла Сапиенца, Рим) и казахстанский историк, д.и.н. К.Т. Жумагулов — один из ведущих отечественных исследователей средневековой истории Евразии. Его научная деятельность охватывает широкий спектр вопросов, связанных с политической структурой кочевых государств, восприятием Востока в европейской интеллектуальной традиции и ролью Великой степи в контексте мировой истории. Работы учёного отличаются междисциплинарным подходом, соединяющим источниковедение, историческую географию и анализ латинских архивных документов Ватикана, ранее практически не вовлечённых в отечественный научный оборот. Им была систематизирована дипломатическая корреспонденция, сохранившаяся в Ватиканских фондах, что позволило уточнить картину политических и миссионерских контактов XIII–XIV вв [88].

В исследовании «Исследование тюркского мира Евразии по выявленным латинским источникам Biblioteca Apostolica Vaticana и других книгохранилищ Западной Европы» д.и.н. К.Т. Жумагулов представил результаты многолетней работы в европейских архивах, введя в научный оборот ранее неизвестные латинские документы, отражающие взгляды средневековых путешественников и миссионеров на кочевые общества Центральной и Восточной Азии [1]. Он обращается к проблеме роли Великой степи в мировой истории, рассматривая её как активного участника процессов культурной глобализации в античности и Средневековье, а также как пространство интенсивных межцивилизационных контактов и обмена культурными ценностями [6].

В дополнение к указанному, д.и.н. К.Т. Жумагулов является членом редколлегий ведущих отечественных и зарубежных научных изданий — Вестника исторического факультета КазНУ, журналов Отан тарихы (Институт истории и этнологии им. Ч. Валиханова, НАН РК) и Materialia Turcica (Гёттингенский университет, Германия). Его труды способствовали институциональному укреплению казахстанской медиевистики и формированию нового направления в исторической науке, нацеленной на изучение тюркского мира по западноевропейским источникам.

В этом контексте труды д.и.н. К. Т. Жумагулова занимают особое место. Он является одним из ведущих специалистов в области средневековой истории Евразии, чьи исследования, посвящённые политической организации гуннских и других кочевых государств, а также восприятию Востока в европейской традиции, заложили основу современной казахстанской медиевистики. Особое внимание в его работах уделено контактам между итальянскими республиками и Золотой Ордой, что получило развитие и в трудах других отечественных исследователей, включая Н.Т. Абдимомынова [116, с. 102–105].

Ж.М. Сабитов применяя культурно-исторический подход, исследуют символическое и духовное наследие Орды, а также обращаются к источникам на арабском, персидском, латинском и итальянском языках, что позволяет выявить особенности восприятия евразийского пространства в разных культурных традициях [92].

Вклад Г.С. Султангалиевой заключается в изучении образа Центральной Азии в западноевропейских источниках и анализе восприятия кочевых обществ миссионерами XIII–XIV веков, что способствует реконструкции трансформации представлений о Востоке в европейской культуре [30]. В исследованиях Д. С. Байгунакова, Р. С. Хауталы и Г. Е. Сабденовой особое внимание уделено многоуровневым политическим и религиозно-культурным связям, формировавшимся между Золотой Ордой, ближневосточными регионами и Европой [252]. Г.С. Беделова исследует экономическую организацию Орды, уделяя внимание вопросам караванной торговли, функционированию транзитных путей и участию итальянских купцов в экономической жизни региона, тем самым расширяя представление о материальных основах итало-ордынских связей [214].

Современные казахстанские исследователи стремятся выйти за рамки европоцентричных интерпретаций и представить Центральную и Восточную Азию как активного участника международного взаимодействия, а не как пассивный объект внешнего влияния. Таким образом, современная казахстанская историография формирует целостное и сбалансированное представление о контактах Европы и Азии, включая итальянские путешествия XIII–XV веков, рассматривая их в контексте взаимных обменов, диалога культур и формирования евразийского исторического пространства.

Таким образом, казахстанская историография по проблеме контактов с западным миром опирается на междисциплинарный синтез — объединение археологии, источниковедения, культурологии и политической истории. Это позволяет национальной исторической науке выйти за рамки регионального нарратива и включить Казахстан в глобальную систему культурных и торговых связей, формировавших облик Евразии с XIII по XV века.

Важную роль в написании диссертационной работы сыграли выводы и заключения зарубежных специалистов в области всеобщей истории, монголоведения, истории государства и права: М. Россаби [86], Т. Олсен [72], Н. Диркс [84], Д. Морган [85] Д. Лейн [80], П. Джексон [53], Д. Синор [65]. Их исследования акцентируют внимание на роли Золотой Орды как связующего звена между Востоком и Западом, а также на дипломатических, торговых и

культурных взаимодействиях, формировавших единое евразийское пространство. В наши дни продолжает развиваться исследование по ханской канцелярии благодаря трудам современных учёных, таких как Д. Эгль, исследователь CHPC (Centre National de la Recherche Scientifique)[4].

Однако, отношения между Монгольской империей и итальянскими городами-государствами были далеко не так безоблачны. Как подчёркивает исследователь М. Уиллис, эпизод противостояния с генуэзскими колониями в Черноморском регионе, когда монгольские войска, осаждая Кафу, прибегли к использованию примитивных форм «биологического оружия» — забрасыванию за стены города трупов погибших от чумы. Этот факт, зафиксированный в ряде источников, рассматривается Уиллисом и прочими историками, как один из факторов распространения «Чёрной смерти» в Европе середины XIV века [19].

Американские исследователи социологи, Томас Холл и Кристофер Чейз-Данн выдвигают мнение, что монголосфера являлась мир системой, которая поспособствовала архаической глобализации в Евразии [10]. Подтверждают это создание торговых факторий Генуэзской республики в Северном Причерноморье [11]. Важно отметить вклад Николо ди Космо в исследовании деятельности итальянских торговцев. В своём труде, ди Космо демонстрирует торговые интересы генуэзцев в установлении контактов с Монголией [12]. А. Гроссато — исследователь итальянских маршрутов составил подробный маршрут странствий, таких путешественников как Марко Поло и Анжело Легренци [13]. Странствия итальянских путешественников, позволили европейцам лучше понять границы Азиатского материка и реальное положение дел на Востоке.

Гроссато также отмечал, что сведения, собранные путешественником де Конти, позволили генуэзцам создать первые карты мира [14]. Итальянские исследователи, такие как М. Педани и А. Риццо [195], изучают и переводят документы из редких фондов архивов и библиотек. Итальянские историки К. Марин [111, с.115] и М. де Канале [112, с. 82] начали первые исследования по теме, и их вклад стал широко известен.

Исследования Розамонд Мак [268] и Лорен Арнольд [267] важны для понимания связей между исламским Востоком и итальянским искусством Средневековья и раннего Возрождения. Они показывают, что торговые и культурные контакты, укрепившиеся благодаря монгольским торговым сетям, заметно повлияли на художественные традиции Италии XIII–XV вв. При этом влияние было взаимным: итальянские мастера перенимали восточные формы и материалы, но переосмысливали их в христианском контексте, формируя новый стиль, который предвосхитил эпоху Ренессанса.

Как видно из приведённых данных, исследования по данной теме привлекали внимание историков из разных стран, таких как Франция, Америка, Италия и других европейских стран. Среди крупных исследователей по данной теме можно выделить итальянских путешественников, которые составили карту монгольских государств на Востоке, а также изучили их региональные и международные отношения.

Кроме того, исследования включали в себя влиятельные вклады итальянских послов и торговцев касательно темы. В XIV веке итальянские исследователи, в том числе венецианцы, внесли значительный вклад в изучение политической и торговой истории, как Золотой Орды, так и в других региональных и международных отношениях.

Важной линией современного развития является сравнительный анализ западных путевых описаний с восточными источниками (персидскими, арабскими, китайскими), что обеспечивает критическую проверку сведений путешественников и выявление механизмов трансляции образа «Востока» в европейской культуре. Эти исследования включены в сводные работы по истории Центральной Азии, подготовленные в Кембридже под редакцией Дениса Синора и соавторов.

Из стран ближнего зарубежья, можно упомянуть Р. Хауталу. Особое внимание в его трудах уделяется текстологическому изучению западноевропейских источников, содержащих сведения о миссионерской деятельности францисканцев и доминиканцев во времена правления ханов, в частности Узбека, а также вопросам формирования образа монголов и татар в сознании европейских хронистов. Исследования А. П. Григорьева, В. В. Трепавлова, Р. Хауталы и ряда других учёных также способствовали дальнейшему углублению изучения данной проблемы [69, 10–15].

Неоспоримый вклад для изучения истории стран тюркского сообщества, внесли азербайджанские учёные, получившие доступ к Секретным архивам Ватикана. Капитан первого ранга, д.и.н. Н. Алиев, подробно исследовал рукописи Анжоллело и в своих статьях выложил карты Каспийского моря, составленные в 1459 году [269]. Р. Аменздаде, сотрудница Институт архитектуры и искусств Азербайджана, исследовала записки Иосафата Барбаро и его заметки об архитектуре в Тебризе и Ширване [142, с. 3-6]. Махмудов Я. М. исследовал взаимоотношения государства Ак-Коюнлу и Сефевидов с западно-европейскими государствами [253].

Релевантные исследования можно найти в работах, посвящённых истории Центральной Азии, Золотой Орды и Монгольской империи, так как эти темы часто пересекаются с путешествиями европейцев в регион.

В зарубежной историографии наблюдается отход от редукции истории монгольских завоеваний и Золотой Орды к исключительно военной или политической проблематике. Исследовательский фокус смещается в сторону транснациональных процессов, анализа культурно-экономических взаимодействий и изучения образа Востока в европейском интеллектуальном пространстве. Развитие междисциплинарных подходов, сочетающих методы исторической географии, истории религий и сравнительной литературы, позволило существенно расширить представления о месте Золотой Орды и Центральной Азии в системе средневековых международных связей.

Тем не менее отечественная и русскоязычная историография, дореволюционная, советская и современная, содержит лишь краткие и фрагментарные сведения о таких путешественниках, как Катерино Зено [207], Джакомо Соранцо [259] и Джованни Мария Анджолелло [211], оставивших

описания стран Центральной и Восточной Азии. Многие из этих авторов упоминаются в справочных и обзорных трудах, однако их деятельность и тексты до настоящего времени не были полноценно введены в научный оборот. Проведённый анализ показал, что существующие исследования затрагивают лишь отдельные аспекты проблемы, оставляя ряд существенных вопросов неизученными.

Источниковедческая база настоящего исследования опирается на широкий круг письменных и материальных свидетельств XIII–XV веков, отражающих контакты итальянского мира с регионами Центральной и Восточной Азии.

К основным источникам относятся критические издания и переводы сочинений путешественников, прежде всего: «Книга о разнообразии мира» Марко Поло [46], «История монголов» Джованни да Плано Карпини [24] и труды Вильгельма де Рубрука [25], а также ранее не опубликованные в отечественной историографии записки Катерино Зено [207, 254] и Джакомо Соранцо [259]. Сделан упор на упоминания малоизвестных путешественников, таких как: Сегурано Сальвайго [108], Рикольдо да Монтекроче [172], Джованни Монтекорвино [102], Одорико Порденоне [158], Джованни Мариньоли [163], Пьетро Виньоли [192], Микеле Дельфино [193], Франческо Пеголотти [135], Джакомо Лукари [216], Бускарелло де Гизольфи [76], Маттео Манни [101], Николо Конти [12], Иосафат Барбаро [126], Амброджо Контарини [209], Джованни Лоредан [121], Джакомо Соренцо [259] и Джан Мария Анджолелло [211].

Эти тексты представляют значимый пласт нарративных источников, содержащих не только сведения о географических маршрутах, но и социально-культурные наблюдения авторов относительно стран Востока. В последние десятилетия в западноевропейской и отечественной медиевистике были переизданы классические латинские и итальянские версии указанных сочинений, подготовлены переводы на современные европейские языки (английский, французский, итальянский и др.), что значительно расширило доступ исследователей к материалам первоисточников. Вместе с тем ряд рукописей сохраняет статус недостаточно изученных.

Среди проблем источниковедения данной темы выделяются сложность точной датировки отдельных манускриптов, расхождения между текстологическими традициями и отсутствие унифицированной критической редакции некоторых памятников. Эти обстоятельства требуют внимательного сопоставления различных версий и выявления устойчивых элементов текстовой структуры. Существенное значение для исследования имеют также архивные документы, миссионерские донесения, торговая и дипломатическая переписка, картографические материалы XIII–XV веков. Комплекс этих источников позволяет реконструировать характер и направления итальянской активности в Центральной Азии, включая территории современного Казахстана.

Особое место в источниковом корпусе занимают путевые заметки — жанр, восходящий к античной традиции Геродота и Ксенофонта и получивший в средневековье новое развитие. Эти тексты объединяют географические

сведения с наблюдениями этнографического и культурного характера, описывают торговые пути, ассортимент товаров, формы хозяйственной деятельности, а также культурного и технологического обмена между регионами Евразии.

Труды Плано Карпини были несколько раз переведены с латыни. Новое издание 2022 года, подготовленное В. Трепавловым и рассматриваемое в настоящем исследовании, полностью соответствует современным требованиям медиевистики. Оно включает четыре основных компонента: вводную историческую часть, критически установленный латинский текст, новый перевод на русский язык и развёрнутый научный комментарий, подготовленный профессиональными историками медиевистами. В комментариях анализируются различные аспекты центральноазиатской цивилизации XIII века, зафиксированные францисканской миссией.

Наибольший исследовательский интерес представляют материалы Ватиканской Апостольской библиотеки, где сосредоточено значительное количество уникальных рукописей, писем миссионеров, дипломатических отчётов и редких карт, отражающих средневековые представления итальянцев об азиатском мире. Наряду с Ватиканом важными хранилищами являются библиотеки Валличелли, Барберини, Мальиабекки и флорентийская библиотека Риккарди. Эти коллекции предоставляют возможность комплексного изучения культурных контактов и политических миссий, осуществлявшихся через обширное пространство Центральной Азии. Особое значение в современной источниковедческой практике имеет систематизация и цифровое воспроизведение редких манускриптов, что способствует их сохранению и более широкому академическому использованию.

Авторы данных записок, как правило, это официальные дипломаты, католические миссионеры, направленные Святым Престолом, и коммерсанты, прибывшие за торговой прибылью. В их донесениях, дневниках и воспоминаниях зафиксированы ключевые аспекты политического устройства ханств: механизмы государственного управления, положение монархов и характер их связей с правящей аристократией. Помимо письменных источников, в исследовании используются опубликованные издания средневековых хроник, а также результаты археологических и этнографических изысканий, позволяющие соотнести текстовые свидетельства с материальной культурой эпохи.

В ходе работы были обнаружены и изучены рукописи и ранние издания, хранящиеся в фондах Национальной библиотеки Франции. Среди них малоизвестные в отечественной и русскоязычной науке материалы Катерино Зено и Джакомо Соранцо. Рукописи Джованни Мария Анджолелло были введены в научный оборот азербайджанскими исследователями, но не знакомы в остальных странах СНГ [269].

На основе этих источников удалось впервые реконструировать ряд эпизодов их путешествий, уточнить хронологию и географию маршрутов, а также сущность их дипломатической миссии. Особую ценность представляют азербайджанские и итальянские материалы, которые ранее практически не

привлекались в трудах отечественных исследователей. Таким образом, в источниковедческом отношении работа восполняет существенный пробел: были введены в научный оборот новые имена, тексты и свидетельства, ранее не исследованные в отечественной и русскоязычной историографии.

Современная зарубежная историография, изучающая контакты между Европой и Золотой Ордой, а также путешествия итальянских миссионеров и купцов в Центральную и Восточную Азию, представляет собой сложное и многослойное направление. В современных исследованиях прослеживается стремление к переосмыслению евроцентричных интерпретаций, характерных для раннего этапа историографии. Актуальные работы опираются на сочетание методов политической истории, культурологии, археологии и филологии, что обеспечивает комплексный анализ трансевразийских связей.

Важным направлением расширения источниковедческой базы становится научно-культурное сотрудничество Казахстана и Ватикана, включая предоставление исследовательского доступа к фондам Ватиканской Апостольской библиотеки. Для казахстанской академической среды это имеет стратегическое значение, поскольку позволяет изучать редкие документы, освещающие религиозные, дипломатические и культурные взаимосвязи Евразии в средние века. Доступ к таким источникам способствует не только развитию национальной исторической науки, но и укреплению международных научных связей, направленных на реконструкцию глобальной картины средневековых контактов. Источниковедческий анализ более подробно раскрывается в первой главе, первом подразделе диссертации.

Цель данной диссертации заключена в демонстрации становления и эволюции взаимоотношения между итальянскими городами государствами и монгольскими державами на примере экспедиций итальянских путешественников в Центральную и Восточную Азию в XIII–XV веках, их формата, характера и влияния на политику, экономику, религию, искусство и смежные сферы. Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) Рассмотреть историко-географический контекст путешествий итальянских исследователей XIII–XV вв., определить характер формирования понятий «Центральная Азия» и «Тартария» в европейской традиции и выявить влияние этих путешествий на развитие средневековой картографии.

2) Проанализировать политические и дипломатические аспекты деятельности итальянских путешественников, оценить роль миссий при дворах монгольских правителей и место итальянских республик в системе международных контактов Средневековья.

3) Исследовать экономическую составляющую итальянского присутствия в Центральной Азии и Причерноморье, определить значение торговых колоний и факторий, а также выявить специфику товарообмена и роль работорговли в трансевразийских торговых и культурных контактах.

4) Охарактеризовать миссионерскую деятельность францисканцев и доминиканцев, выявить её вклад в накопление этнографических,

лингвистических и религиоведческих знаний о народах Центральной и Восточной Азии.

5) Проанализировать культурное и интеллектуальное влияние итальянских путешествий на формирование европейских представлений о Востоке, их отражение в литературе, живописи, картографии и гуманитарной мысли эпохи Возрождения.

6) Определить значение итальянских путешествий для глобальных процессов, включая становление средневековой глобализации, развитие трансевразийской торговли, формирование предпосылок эпохи Великих географических открытий и трансформацию роли Европы в мировой истории.

Методология и методы исследования

Во время исследования указанной темы были использованы различные методы: методы анализа и синтеза, историко-критический метод, сравнительный метод, метод контент-анализа, диалектический метод. В рамках диссертации применяются тексты, такие как отчёты и записи путешественников (например, Марко Поло, Джованни Плано Карпини, Одорико Порденоне и других).

Метод анализа позволяет подробно исследовать сложные явления, разделяя их на составляющие части для более глубокого понимания. Подробный анализ текстов дневников, отчётов, писем и других документов, чтобы выделить ключевые темы, идеи и факты.

Метод синтеза позволяет объединить различные элементы, выявленные в ходе анализа, в целостное представление, что способствует формированию обоснованных выводов и новых знаний. Происходит интеграция результатов анализа политических, экономических, культурных и природных факторов в единую концепцию, объясняющую влияние этих факторов на путешествия. Данный метод позволяет создание общей модели, описывающей взаимодействие итальянских путешественников с Центральной Азией.

Историко-критический метод позволяет критически анализировать исторические источники, устанавливать их достоверность, выявлять авторские позиции и контексты создания текстов. Применение данного метода позволяет выявлять возможные предвзятости и элементы субъективности в авторских свидетельствах, что имеет принципиальное значение для объективной интерпретации источников. Он обеспечивает анализ культурных и личностных установок авторов, а также влияния их политических и религиозных убеждений на описание событий. В результате достигается более точная и аргументированная реконструкция исторических фактов, что повышает научную значимость исследования. Это заметно на изучении «Книги о разнообразии мира» (или «Путешествия») Марко Поло с точки зрения авторства и условий написания, а также анализа роли Рустичелло да Пизы в создании текста.

Сравнительный метод помог сопоставить описания одних и тех же событий и явлений разными авторами, выявляя расхождения и совпадения. Метод позволяет выявлять сходства и различия между различными аспектами, объектами или событиями, что помогает глубже понять исследуемую тему.

Сравнение описаний путешествий различных итальянских путешественников (например, Марко Поло и Одорико Порденоне) для выявления общих тенденций и индивидуальных особенностей.

С помощью метода контент-анализа получилось систематически и объективно анализировать тексты для выявления значимых характеристик, тем и тенденций.

Диалектический метод позволяет проследить изменения исторического контекста, в рамках которого осуществлялись путешествия итальянских авторов, а также выявить динамику политических и экономических условий в Центральной Азии и их влияние на маршруты и цели передвижений. Его применение даёт возможность анализировать возникавшие противоречия между путешественниками и местным населением, способы их разрешения и последствия для успешности миссий. Особое значение при этом имеет рассмотрение взаимосвязи культурных, экономических, политических и природных факторов, формировавших условия путешествий.

Анализ этих источников позволяет проследить, как складывалась политика Монгольской империи и её преемников — Золотой Орды, Ильханата и династии Юань — в отношениях с Папой Римским и торговыми республиками средневековой Италии. Для ответа на поставленный исследовательский вопрос наиболее подходящими будут качественные методы. В связи с этим актуальной становится проблема критического анализа источников, содержащих сведения о законе Чингисхана. Весьма актуальным и ценным становится метод сопоставления имеющихся данных с известными историческими фактами, свидетельствующими об особенностях исторической эпохи, общественного строя, политики Монгольского государства. Литература по смежным темам предполагает, что качественные методы являются наиболее подходящими.

Объект исследования — исторический процесс в итальянских городах-государствах в XIII–XV веках в контексте изучения новых территорий.

Предмет исследования — путешествия в Центральную и Восточную Азию, отдельные маршруты, личности путешественников и их записки.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1) Комплексное исследование путешествий итальянских авторов XIII–XV вв. в Центральную и Восточную Азию позволило уточнить историко-географический контекст их маршрутов, особенности формирования понятий «Центральная Азия» и «Тартария» в европейской традиции, а также их влияние на развитие средневековых картографических представлений. В обобщённом виде были реконструированы маршруты данных путешественников с использованием картографических методов, а также введена типовая классификация итальянских путешественников.

2) В отечественный научный оборот введены переведённые фрагменты трактата Катерино Зено «Commentarii del viaggio in Persia» (XVI в.), опубликованного в сборнике Рамузио «Navigationi et viaggi» и частично переизданного в английском переводе в серии Hakluyt Society (1873) [207]. Впервые в отечественной и русскоязычной медиевистике предпринят перевод и

интерпретация фрагментов, относящихся к миссии Катерино Зено в Персию и к его контактам с Ак-Коюнлу, а также дипломатические донесения посла Джакомо Соранцо касательно кочевых государств Персии. В историографии стран СНГ отсутствуют самостоятельные исследования, посвящённые Катерино Зено и Джакомо Соранцо. Упоминания его путешествия встречаются лишь в обзорных трудах (например, в работах по истории итальянских контактов с Востоком), где анализ ограничивается краткими биографическими сведениями без обращения к оригинальным источникам. В рамках настоящего исследования произведён авторский перевод отрывков из оригинального итальянского текста, сопоставленный с английской редакцией XIX века, что позволяет выявить особенности дипломатического и культурного восприятия Персии XV века глазами венецианского дипломата Джакомо Соранцо. Работа восполняет существенный пробел в отечественной науке, вводя в оборот уникальные свидетельства, ранее недоступные исследователям, и открывает новые возможности для анализа политических и межцивилизационных связей Востока и Запада в эпоху Средневековья. Отдельные упоминания Navigationi et viaggi встречаются лишь в историографических работах по истории географических открытий, но комплексное использование этого источника в контексте изучения политических, религиозных и торговых связей Центральной и Восточной Азии XIII–XV вв. ранее не осуществлялось.

3) В работе реализован оригинальный исследовательский подход: впервые в отечественной и русскоязычной историографии вводятся ранее не использовавшиеся источники, сопровождаемые авторским переводом и научным комментарием. Это позволяет существенно расширить источниковую базу исследований международных контактов позднесредневековой эпохи и уточнить представления о взаимодействии итальянских городов-государств с монгольскими державами. Данные материалы, содержащиеся в путевых заметках итальянских путешественников, позволяют проследить постепенную трансформацию восприятия монголов, а позднее и османов в политических кругах Европы. На примере Катерино Зено, Джан Мария Анджолелло и Джакомо Соренцо также заметно попытка использовать государства Центральной Азии против нарастающей угрозы Османской империи. Первоначально рассматриваемые как потенциальные союзники в противостоянии мусульманскому Востоку, монгольские правители постепенно начали восприниматься одновременно и как серьёзная военная угроза, и как значимые партнёры в торговле и обмене товарами. Даже в случаях, когда отдельные источники были ранее известны в историографии, в настоящем исследовании они впервые включены в иной исследовательский контекст, что привело к уточнению и пересмотру сложившихся интерпретаций.

4) Введён в научный оборот и комплексно проанализирован корпус латинских миссионерских свидетельств XIII–XV вв., связанных с деятельностью францисканских и доминиканских орденов в Центральной и Восточной Азии. На основе папских булл, куриальной переписки и миссионерских текстов, включая проповеди Рикольдо да Монтекроче и сочинения Джованни Мариньоли, выявлены особенности фиксации

этнографических, лингвистических и социально-политических характеристик народов региона, а также проанализированы попытки установления христианско-монгольских союзов, отражённые в концепции «Жёлтого крестового похода».

5) На основе сведений Франческо Пеголотти впервые сопоставлены торговые маршруты, валютные системы, тарифы, меры веса и ассортимент товаров, что позволило реконструировать структуру транзитной торговли через ордынские территории. Использование данных Пеголотти позволило уточнить ассортимент товаров (меха, рабы, серебро, шёлк, специи, ткани, металлы), а также определить степень вовлечённости итальянских купцов в рынки Золотой Орды. Выявлены новые сведения о коммерческой деятельности итальянских торговых колоний в Причерноморье и Центральной Азии, уточнена структура товарообмена, включая транзитную торговлю и работорговлю. В историографии дальнего зарубежья, рабство и работорговля рассматриваются как один из аспектов политико-экономических отношений: например, в контексте взаимодействия Орды и султаната мамлюков, где торговля рабами была связана с дипломатией и обменами элитами. В отечественной науке тема Золотой Орды сводится главным образом к вопросу о её значении для национальной идентичности, этногенеза, географии, культурного наследия, а не к соцэкономическим практикам вроде работорговли и её влиянии на окружающий мир, что доказано на примере записок Франческо Петрарки. Эти данные расширяют представления об экономической базе трансевразийских связей XIII–XV вв. и дополнительно подтверждаются картографическими реконструкциями маршрутов.

6) Впервые в отечественной историографии итальянские путешествия XIII–XV вв. рассмотрены в культурно-интеллектуальном измерении как фактор глобальных процессов средневековья. На примере поэзии Данте Алигьери и Франческо Петрарки, а также живописи Тициана показано влияние восточного опыта, полученного через путешествия и миссионерские контакты, на формирование западноевропейской гуманистической традиции. Такой подход позволяет по-новому интерпретировать роль итальянских путешественников как посредников между Востоком и Западом в контексте ранней средневековой глобализации. Даже в случаях, когда отдельные источники были ранее известны в историографии, в настоящем исследовании они впервые включены в иной междисциплинарный исследовательский контекст. В частности, записки и описания итальянских путешественников XIII–XV вв. впервые проанализированы в их связи с формированием интеллектуального и художественного горизонта позднесредневековой и раннегуманистической Италии. Это позволило выявить и обосновать влияние восточного опыта, зафиксированного в путешественных нарративах, на мировоззренческие представления и образный язык Данте и Франческо, а также на иконографические и символические решения в живописи Тициана, что привело к уточнению и пересмотру сложившихся интерпретаций роли Востока в культуре итальянского Возрождения.

Также в работе использовались научные статьи и авторитетные зарубежные энциклопедические издания, выпущенные в 2023–2025 годах, ранее не переведённых и не использованных в отечественной науке.

Хронологические рамки диссертации установлены XIII–XV веками. Достаточно конкретный охват временных рамок открывает возможность отследить эволюцию политических и правовых институтов в центрально-азиатских государствах с учётом политических, торговых, культурных и религиозных взаимосвязей. В данный период на Аппенинском полуострове не существовало единой Италии.

Географические рамки диссертации ограничены пространством, охватывающим Центральную и Восточную Азию, а также сопредельные регионы, с которыми итальянские путешественники XIII–XV веков вступали в непосредственное взаимодействие. К числу таких территорий относятся: Ближний Восток, Закавказье, Причерноморье, степные пространства Евразии, а также Монголия и Китай. Следует подчеркнуть, что Япония и Корея не включены в рамки данного исследования: итальянские путешественники XIII–XV вв., насколько можно судить по сохранившимся источникам, не достигали этих территорий и не оставили о них надёжных и проверяемых свидетельств.

Научные положения, выносимые на защиту

1. Итальянские путешественники внесли существенный вклад в формирование средневековых представлений о Центральной и Восточной Азии. Их описания способствовали уточнению географических знаний, легли в основу средневековой картографии и стали важным источником для создания таких карт, как Каталанский атлас и карта Фра Мауро. На основе рукописей Катерино Зено и Йосафата Барбаро в европейской историографии постепенно происходит трансформация представления о регионе — от абстрактного понятия «Тартарии» к более дифференцированному и точному пониманию пространственных границ Азии.

2. Итальянские города-республики XIII–XV веков (прежде всего Венеция и Генуя) активно участвовали в формировании дипломатических связей с государствами монгольского круга. Итальянские посольства и купеческие фактории получали привилегии, включая налоговые льготы и гарантии безопасности. Дипломатические контакты между Папским престолом и монгольскими ханами демонстрируют стремление Рима к поиску союзников против исламского мира. Сложность религиозных и политических контекстов, а также случаи насилия против итальянских купцов (например, казнь генуэзца Сегурано Сальвайго по приказу Узбек-хана) отражают противоречивый характер взаимодействий Европы и Орды.

3. Итальянские купцы и банкиры выступали посредниками в обмене между Востоком и Западом, распространяя новые формы финансовых и коммерческих практик — в частности, использование векселей, систему кредитования и страхования караванов. Генуэзские фактории Каффы и Таны стали центрами транзитной торговли, включая торговлю рабами, мехами и специями. Политические конфликты с Золотой Ордой, такие как осада Каффы в

1346 году, иллюстрируют тесное переплетение экономических и военно-политических интересов в Причерноморье.

4. Католические миссионеры XIII–XIV веков, включая Джованни да Монтекорвино, Одорико да Порденоне и Рикольдо да Монтекроче, предпринимали попытки христианизации монгольских и китайских земель. Их деятельность способствовала межцивилизационному обмену, в том числе переводам христианских текстов на монгольский язык и созданию первых католических общин в Пекине. Ограниченный характер миссионерских успехов объясняется как устойчивостью местных религиозных традиций, так и внутренними противоречиями католических орденов.

5. Сочинения Марко Поло, Плано Карпини и других путешественников оказали значительное влияние на европейскую литературу и историческую мысль. Их наблюдения расширили гуманистическую картину мира эпохи Возрождения и способствовали формированию ориенталистского дискурса. Азия в этих источниках предстает одновременно как пространство богатства и как мир варварства и деспотии, а отражение восточных реалий в произведениях Данте Алигьери и Франческо Петрарки свидетельствует о синтезе географического и культурного опыта.

6. Итальянские нарративные источники XIII–XV веков и контакты с Монгольской империей способствовали интенсивному культурному обмену, выходу итальянского искусства за рамки византийской традиции и формированию нового визуального языка. Через дипломатические миссии, торговлю и посредничество францисканских и доминиканских монахов в Италию проникали восточные предметы роскоши, художественные техники и представления о пространстве, цвете и орнаменте. Итальянский опыт сухопутных и морских путешествий стал концептуальной основой для последующего развития европейской географической науки, дипломатии и культурного обмена, предвосхитив формирование Ренессанса.

Научная и практическая значимость диссертации состоит в том, что её результаты могут быть востребованы в исследовательской, образовательной и культурно-просветительской работе. Материалы исследования могут использоваться при разработке и обновлении учебных программ, элективных дисциплин и спецкурсов, а также при проведении семинаров и практических занятий по истории Средневековья в бакалавриате и магистратуре исторического и востоковедческого профиля. Исследование способствует развитию интереса к проблематике взаимодействия Европы и Азии в средневековую эпоху. Полученные результаты могут быть использованы в рамках двусторонних и многосторонних исследовательских инициатив, прежде всего между Казахстаном и странами Европейского союза (в частности, Италией). Работа также может служить основой для налаживания академических обменов, участия в международных грантовых проектах и исследовательских сетях, посвящённых изучению культурных и дипломатических связей в исторической перспективе.

Научные выводы и проведённая систематизация источников представляют практическую ценность для формирования тематических

коллекций в архивах и музеях Казахстана и стран СНГ, а также при оцифровке и переводе итальянских нарративных источников, содержащих сведения о Центральной Азии и казахских степях.

Апробация исследовательской работы была проведена на каждом этапе выполнения диссертационной работы и осуществлялись в следующих формах:

Доклады, выступления и сообщения на международных конференциях, симпозиумах и семинарах. По теме исследования опубликовано 7 статей, в том числе 6 — в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Комитетом по качеству в сфере науки МОН РК, и 1 — в журнале, индексируемом в базе Scopus:

1. «История определений терминов ‘Центральная Азия’ и ‘Тартария’ в историографии и записках средневековых европейских путешественников» — Вестник КНУ им. Ж. Баласагына, 2024 г.

2. “Analysis of travel notes of Francesco Balducci Pegolotti” — Journal of Ecohumanism, Paper ID: JOE-024-3573, 2023 г.

3. «Характер экспедиций итальянских путешественников в Центральную Азию в XIII веке» — Вестник КазНУ, DOI:10.26577/JH.2023.v108.i1.016, 2023 г.

4. «Политические отношения между итальянскими государствами и Золотой Ордой в XIII–XIV вв. (по итальянским материалам)» — Вестник КазНУ, DOI:10.26577/JH.2023.v111.i4.08, 2023 г.

5. «Роль итальянских путешественников в становлении ориентализма и его влияние на литературу Данте и Петрарки» — Культура и цивилизация, №3, 2024 г.

6. «Коммерческая деятельность генуэзских торговцев в Крыму в XIII–XIV вв.» — Исторический вестник, т. 7, №4, 2024 г.

7. “Narrative Analysis of the Notes of Italian Travelers of the 13th–15th centuries in Central Asia” — Eminak (Scopus), vol.1, DOI:10.33782/eminak2025.1(49), p. 776, 2025 г.

Структура диссертации. Данная диссертационная работа состоит из введения, трёх глав, каждая из которых состоит из четырёх подпунктов, заключения, списка использованной литературы и приложений с картами маршрутов путешественников, рукописями и иллюстрациями.

1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРОБЛЕМЫ

1.1 Источниковедческий анализ записок итальянских путешественников XIII-XV веков

Историография изучения итальянских источников в XIII–XV веков имеет значительную научную базу. Записки итальянских путешественников XIII–XV веков в Центральную и Восточную Азию отличаются всеобъемлющим охватом исследований, проводимых различными учёными и историками на протяжении веков. Исследование дипломатической переписки ильханов, охватывающее обширный временной и географический диапазон, представляет собой значительный вклад в изучение истории Монголии и сопредельных регионов.

В настоящем исследовании используется подход, восходящий к источниковедческой методологии В. В. Бартольда [140], предполагавшей сопоставление источников не по степени их «достоверности», а по их функции, происхождению и месту в соответствующей культурной и социальной среде.

Работа в этой области велась и продолжается исследователями с мировым именем, как отечественными, так и зарубежными. С.П. Карпов выделяет пять типов источников [5], которые помогают в анализе средневековых торговых маршрутов:

1.Природно-географические — информация о природных условиях, таких как ландшафт, климат и влияние человека на окружающую среду.

2.Этнографические — данные о традициях, обычаях, языке и фольклоре, которые дошли до нас из прошлого.

3.Вещественные — археологические артефакты, такие как сооружения, орудия труда, транспорт и бытовые предметы.

4.Письменные — документы, хроники, деловая переписка и произведения литературы, которые рассказывают о торговле и путешествиях.

5.Изобразительные — визуальные материалы, включая карты, гравюры и картины, которые отражают мировоззрение и представления об окружающем мире.

В настоящем исследовании также используется иной уровень систематизации — видовая классификация письменных источников, основанная на их внутренней структуре и специфике содержания. В рамках данной классификации письменные источники подразделяются по ряду источниковедческих критериев, включая регион создания и действия, жанровую принадлежность, характер деятельности автора и хронологический контекст.

Нами предлагается следующая видовая классификация:

Первым критерием является содержание источников. В зависимости от преобладающего типа информации источники подразделяются на тексты, ориентированные преимущественно на описание торгово-экономических процессов, на фиксацию политических институтов и дипломатических контактов, а также на религиозные, этнографические и культурные наблюдения;

Второй критерий жанровый. По жанровой принадлежности источники включают путевые описания, хроники, торгово-практические руководства, дипломатические отчёты и миссионерские сочинения. Учёт жанровой специфики позволяет определить степень формализации текста, уровень авторской субъективности и характер нарратива;

Третьим критерием выступает характер деятельности автора. Профессиональная принадлежность путешественника определяла цели экспедиции, структуру произведения и тип фиксируемой информации. В соответствии с этим выделяются источники, созданные миссионерами, купцами и торговцами, дипломатами и авторами смешанного профиля;

Региональный и хронологический критерии используются вспомогательно и применяются при анализе географии маршрутов и динамики появления различных типов источников в XIII–XV вв. В частности, дипломатические свидетельства в строгом смысле получают наибольшее распространение в XV веке, тогда как в более ранний период преобладают миссионерские и торговые тексты.

Таким образом, применяемая система классификации основана на комплексе взаимодополняющих критериев и позволяет рассматривать итальянские источники XIII–XV вв. как целостный, но внутренне дифференцированный корпус, адекватный задачам исследования торговых, политических и культурных связей Средневековья.

Такой подход не дублирует типовую схему С. П. Карпова [5], а развивает её применительно к конкретному корпусу письменных памятников итальянских путешественников XIII–XV вв., что позволяет провести более детальный и аналитически точный источниковедческий анализ.

При источниковедческом анализе важной научной процедурой является оценка условий происхождения данных видов источников. Формирование корпуса итальянских письменных источников XIII–XV веков, посвящённых Центральной и Восточной Азии, происходило в специфических социально-политических и экономических условиях позднесредневековой Европы. Отсутствие единого итальянского государства и наличие сети автономных городов-государств и республик (Венеция, Генуя, Флоренция и др.), активно вовлечённых в международную торговлю и дипломатию, обусловили высокую мобильность итальянских купцов, послов и миссионеров.

Существенную роль в происхождении данных источников сыграла экспансия Монгольской империи и формирование трансевразийского пространства относительной политической стабильности (Pax Mongolica), обеспечившего безопасность сухопутных и морских торговых путей. Это создало условия для регулярных контактов между итальянскими торговыми центрами и государствами монгольского мира, а также для направления дипломатических и миссионерских миссий вглубь Азии.

Значительная часть итальянских источников возникла в контексте практической деятельности их авторов. Купеческие и торговые тексты были ориентированы на фиксацию маршрутов, товаров, цен, валютных систем и правовых условий торговли. Дипломатические записки и отчёты отражали

задачи установления политических союзов, получения привилегий и сбора информации о военной и административной организации восточных государств. Миссионерские сочинения создавались в рамках деятельности католических орденов и находились под влиянием религиозных и идеологических установок Римской курии.

Важной особенностью происхождения итальянских источников является их многоязычная и многостадийная текстовая традиция. Значительная часть сочинений фиксировалась в форме устных рассказов, позднее записывалась секретарями или переписывалась в монастырских и городских скрипториях, что обусловило наличие различных редакций и версий текстов. Это обстоятельство требует особого внимания к вопросам авторства, датировки и текстологической критики при их использовании в историческом исследовании.

В отношении историографии источниковедения можно определить ряд тенденций. Изучение итальянских путешественников в Центральную Азию в период XIII–XV веков привлекает значительное внимание современных историков. Одним из источников по этой теме является сборник «Islamic Central Asia: an Anthology of Historical Sources», который предоставляет богатый материал о взаимодействии региона с исламским миром в этот ключевой период [7]. Другим, чрезвычайно важным источником, являются рукописи из Ватикана. Ватиканская апостольская библиотека (Biblioteca Apostolica Vaticana) учреждена Папой Римским Николаем в 1451 году. Ватиканская библиотека занимает первое место в Европе по древности и богатству манускриптов, то есть рукописей и библиографических редкостей. В великолепном Сикстинском зале выставлены некоторые редчайшие экземпляры, среди которых древняя рукопись Библии IV века; «Евангелие от Матфея» VI в.; палимпсест, то есть рукопись на пергаменте, содержащая большую часть De Repubblica Цицерона, четыре экземпляра Вергилия с III по V век [1].

Понимание особенностей эпохи, когда итальянские путешественники активно взаимодействовали с местным населением, позволяет выявить сложность их взаимоотношений, восприятие традиций и обычаев, а также то, как эти взаимодействия повлияли на их записи и описание региона.

Особую роль в становлении корпуса источников сыграли труды, подготовленные западноевропейскими и российскими ориенталистами конца XIX — начала XX вв., что позволило заложить основы последующего научного изучения путевых текстов.

Для данного периода характерен процесс критического издания произведений Марко Поло, Одорико Порденоне [163], Джованни да Плано Карпини, Вильгельма де Рубрука и Рикольдо да Монтекроче. Издание «The Book of Ser Marco Polo, the Venetian», выполненное Генри Юлом в 1871 г., стало одним из первых научно выверенных трудов, систематизировавших сведения о путешествии Поло, снабдивших текст историко-географическими комментариями и уточнениями маршрутов.

Позднейшая редакция Г. Юла, дополненная французским историком и библиографом А. Кордье, утвердила международный стандарт научной

публикации подобных источников. Кордье опубликовал несколько изданий и дополнений к работам Юла, добавляя новые комментарии и сопоставления, включая создание библиографии по темам, связанным с путешествиями в Азию.

Аналогичный вклад в развитие историографии внесли публикации серии Hakluyt Society, в рамках которой были подготовлены переводы и комментарии к текстам Рубрука и Клавихо [25, 203, 265]. Эти издания отличались методологической строгостью и стремлением к установлению подлинности текста, что соответствовало требованиям зарождавшейся историко-филологической критики конца XIX века.

Важным следствием стало появление корпусных изданий и картографических приложений, использовавшихся при последующих историко-географических реконструкциях. В этот период начала формироваться междисциплинарная рецепция путевых текстов: филологи, картографы, историки торговли и экономисты взаимодействовали при реконструкции маршрутов, а также при анализе коммерческих и дипломатических связей, отражённых в путевых записях и отчётах миссионеров.

Особое значение в этом контексте приобрело переиздание трактата Франческо Бальдуччи Пеголотти «La Pratica della Mercatura», представляющего систематическое описание торговых маршрутов и рынков и позволяющего реконструировать реальную географию средневековой торговли и её отражение в итальянской литературе [249].

Сборник Генри Юла «Cathay and the Way Thither», опубликованный в начале XX века, стал важным сводом текстов, содержащих переводы, биографические сведения и источниковедческие комментарии к материалам о путешествиях из Европы в Китай, тем самым дополнив корпус источников, доступных исследователям [265].

Становление взаимоотношений итальянских городов-государств и Монгольской империи через призму итальянских путешественников — это важный аспект истории международной торговли и культурного обмена. Названия региона, который в XXI веке, нам известен как Центральная Азия, различалась с течением времени. Как отмечает французский историк Горшенина, мифологические образы Тартара и библейских племён Гога и Магога, дали название региона для иностранцев [8].

Более близкое знакомство Европы с Китаем началось именно в XIII вв. По мнению Кристофера Беквита, события, происходящие в Центральной Азии, в первой половине XIII века оказали революционное влияние на все Евразийские цивилизации. Монгольская держава, которая превратила большую часть Евразии в одну коммерческую зону, распространила множество новых китайских изобретений и помогла распространить Чёрную смерть и другие болезни. Вся империя рухнула в четырнадцатом веке из-за проблем преемственности, беспрецедентных наводнений и голода, усугубленных распространением новых болезней [9].

После ухода монгольских войск из Центральной Европы в западноевропейском сознании надолго закрепился образ «восточной угрозы».

Вместе с тем уже во второй половине XIII века папство начало направлять дипломатические миссии на Восток, стремясь установить прямые контакты и получить более надёжные сведения о новых политических образованиях.

Как отмечает Роман Хаутала в своей монографии, на раннем этапе монголов воспринимали не только как жестоких завоевателей и «выходцев из Тартара», но в ряде случаев рассматривали и как возможных союзников. Латинские авторы утверждали, что командовал войском некий Давид, «царь Индии», который стремился помочь ближневосточным христианам и «освободить» Иерусалим от мусульманского владычества [15]. Из работы Хауталы следует вывод, что известные по латинским источникам, попытки Папы Римского установить контакт, а позже и заключить союзные договорённости, являются не отклонением от нормы, а частью последовательной политики.

Через территории Центральной Азии, которые составляли ядро новой Монгольской империи, проходили основные торговые маршруты, связывающие Запад и Восток. Это мнение подтверждает украинский историк Борис Черкас, полагающий, что внутренняя политика Чингизидов, была направлена на поддержку торговли и способствовала коммерческой деятельности итальянцев [16]. Помимо этого, золотоордынские ханы накладывали экономические санкции на торговцев из Венеции и Генуи, согласно исследованию Почекаева [20].

Аналогичные выводы имеются у французского автора, Мари Фавро. Согласно мнению Фавро, благосостояние Монгольской империи вытекало из благоприятных условий для безопасной торговли по всему Евразийскому пространству. Одной из причин краха монголосферы выступили именно повышение пошлин, и утрата способности обезопасить торговые пути для европейских и китайских торговцев [17].

Американский историк татарского происхождения Юлай Шамильоглу, один из ведущих специалистов по истории Улуса Джучи, в 2014 году опубликовал свои результаты по изучению тюркских источников периода поздней Золотой Орды, в первую очередь Умдет ал-ахбар, и также перевел корреспонденцию ханов Сартака и Берке [259].

Важную роль для понимания образа мыслей зарубежных путешественников стали недавно введённые в научный оборот в странах СНГ, источниковедческое исследование Эмиля Бретшнейдера. Это исследование имеет важное значение для библиографического исследования средневековых источников и даёт анализ несуществующих географических местоположений и терминов [21]. Также можно отметить Труд Плано Карпини издавался на русском языке трижды — в 1795, 1825 и 1911 годах, причём последний перевод, выполненный А.И. Малеиным, неоднократно переиздавался с дополнениями и комментариями, однако ни одно из этих изданий не соответствует современным научным стандартам публикации средневековых источников [22].

Существует распространённый миф о том, что монгольские завоевания привели к уничтожению «золотого века» исламских государств на Ближнем

Востоке, после чего эти регионы якобы безвозвратно отстали от остального мира, особенно от Европы, утратили научные достижения, культурные традиции и социальное развитие. Этот стереотип подвергается критике историком Питером Джексоном:

«Историография обычно не была щедра к кочевникам. Они, как правило, оставляли мало или совсем не оставляли литературных свидетельств и ничего в виде архивных материалов. Соответственно, мы зависим от трудов их оседлых соседей, которые считали их в лучшем случае отсталыми, а чаще — низменными. Кочевников изображали беззаконными и хищными, постоянно нуждающимися в сдерживании; сами их достоинства — мобильность и скорость, обеспечиваемые передвижением налегке, — усиливали эту негативную реакцию. Дисбаланс в корпусе первоисточников долгое время оказывал заметное влияние на вторичную литературу, часто ещё более подстёгиваемую националистическими настроениями, так что завоевания кочевников могли считаться тормозящими политическое или культурное развитие. Только в последние три десятилетия историки начали оспаривать этот стереотип, указывая на то, что кочевники были не более «прирождёнными воинами», чем их оседлые соседи, что их не толкала присущая их образу жизни бедность, чтобы грабить соседей или вымогать их богатства с помощью угроз, и что представители оседлой культуры сами были склонны к хищническим нападениям на скотоводов. Более того, кочевые группы отнюдь не были монолитными в своём отношении к оседлым обществам. Интересы племенных армий и массы скотоводческого населения могли различаться; отношения между скотоводами и их соседями — аграриями часто были симбиотическими. И, наконец, интерес кочевников к приобретению технических знаний сильно недооценивается. За последние пятьдесят лет в западной историографии произошло заметное смещение акцентов. В статье, впервые опубликованной в 1968 году, профессор Бернард Льюис задался вопросом, действительно ли массовые убийства, совершённые монголами, имели столь глубокие экономические последствия, которым их обычно приписывают. Он предположил, что Ирак, уже находившийся в упадке до монгольских нашествий, был практически единственным регионом с долгосрочными последствиями, а разрушение халифата часто преувеличивалось. В статье также указывались положительные результаты монгольского владычества, особенно в политической сфере, что стало важным ориентиром для англоязычной науки» [156].

После публикации западные историки стали чаще подчеркивать положительные аспекты монгольской власти в завоеванных областях Азии. Дэвид Морган отмечает, что «устоявшийся образ монгольских правителей как исключительно воинственных, праздных и распутных, оставлявших все заботы о государственном управлении персидским или китайским бюрократам, уже не может считаться достоверным. Более того, монгольские завоевания рассматриваются как первое глобальное событие в мировой истории» [54]. Ключевую роль в этом понимании сыграла работа профессора Томаса Т. Оллсена, одного из немногих исследователей, использующих как китайские,

так и исламские источники. Оллсен подчёркивает, «что монголы активно способствовали экономическому и культурному развитию: они стимулировали торговые сети, охватывающие всю Азию, а также содействовали обмену знаниями между Ираном и Китаем в медицине, астрономии, географии, сельском хозяйстве и кулинарии. Их империя функционировала как своего рода «основная информационная сеть» [72]. В американской историографии, даже появилось предположение, назвать это явление «Чингисовым обменом», по аналогии с «Колумбовым обменом» в американской истории, подчеркивая глобальные последствия таких контактов. Подзаголовок книги Джорджа Лейна «Раннее монгольское правление в Иране XIII века» — «Персидский ренессанс» — отражает внимание современных исследователей к межкультурным связям. Морган отмечает, что изучение этих контактов демонстрирует «значительный историографический сдвиг» в оценке монголов и их империи [80].

Важна чёткая терминологии для анализа исторических процессов, связанных с путешествиями итальянцев в Монгольскую империю XIII века. Центральная Азия и Тартария вызывали значительный интерес у средневековых итальянцев, что обусловлено историческим контекстом монгольских завоеваний. Монгольская империя, сформировавшаяся под руководством Чингисхана и его наследников, значительно повлияла на политическую, экономическую и культурную ситуацию в регионе. Золотая Орда, как мощное государственное образование, представляла серьёзную угрозу для Европы.

Одной из ключевых проблем при анализе итальянских источников XIII–XV вв. является вопрос их достоверности и интерпретации содержащихся в них сведений. Выявление возможных искажений и подмен исторических фактов идеологическими или религиозными интерпретациями, маршруты, цели, направления итальянских путешествий в Центральную и Восточную Азию. Как итальянские путешественники описывали культуры и обычаи Центральной и Восточной Азии? Какие стереотипы и предубеждения они формировали? Как их путешествия способствовали культурному обмену между Востоком и Западом? Как рассказы и отчёты итальянских путешественников повлияли на европейские знания о мире и вдохновили на последующие географические открытия? Как путешествия способствовали развитию торговли между итальянскими городами государствами и азиатскими регионами? Какие товары и технологии привозили путешественники из Азии, и как это влияло на экономику Европы?

Исследование торговых, политических и культурных контактов между итальянскими городами-государствами и странами Центральной и Восточной Азии основывается на разнородном корпусе письменных памятников, созданных авторами с различным социальным статусом, целями и мировоззренческими установками. Это обстоятельство требует применения источниковедческой критики, направленной на выявление как информативного потенциала текстов, так и их ограничений.

Ранний этап источниковой традиции представлен преимущественно сочинениями папских посланников и миссионеров, действовавших по

поручению Римской курии. Произведения Джованни да Плано Карпини, Вильгельма де Рубрука, Рикольдо да Монтекроче и других авторов несут на себе отчётливый отпечаток католического мировоззрения и подчинены задачам религиозной дипломатии.

Так, в трудах средневековых миссионеров объективное описание событий часто сочеталось с эсхатологическими мотивами и восприятием монголов через призму библейских пророчеств. В записках часто наблюдается тенденция воспринимать монгольскую экспансию исключительно как разрушительную силу. Первые упоминания о монголах появляются в латинских источниках в 1221 году. Согласно этим источникам, монгольское войско, совершившее ряд завоеваний в Центральной Азии, Персии и Закавказье, состояло из крещёных кочевников. До начала великих путешествий на Восток, о монголах писали следующие авторы, чьи сведения, ещё не были достаточно полны и достоверны. Однако перечисленные лица, являются первыми, кто записал свидетельства о монголах в Западной Европе.

Матфей Парижский (ум. ок. 1259) — английский хронист, писатель и художник, автор «Большой хроники» (1240–1259), охватывающей события Англии, Европы и Ближнего Востока [251]. В хронике он описывает монгольское вторжение в Европу, опираясь на рассказы очевидцев и письма участников, таких как русский архиепископ Пётр. Матфей передаёт атмосферу страха и паники, вызванную нашествием, и демонстрирует попытки европейцев осмыслить монголов через птолемеевско-библейскую модель мира. Он также объясняет европейскую терминологию: «тартары» и «Тартария» — чисто европейские названия, связанные с образом демонов, вышедших из Тартара. Хроника Матфея остаётся ценным источником для понимания восприятия монгольской угрозы и интеграции новых событий в средневековое мировоззрение.

Магистр Рогерий Апулийский (ум. 1266) — итальянский клирик, автор произведения «Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами» (Carmen miserabile super destructione regni Hungariae per Tartaros). Будучи очевидцем монгольского вторжения в Венгрию, Рогерий оставил эмоционально насыщенный, но ценный по содержанию источник. Его труд, задуманный как отчёт церковному начальству, содержит многочисленные наблюдения о действиях монгольских войск, их тактике, а также о внутренних противоречиях венгерского общества, усугубивших последствия нашествия [247, с. 367—403]. В текущий момент, оригинальной рукописи не сохранились, и известны лишь копии XVI века.

Фома Сплитский (ум. 1268) — архидьякон города Сплита в Далмации, автор хроники «История архиепископов Солоны и Сплита» (Historia Salonitanorum atque Spalatinorum pontificum) [250]. В своём сочинении он сообщает о нашествии монголов на Венгрию и приводит сведения, бытовавшие в Европе о происхождении и самоназвании этого народа. По словам Фомы, «их страна расположена в той части света, где восток соединяется с севером, и эти племена на своём языке называют себя монголами». Таким образом, хроника

Фомы является одним из ранних западноевропейских текстов, где зафиксировано самоназвание монголов.

Роджер Бэкон (ум. 1292), английский мыслитель, в своих сочинениях (Opus maius, Opus tertium) приводит сведения о монголах, преимущественно основанные на слухах и компиляциях. Его текст представляет интерес прежде всего как отражение того, каким образом западноевропейская учёная традиция пыталась вписать образ монгольских завоевателей в птолемеевско-библейскую картину мира. У Бэкона реальные сведения о миссионерской активности среди кочевых народов соседствуют с мифологическими элементами — например, с отождествлением Чингисхана с легендарным Пресвитером Иоанном или упоминанием гиперборейских народов за пределами Руси.

Асцелин Ломбардский (или Кремонский) — доминиканец, посланный папой Иннокентием IV к монгольскому двору в 1245 году. Его миссия оказалась безрезультатной: Асцелин достиг лишь Армении, где в 1247 году встретился с военачальником Байджу-нойоном. Отказ от выполнения принятых дипломатических церемоний — преклонения колен и подношения даров — вызвал раздражение монгольской стороны, после чего посол прекратил путешествие. Его записки, сохранившиеся в раннем латинском переводе, представляют интерес как свидетельство о первых попытках дипломатического сближения между Римом и монгольской державой. Полного современного перевода текста не существует; наиболее раннее печатное издание датируется 1825 годом.

В эпоху монгольских завоеваний и последующих династий Центральная Азия стала не только важным торговым узлом, но и объектом духовного интереса европейцев. Для них этот регион представлял возможность не только наладить торговлю с использованием шелка, специй и других редких товаров, но и реализовать миссионерские амбиции, обращая местное население в христианство. Европейцы, включая итальянских купцов и миссионеров, видели в этом потенциал для укрепления своей религиозной и политической роли в мире. Итальянские путешественники, такие как Марко Поло и Джованни да Плано Карпини, сыграли значимую роль в обмене знаниями между Востоком и Западом. Их труды стали важным источником для изучения Центральной Азии, её культурного и социального устройства.

В их текстах политические и экономические реалии Востока нередко интерпретируются через призму христианской универсалистской картины мира, что проявляется в оценочных суждениях, нормативном языке и стремлении соотнести незнакомые социальные институты с европейскими категориями. Это не снижает ценности данных источников, однако требует постоянного учёта конфессиональной обусловленности авторской позиции.

Для сопоставительного анализа и проверки достоверности западноевропейских свидетельств, необходимо также полагаться на восточные письменные и картографические материалы. Среди них выделяются китайские хроники (Юань ши, Мин ши), персидские исторические сочинения (Рашид ад-Дин, Ата-Малик Джувейни, Вассаф) [70], а также арабские географические труды (Ибн Баттута, Ибн Хаукаль и др.).

Дополнительную ценность представляют портоланы и географические карты итальянского происхождения, отражающие развитие пространственных представлений и картографической традиции эпохи. Привлечение этих источников позволяет реконструировать реальные масштабы евразийских связей, уточнить маршруты путешественников и выявить различия в культурной оптике европейцев и восточных авторов.

В то же время уже в XIII–XIV вв. наблюдается расширение круга авторов и постепенное ослабление монополии церковного взгляда на Восток. Наряду с миссионерами появляются источники, созданные купцами и торговцами, для которых первостепенное значение имели практические аспекты торговли: маршруты, ассортимент товаров, валюты, меры веса и условия обмена. Тексты Марко Поло [48], Франческо Бальдуччи Пеголотти [249] и других представителей купеческой среды отличаются большей фактической насыщенностью и, как правило, меньшей идеологической нагрузкой, хотя и они не свободны от субъективных оценок и обобщений.

С XV века усиливается роль дипломатических источников, связанных с деятельностью официальных посольств итальянских республик. Записки Катерино Зено [207], Джан Мария Анджолелло [211], Амброджо Контарини [209] и других послов фиксируют политическую структуру восточных государств, характер межгосударственных переговоров и стратегические интересы сторон. Эти источники дополняют миссионерские и торговые тексты, позволяя сопоставлять сведения, полученные в разных институциональных контекстах.

Сравнительный анализ источников показывает, что противоречия между ними, как правило, носят не фактический, а интерпретационный характер и обусловлены различием целей, статуса и мировоззрения авторов. В совокупности миссионерские, торговые и дипломатические тексты не исключают, а взаимно дополняют друг друга, формируя многомерную картину итало-восточных контактов. Именно сопоставление этих разнородных свидетельств позволяет выявить устойчивые элементы информации и повысить степень её достоверности.

Таким образом, достоверность итальянских источников XIII–XV вв. обеспечивается не их изолированным использованием, а комплексным анализом с учётом авторской позиции, конфессиональной принадлежности, профессиональной деятельности и исторического контекста создания текста. Эволюция корпуса источников — от преобладания папских посланников к появлению купцов и дипломатов — отражает изменение характера европейского присутствия на Востоке и расширяет возможности источниковедческого исследования торговых, политических и культурных связей Средневековья.

В настоящем исследовании используется подход, восходящий к источниковедческой методологии В. В. Бартольда [190], предполагавшей сопоставление источников не по степени их «достоверности», а по их функции, происхождению и месту в соответствующей культурной и социальной среде. В рамках данного подхода письменные памятники рассматриваются как

продукты конкретных исторических условий и институциональных задач, что позволяет выявить как их информативный потенциал, так и обусловленные контекстом ограничения.

Одной из ключевых проблем при анализе итальянских источников XIII–XV вв. является вопрос интерпретации содержащихся в них сведений. Исследование торговых, политических и культурных контактов между итальянскими городами-государствами и странами Центральной и Восточной Азии основывается на разнородном корпусе текстов, созданных авторами с различным социальным статусом, целями и мировоззренческими установками. Это обстоятельство обусловливает необходимость применения комплексной источниковедческой критики, ориентированной не только на проверку фактических данных, но и на анализ авторской позиции.

Ранний этап источниковой традиции представлен преимущественно сочинениями папских посланников и миссионеров, действовавших по поручению Римской курии. Произведения Джованни да Плано Карпини, Вильгельма де Рубрука, Рикольдо да Монтекроче и других авторов несут отчётливый отпечаток католического мировоззрения и подчинены задачам религиозной дипломатии. Политические и экономические реалии Востока в этих текстах нередко интерпретируются через призму христианской универсалистской картины мира, что проявляется в нормативном языке, оценочных суждениях и стремлении соотнести незнакомые институты с европейскими категориями. Данная особенность не снижает научной ценности источников, однако требует постоянного учёта конфессиональной обусловленности авторской перспективы.

Уже в XIII–XIV вв. наблюдается расширение круга авторов и постепенное ослабление монополии церковного взгляда на Восток. Наряду с миссионерами появляются тексты, созданные купцами и торговцами, для которых первостепенное значение имели практические аспекты экономической деятельности: торговые маршруты, ассортимент товаров, денежные системы, меры веса и условия обмена. Записки Марко Поло [48], Франческо Бальдуччи Пеголотти [249] и других представителей купеческой среды отличаются высокой фактической насыщенностью и, как правило, меньшей идеологической нагрузкой, хотя и они не свободны от субъективных оценок и обобщений.

С XV века возрастает роль дипломатических источников, связанных с деятельностью официальных посольств итальянских республик. Записки Катерино Дзено [207], Джан Мария Анджолелло [211], Амброджо Контарини [209] и других послов фиксируют политическую структуру восточных государств, характер межгосударственных переговоров и стратегические интересы сторон. Эти материалы дополняют миссионерские и торговые тексты, позволяя сопоставлять сведения, полученные в различных институциональных контекстах.

Сравнительный анализ показывает, что противоречия между источниками, как правило, носят не фактический, а интерпретационный характер и обусловлены различием целей, социального статуса и мировоззрения авторов. В совокупности миссионерские, торговые и

дипломатические тексты не исключают, а взаимно дополняют друг друга, формируя многомерную картину итало-восточных контактов. Именно их сопоставление позволяет выявить устойчивые элементы информации и повысить степень её научной надёжности.

Согласно первому пункту типовой классификации, по содержанию, источники могут быть систематизированы в четыре основные группы: нарративные, дипломатические, коммерческие, религиозно-миссионерские.

1. Нарративные источники. Наиболее значимым пластом источников, непосредственно отражающих представления итальянцев о Востоке, являются путевые заметки, хроники и описания путешествий, созданные представителями различных итальянских городов-государств. Эти тексты обладают двойственной природой: с одной стороны, они представляют собой свидетельства очевидцев, с другой — демонстрируют синтез личных наблюдений с традиционными средневековыми представлениями о мире.

К числу ключевых памятников относятся «Книга о разнообразии мира» (Il Milione) Марко Поло [46], торгово-практическое руководство Франческо Бальдуччи Пеголотти Pratica della mercatura [249], а также записки францисканца Одорико де Порденоне (Relatio)[161]. Существенное значение имеют и более ранние труды, в частности «История монгалов» (Historia Mongalorum) Джованни дель Плано Карпини [24], который был первым европейцем, достигшим Каракорума. В круг источников позднего периода (XV в.) входят свидетельства Катерино Зено [207], Джакомо Соранцо [259], Джан Мария Анджолелло [211], Николо Конти [12], фиксирующие постепенное расширение географического и культурного горизонта итальянских путешественников. Эти сочинения представляют собой ценнейший материал для изучения восприятия азиатских политических структур, религиозных традиций и торговых путей, а также формирования раннего географического знания в Италии.

2. Дипломатические источники. Вторую группу образуют официальные документы дипломатического характера, отражающие взаимодействие итальянских и общеевропейских институтов с правителями Востока. В их число входят папские послания монгольским ханам (Иннокентия IV, Николая IV, Бенедикта XII, Климента V и др.), ответные грамоты и письма монгольских правителей (Гуюк-хана, Аргун-хана, Узбека-хана), а также материалы архивов Венеции и Генуи, содержащие договоры, торговые соглашения и отчёты посольств. Данная категория источников позволяет выявить характер политической коммуникации между Западом и Востоком, определить стратегию Ватикана в отношении монгольского мира и зафиксировать попытки итальянских государств закрепить свои экономические позиции в Черноморском и Каспийском регионах. Особый интерес представляют документы Папской курии, касающиеся направления миссий и установления церковной юрисдикции в пределах Монгольской империи.

3. Коммерческие и экономические источники. К третьей группе относятся материалы хозяйственно-экономического содержания, отражающие практику итальянской торговли в Азии и на пограничных территориях Востока. Сюда

входят торговые книги и счета факторий Венеции и Генуи, действовавших в Тане, Кафе, Тебризе и Трапезунде, а также нотариальные акты, долговые расписки и контракты купцов XIII–XV вв. В некоторых случаях источники представлены в виде деловой переписки, в которой фиксировались сведения о ценах, торговых рисках и маршрутах. Среди наиболее информативных текстов выделяются Libro di mercatanti и La pratica della mercatura, отражающие уровень экономической грамотности итальянских купцов и их знание восточных рынков [249]. Эти документы позволяют проследить развитие трансазиатских торговых путей, особенности валютных операций, а также соотношение светской и церковной юрисдикции в международной торговле.

4. Религиозно-миссионерские источники. Важный пласт составляют религиозно-миссионерские памятники, создававшиеся преимущественно францисканцами и доминиканцами, направленными в Монгольскую империю и сопредельные регионы. К числу наиболее известных относятся отчёты миссий Джованни Плано Карпини, Гильома де Рубрука и Одорико де Порденоне, а также менее изученные тексты Иоанна Маринолли, направленного папой Бенедиктом XII в Китай. Эти документы фиксируют не только религиозную деятельность миссионеров, но и их наблюдения за культурными, политическими и социальными реалиями Востока. Они позволяют оценить степень проникновения христианских идей в азиатскую среду, а также специфику религиозного диалога между католицизмом, исламом и буддизмом. Значительное число подобных текстов сохранилось в архивных коллекциях орденов и Ватикана.

Согласно второму пункту типовой классификации, по содержанию, источники могут быть систематизированы по жанру.

Итальянские путешественники часто совмещали в себе торгово-финансовые и миссионерские функции (частично официальные, частично по указанию папы). Благодаря этому в Центральную Азию попадали не только новые торговые схемы, но и религиозные послания — сначала католические, а следом активизировалась и миссионерская деятельность доминиканцев и францисканцев. Такие контакты развивали неравномерный и противоречивый, но все же взаимный обмен: Европы — с её потребностью в пряностях и редких товарах, и Азии — с её опытом массового товара (шёлк, хлопок) и развитой почтовой службой. Это усиливало интерес в Италии к Востоку, создавая предпосылки для дальнейших «великих географических открытий» морским путём.

Многочисленные заметки путешественников (Марко Поло, братьев Поло, Плано Карпини, Рикольдо да Монтекроче и др.) повлияли на представления европейцев об Азии: в их сочинениях монгольские государства представали одновременно и в виде новой военной угрозы, и как перспективные торговые партнёры. Повествования подчёркивали «экзотический» облик Центральной Азии (сложная религиозная мозаика, высокое ремесленное искусство, обычаи и быт), что вызывало не только любопытство, но и желание извлечь выгоду из торговых сделок. Тем самым в массовом сознании итальянцев складывался более «прагматичный», чем у крестоносцев, взгляд на восточные земли.

Важно отметить, что изучение итальянских экспедиций затруднено фрагментарностью сохранившихся источников: многие документы были утрачены во время османской экспансии в Причерноморье, а также из-за пожаров и разрушений в самих итальянских городах (Кафе, Тане, Венеции). Наряду с этим немало сведений мы имеем из путевых заметок, зачастую субъективных и дополненных более поздними переписчиками (пример — «Книга о разнообразии мира» Марко Поло, в которую вошли вставки от Рустичано из Пизы и др.).

Согласно третьему пункту типовой классификации, целесообразным классифицировать итальянских путешественников XIII–XV веков по доминирующему характеру их деятельности, поскольку профессиональный статус автора напрямую определял цели путешествия, форму фиксации наблюдений, жанровую специфику текстов и степень их информативности. На основании анализа корпуса источников можно выделить три основные категории: миссионеры, торговцы и дипломаты (послы). При этом следует учитывать, что в ряде случаев данные роли пересекались, однако в источниковедческом отношении приоритет имеет основная функция автора, определяющая структуру и содержание его записок.

1)Миссионеры (францисканцы и доминиканцы) направлялись в Центральную и Восточную Азию по поручению Папского престола. Их тексты отличаются высокой этнографической и религиоведческой насыщенностью, однако характеризуются выраженной конфессиональной оптикой и нормативно-оценочным языком. Эти источники особенно ценны для изучения религиозных практик и социальной структуры восточных обществ, но требуют постоянного критического анализа авторской позиции.

Рикольдо да Монтекроче (1243–1320) — итальянский доминиканский миссионер, один из первых католических исследователей исламского Востока. Долгое время проживал в Багдаде, где изучал арабский язык и исламскую теологию. Его труды сочетают элементы богословской полемики с этнографическими наблюдениями и являются важным источником по истории мусульманских обществ XIII–XIV вв. [170].

Джованни да Монтекорвино (1247–1328) — францисканский миссионер, первый архиепископ Пекина и официальный представитель Папского престола при дворе монгольских ханов. Он основал католические миссии в Китае и перевёл на монгольский язык части Нового Завета, заложив основы институционального католического присутствия в Восточной Азии [102].

Одорико да Порденоне (1286–1331) — францисканец, совершивший одно из наиболее масштабных путешествий эпохи через Персию, Индию, Юго-Восточную Азию, Тибет и Китай. Его путевые заметки содержат систематизированные сведения по географии и культуре Азии первой половины XIV века. Позднее он был канонизирован Католической церковью [161].

Джованни Мариньоли (ок. 1290–1357) — францисканский миссионер и папский легат, направлявшийся в Китай и Индию. Его описания включают

сведения о религиозных и культурных особенностях Востока, а также о дипломатических контактах папства с монгольскими правителями [163].

Маттео Манни (XIV век) — францисканский миссионер, прибывший ко двору хана Узбека в Золотой Орде. Его деятельность была направлена на распространение католицизма среди тюрко-монгольских элит, что вызвало настороженность православного духовенства Руси [101, с. 1–83].

II. Торговцы и купцы. Купеческие источники ориентированы на практические задачи и отличаются высокой фактической насыщенностью. В них фиксируются маршруты, товары, цены, валюты и меры веса при минимуме идеологической риторики; вместе с тем они редко содержат развёрнутый политический анализ.

Марко Поло (1254–1324) — венецианский купец и путешественник, длительное время находившийся на службе у монгольской династии Юань. Его сочинение Книга о разнообразии мира представляет собой комплексный нарратив, сочетающий торговые, административные и этнографические наблюдения и сыгравший ключевую роль в формировании европейских представлений об Азии [46].

Сегурано Сальвайго (XIII век) — генуэзский купец и путешественник, чья деятельность охватывала Причерноморье и регионы Центральной Азии. Он участвовал в международной торговле, выступая посредником между генуэзскими и мамлюкскими рынками. Его гибель по приказу Узбек-хана стала следствием дипломатического конфликта между Ордой и мамлюкским султанатом [109].

Франческо Бальдуччи Пеголотти (XIV век) — флорентийский купец, автор трактата La pratica della mercatura, одного из ключевых источников по истории международной торговли. Его труд содержит систематизированные сведения о маршрутах, товарах и торговых обычаях Азии и Причерноморья [249].

Джакомо Лукари (XIV век) — генуэзский купец, принимавший участие в организации торговых экспедиций в Причерноморье и Восточную Азию, способствовавший укреплению позиций генуэзских факторий [216].

Николо де Конти (1395–1469) — венецианский купец и путешественник, посетивший Индию, Юго-Восточную Азию и Аравийский полуостров. Его свидетельства, переданные Поджо Браччолини, стали важным источником знаний о Востоке для интеллектуальной среды раннего Возрождения [12].

III. Дипломаты и послы. Дипломатические источники отличаются высокой политической информированностью и институциональной точностью, фиксируя структуру власти, характер переговоров и стратегические интересы европейских государств.

Руи Гонсалес де Клавихо (ок. 1365–1412) — кастильский дипломат, направленный ко двору Тимура в Самарканд. Его путевой дневник содержит подробные описания Центральной Азии начала XV века и представляет собой важный сравнительный источник для сопоставления западноевропейских и итальянских свидетельств о регионе [25].

Пьетро Виньоли (XIV век) — представитель венецианских торговых интересов при дворе хулагуидских ильханов; его завещание, составленное в Тебризе, является ценным источником по истории купеческих колоний [192].

Микеле Дельфино (XIV век) — дипломат Венецианской республики, участвовавший в заключении соглашений с ильханом Абу Саидом [193].

Бускарелло де Гизольфи (конец XIV – начало XV вв.) — представитель генуэзской торговой семьи, выполнявший функции посредника между восточными правителями и итальянскими городами [75].

Катерино Зено (ок. 1415–1468) — венецианский посол при дворе Узун-Хасана, чьи записки являются важным источником по дипломатии Ближнего Востока XV века [207].

Амброджо Контарини (1429–1499) — дипломат Венеции, посетивший Персию и Индию; его отчёты считаются одними из наиболее точных описаний восточных регионов конца XV века [209].

Джованни Лоредан (вторая половина XV в.) — венецианский мореплаватель и дипломат, занимавшийся разведкой восточных морских маршрутов и сбором информации о ключевых торговых центрах. [121].

IV. Смешанный (гибридный) тип.

Иосафат Барбаро (1413–1494) — дипломат и путешественник Венецианской республики, сочетавший торговые и дипломатические функции; его наблюдения по политике и торговле Причерноморья, Кавказа и Персии имеют высокую источниковедческую ценность [126].

Джованни да Плано Карпини (ок. 1182–1252) — францисканский миссионер и папский легат, направленный к двору великого хана в 1245–1247 гг. Его сочинение Historia Mongalorum представляет собой один из первых систематических западноевропейских источников о Монгольской империи, содержащий сведения о политическом устройстве, военной организации и обычаях кочевых народов Центральной Азии [24].

Вильгельм де Рубрук (ок. 1220 – после 1255) — францисканский монах и миссионер, посетивший ставку хана Мунке. Его отчёт отличается высокой степенью наблюдательности и сравнительно нейтральным стилем, что делает его одним из наиболее надёжных источников по этнографии и религиозной ситуации в монгольском мире XIII века [25].

В рамках четвертого типа классификации, учитывается региональная принадлежность итальянских авторов не в географическом, а в институционально-политическом смысле. Происхождение путешественников из различных центров Италии — прежде всего Венеции, Флоренции, Генуи, Пизы, Рима и связанных с ними торгово-политических пространств — оказывало влияние на характер их маршрутов, цели поездок и жанровые особенности создаваемых текстов.

Так, авторы, связанные с венецианской торгово-дипломатической средой, чаще фиксировали сведения, представлявшие практический интерес для морской и сухопутной торговли и дипломатии, тогда как генуэзские источники нередко отражали специфику колониального присутствия в Причерноморье и Восточном Средиземноморье.

Однако даже при наличии этих ограничений исторические данные позволяют сделать вывод о том, что эксперименты итальянских купцов и банкиров в Центральной Азии сыграли решающую роль в становлении итальянских республик в качестве «финансовых центров» позднего Средневековья и повлияли на общий экономический ландшафт региона. В дальнейшем — в XV–XVI веках — накопленные знания поспособствовали плавному переходу к «океанскому этапу» мировой торговли и к поискам морских путей в Индию и Китай.

Информационный потенциал источниковой базой исследования отличается многоаспектностью, что обусловливает необходимость её систематизации на основе чётко разграниченных источниковедческих критериев и приемов анализа. В настоящей работе классификация итальянских источников XIII–XV вв. выстраивается по ряду самостоятельных оснований, что позволяет избежать смешения аналитических уровней и обеспечить методологическую строгость исследования.

Так, проведённое исследование свидетельствует о том, что итальянские экспедиции в Центральную Азию были неотъемлемой частью широкой евразийской торговой сети, формируя новое понимание социально-экономической роли «Великого шелкового пути». Именно в этот период началось переосмысление Востока как источника стратегического партнёрства, в том числе на дипломатическом и культурном уровне.

1.2 История определений терминов «Центральная Азия» и «Тартария» в историографии и записках средневековых европейских путешественников

До вторжения монгольских армий представления средневекового европейца о мире сохраняли устойчивость, восходящую к античным географическим традициям и христианской космографии. Ойкуменная модель мира, восходящая к птолемеевской традиции, приобретала сакральный характер благодаря библейской символике, в центре которой располагался Иерусалим — духовная ось мироздания.

Даже эпоха крестовых походов не разрушила замкнутого характера европейского восприятия мира: за пределами известного пространства продолжали воображаться земли чудовищ и гибельных народов. Появление монголов в XIII веке стало для Европы интеллектуальным и психологическим потрясением, которые привели к крушению привычной картины мира. Их вторжение не вписывалось в традиционные географические и теологические схемы, что вызвало попытки заново осмыслить границы ойкумены и природу «восточного иного». Именно тогда на европейских картах появляется новая, ранее неизвестная территория — «земля татар», или Тартария, символизирующая столкновение Европы с иным пространством и началом переосмысления мирового порядка. Восприятие монгольских завоевателей европейцами отражало столкновение двух цивилизаций: оседлой европейской, символизирующей стабильность и цивилизационное развитие, и кочевой азиатской, которая часто воспринималась как варварская.

Однако на рубеже XIII–XIV веков политическая динамика в Евразии претерпела существенные изменения. Внутренние конфликты внутри Монгольской империи — соперничество между ветвями правящего дома, борьба за верховную власть, а также распад некогда единой державы на несколько самостоятельных улусов — значительно ослабили её военный и административный потенциал. Отсутствие единой стратегии и координации действий между правителями отдельных ханств препятствовало реализации крупных военных кампаний на западном направлении.

Одновременно в Европе так и не был организован масштабный и согласованный крестовый поход против монголов, о необходимости которого настойчиво говорил Данило Галицкий, стремившийся объединить христианские государства перед лицом восточной угрозы. В результате этих факторов дальнейшее продвижение монгольских войск вглубь Восточной Европы было остановлено.

Это способствовало формированию относительного политического равновесия в регионе, постепенному восстановлению разрушенной инфраструктуры и возобновлению торговых связей. Снижение военной активности монголов привело к изменению европейского восприятия Центральной Азии, которая стала рассматриваться не только как источник угрозы, но и как ключевое транзитное пространство между Востоком и Западом. В результате возросло число путешествий и миссий, а европейские дворы, осознавая необходимость дипломатического взаимодействия с татарами, начали направлять посольства с целью изучения их общества и установления устойчивых контактов.

Термин «татары», согласно данным Британская энциклопедия, первоначально относился к тюркоязычным племенам, обитавшим в V веке в районе северо-восточной Монголии и озера Байкал. В XIII веке эти группы вошли в состав армии Чингисхан, после чего название стало употребляться шире и постепенно закрепилось в европейской традиции. После этого слияния монгольские захватчики России и Венгрии стали известны европейцам как «татары» или «тартары». Этот термин был использован для обозначения монгольско-тюркских народов, которые входили в состав Золотой Орды и других монгольских княжеств. В ходе монгольского нашествия на Русь и в Европу термин «татары» стал широко распространенным в европейской литературе и источниках [23].

Особое внимание к «татарской проблеме» прослеживается в сложившейся терминологии, когда средневековыми западноевропейскими историками довольно часто для определения монголов употребляется термин не «татар» по самоназванию народа, а именно «тартар», который довольно чётко соотносится с греческой мифологией и обозначает ад, вечную тьму [32]. Такой подход непосредственно свидетельствует о страхе перед татарами, который был не беспочвенным [24, с. 202]. В связи с этим представляется необходимым уточнить, какое конкретное географическое содержание вкладывали средневековые европейские путешественники в понятие

«Тартария», опираясь не на позднейшие интерпретации, а непосредственно на их собственные свидетельства.

В описании пути Плано Карпини важным пунктом становится Канев (в источнике — Канов), куда его отправили вскоре после пребывания в Киеве. Сам путешественник отмечает, что город уже контролировался татарами, поэтому его можно рассматривать как своего рода пограничье между христианским миром и пространством, которое в европейском восприятии связывалось с Тартарией. Расположение Канова на правом берегу Днепра, недалеко от Киева, позволяет предположить, что именно здесь Карпини видел западную границу татарских владений [24, с. 67].

Вместе с тем подобная трактовка, вероятно, отражает субъективное восприятие путешественника, для которого первая непосредственная встреча с татарами стала ключевым ориентиром в пространственном осмыслении региона.

Анализируя географические ориентиры, используемые Плано Карпини, можно реконструировать пространственные рамки, которые он соотносил с понятием «Тартария», исходя прежде всего из собственных наблюдений и доступной ему информации. В его описаниях данное пространство охватывает территории, расположенные в бассейнах крупных восточноевропейских и евразийских рек — Днепра, Дона, Волги и Яика. При этом Карпини не стремится к чёткому картографическому обозначению границ, а оперирует указаниями на кочевые ставки отдельных правителей, что отражает характерное для средневекового географического мышления понимание пространства как совокупности зон влияния, а не строго очерченных территорий. Косвенные сведения позволяют обозначить и южные пределы данных земель. Так, упоминание о сезонных перемещениях кочевников к морскому побережью в зимний период даёт основание предположить, что под этим морем путешественник подразумевал Каспийское, выступавшее естественным ориентиром южной границы татарских владений в его представлении [24, с. 70].

В представлении Плано Карпини термин «Тартария» обозначал территории, находившиеся под фактическим контролем татарских правителей. Вместе с тем характер употребления данного понятия позволяет предположить, что оно имело для путешественника не столько строго территориальное, сколько условно-географическое значение. Сам Карпини указывает: «*В восточных странах есть некая земля, о которой сказано было выше и называется монгал. В ней жили некогда четыре народа. Один из них назывался йека-монгал, т. е. великие монголы, другой — су-моал, т. е. монголы вод; сами же себя называли они тартары, по имени некоей реки, текущей через их землю, которую они называли Тартар. Третий (народ) назывался меркиты, четвёртый же — мекриты…*» [24, с. 37–38].

Иное восприятие этого пространства показывает францисканец Вильгельм (Гийом) де Рубрук: его дипломатическая миссия отличалась не только маршрутом, но и самой логикой наблюдений и описаний. В отличие от Плано Карпини, де Рубрук оставил более детализированное и в определённой

степени прагматичное описание жизни и быта татар, что объясняется длительностью его пребывания среди кочевников и спецификой поставленных перед ним задач. Принципиально важно, что в своих записках он последовательно избегает употребления термина «Тартария», отдавая предпочтение самоназванию «татары», а также обозначениям «земли татар» или «Татария». Тем самым де Рубрук дистанцируется от западноевропейской традиции мифологизации восточного пространства и не наделяет описываемые территории признаками оформленной государственности в привычном для Европы смысле.

Существенное влияние на географические представления де Рубрука оказал и маршрут его путешествия. В отличие от Карпини, де Рубрук достиг татарских земель морским путём и начал движение из Солдаии (современный Судак), которую назвал первым «южным» городом татар, тем самым обозначив границу их владений. При этом он трактует Татарии шире, включая в неё территории, которые формально не входили в состав татарских земель, но находились от них в зависимости и платили дань. В записках де Рубрук описывает татарские земли как пространство *«от Дуная до мест, где восходит солнце»*, подчёркивая их исключительную протяжённость. Конкретизируя эту схему, он проводит западную границу по Дунаю, восточную — по Волге, а южную связывает с Чёрным и Каспийским морями. Как и Плано Карпини, он почти не говорит о северных пределах, что, вероятно, связано с отсутствием личного опыта пребывания в этих районах [24, с. 88–91]. В целом у средневековых путешественников термины «Тартария» и «Татария» прежде всего соотносятся с населением этих земель — монголами. Однако если Карпини продолжает западноевропейскую традицию и чаще использует слово «Тартария», то де Рубрук пишет более сдержанно и старается избегать мифологизированных обозначений.

Различие маршрутов дипломатических миссий Плано Карпини и Вильгельма де Рубрука обусловило и неодинаковое географическое наполнение термина «Тартария» в их записках. Путешественники в целом сходились в понимании южных границ региона, связывая их с северными побережьями Чёрного, Азовского и Каспийского морей, однако западные рубежи они определяли по-разному. Карпини ограничивал их правым берегом Днепра, тогда как де Рубрук считал, что Тартария уходит значительно дальше в сторону Европы. Вероятно, это объясняется тем, что де Рубрук относил к татарским владениям и зависимые территории, платившие дань. Северные пределы в их описаниях почти отсутствуют, а восточный рубеж в целом связывается с бассейном Волги, хотя Карпини пытался сместить его ещё дальше на восток.

Важно и то, что ни Плано Карпини, ни Вильгельм де Рубрук не употребляют термин «Средняя Азия», поскольку он является более поздним научным понятием. Современные зарубежные исследователи, анализируя их географические представления, подчёркивают неизбежную субъективность подобных описаний. Так, В. Рокхилл в английском переводе предполагает, что упоминаемый в источниках Органум следует соотносить с Ургенчем, понимая его не как один конкретный город, а как более обширный регион, связанный со

Средней Азией или Согдианой. С этим предположением можно согласиться, учитывая известность несторианских текстов на согдийском языке и существование соответствующей письменной традиции, упадок которой относится приблизительно к XI в., то есть задолго до времени путешествия де Рубрука [25].

Использование В. Рокхиллом термина «Средняя Азия», характерного прежде всего для российского научного дискурса, наглядно демонстрирует проблему ретроспективного переноса позднейших понятий на средневековые источники. Как отмечают исследователи, подобные интерпретации не являются единичными и во многом отражают стремление осмыслить описания путешественников через призму современных географических категорий. В этом контексте И. да Силва подчёркивает, что рассматриваемый период был временем трансформации мировоззренческих установок и способов восприятия окружающего мира.

Сведения в отчётах о путешествиях, созданных до XIII в., в значительной степени формировались под влиянием идеи contemptus mundi, предполагавшей отрицание земного мира и общества через противопоставление христианской Европы «варварской» Азии и подчёркивавшей разрыв между земным и небесным [26, с. 26]. М. Родригес отмечает, что пространство, которое позднее в европейской традиции обозначалось как «Тартария», а затем стало соотноситься с понятием «Центральная Азия», возникло как результат политического объединения разнородных кочевых племён степной Азии в единую державу при Тэмуджине (Чингисхане) в начале XIII века [27, с. 235].

Анализ средневековых записок и хроник позволяет ему заключить, что тексты Плано Карпини и Вильгельма де Рубрука существенно повлияли на формирование европейских представлений о Востоке. Описываемые ими земли часто предстают как чужое и тревожное пространство, воспринимаемое через призму отчуждения и страха.

По мнению Родригеса, именно Карпини закрепляет за регионом название «Тартария», а за монгольскими народами — обобщающий этноним «татары», который затем укореняется в европейской традиции, хотя татары были лишь одной из групп в составе Монгольской империи [27, с. 237]. В итоге складывается устойчивый образ и топоним, удобный для европейского сознания, но неточный в этническом и географическом отношении.

Жак Ле Гофф, в свою очередь, рассматривает возникновение Монгольской империи как событие исключительного масштаба, которое стало важной вехой позднего этапа крестовых походов и заметно изменило систему контактов между Западом и Востоком [28]. Возникновение этого государства оказало глубокое влияние как на восточное, так и на западное средневековье, изменив политическую карту и породив новые формы пространственной и культурной идентификации. Становление монгольской государственности во многом опиралось на заимствование письменной традиции и административных практик у тюркско-уйгурских племён Центральной Азии, покорённых в первые этапы расширения империи. Уже к XIII веку Монгольская империя достигла своего политического и территориального пика.

Период Pax Mongolica сопровождался относительной безопасностью коммуникаций, контролируемых монголами, что способствовало оживлению трансконтинентальных связей, прежде всего Шёлкового пути, и усилило торгово-путешественнические контакты между Европой и Востоком. Именно тогда, как подчёркивают исследователи, в европейской традиции окончательно закрепляются названия «Тартария» и «Татария», поскольку ранее разрозненные кочевые объединения не могли обеспечить устойчивую безопасность и потому не вызывали значительного интереса у европейцев [28, с. 45].

Тем самым оформление монгольской державы стало важным условием распространения в Европе терминов «татары», «тартары», «Тартария» и «Татария», которые позднее легли в основу более позднего научного понятия «Центральная Азия». В. В. Трепавлов отмечает, что Монгольская империя, подводя итог истории великих кочевых держав, усовершенствовала механизмы объединения кочевых обществ, элементы которых воспроизводились в последующие эпохи. Он также связывает проявления «монголофилии» с добровольными миграциями тюркских групп в Южную Сибирь и Восточный Туркестан [29, с. 143].

Вместе с тем историографический обзор показывает, что ограниченность источников приводит к фрагментарности исследований, посвящённых терминологии «Тартария» и «Центральная Азия». В средневековых источниках данные понятия встречаются эпизодически, поскольку их концептуальное осмысление не входило в задачи путешественников и миссионеров. Каспийского моря до Китая, населённая тюркскими и монгольскими народами. Такая обобщённость скорее отражает особенности средневековых источников и тогдашнего восприятия пространства, чем отсутствие интереса к теме.

На трудности определения понятия «Центральная Азия» обращает внимание д.и.н. Г. С. Султангалиева. Она подчёркивает, что проблема связана с множеством исторических наименований региона, а также с подвижностью и размытостью его границ в разные эпохи. Содержание понятия во многом зависело от политического контекста и исследовательской оптики. При этом особое значение Султангалиева отводит Казахстану, рассматривая его как связующее звено между различными частями Центральной Азии и опорную точку для изучения региональной истории в имперский, советский и постсоветский периоды. [30, с. 345–349].

Концепция «Центральной Азии» эволюционировала с течением времени: первоначально она охватывала пространство от Каспийского моря до Алтайских гор и от казахских степей до Гиндукуша, а в более поздних интерпретациях включала Восточный Иран, Северный Афганистан и Синьцзян. Подобная изменчивость отражает условный характер термина, границы которого формировались в зависимости от геополитических и культурных реалий конкретной эпохи.

Значимый вклад в исследование истории самих понятий внесла С. Горшенина, прежде всего в монографиях «Центральная Азия: изобретение границ и русско-советское наследие» и «Изобретение Центральной Азии: история понятия от Тартарии до Евразии». Исследовательница показывает, что

именно в период включения региона в орбиту интересов Российской империи Центральная Азия становится предметом системного осмысления как особая территориальная и политическая единица. Процессы военной и политической интеграции сопровождались формированием аргументации, оправдывающей экспансию идеями защиты и «цивилизационной миссии», а также попытками концептуально связать Россию с Азией и тем самым легитимировать её геостратегические притязания [31, с. 150].

Сопоставление с источниками средневековых путешественников позволяет отметить, что в Средние века европейцы не использовали термин «Центральная Азия», поскольку их представления о пространстве основывались на более общих категориях — странах, религиозных областях и этнических группах. Ограниченность знаний и удалённость региона способствовали его мифологизации, что находит отражение как в античных и средневековых картах, так и в мифологических представлениях о «крае света» [32].

После монгольских завоеваний восприятие региона претерпевает существенные изменения: на европейских картах и в источниках появляется термин «Тартария», обозначавший обширное пространство, включавшее Монголию, Центральную Азию, отдельные районы Китая и Восточной Европы. В данном определении содержатся старые образы и ассоциации, а также информация от путешественников. Стоит отметить, что итальянские путешественники XIII–XV вв. не посещали такие страны Восточной Азии, как Корея и Япония, что объясняется рядом объективных причин. Основным фактором было практическое значение маршрутов: итальянцы концентрировались на регионах, критически важных для транзитной торговли между Европой и Востоком — Центральная Азия, Китай (династия Юань), Иран и территории Орды. Продвижение на восток, в Корейский полуостров и Японские острова, не имело прямой экономической выгоды, так как эти территории не входили в сеть сухопутных и морских торговых путей, контролируемых арабскими и китайскими посредниками. Географическая и политическая изоляция также играла роль. Корея в XIII–XIV вв. выступала вассалом монгольской империи и не имела самостоятельной дипломатической инициативы, а Япония оставалась труднодоступной из-за морских барьеров и ограниченного контакта с внешним миром. Итальянские экспедиции опирались на уже отработанные маршруты, проходившие через Ближний Восток и Китай, и отсутствовало прямого пути для безопасного и коммерчески оправданного путешествия к Корее или Японии. Интересно, что в источниках итальянских путешественников встречаются лишь косвенные сведения о этих странах. Например, Марко Поло в своём «Книге о государствах и чудесах мира» упоминает Японию под именем «Ципангу» (Cipangu) и Корею как «Cauli», но речь идёт о вторичных сведениях, полученных через китайских и монгольских посредников, а не о собственных наблюдениях. Таким образом, отсутствие личных экспедиций в Японию и Корею отражает реальные экономические, географические и политические условия эпохи, а не недостаток интереса к Восточной Азии.

Таким образом, анализ историографии и записок средневековых европейских путешественников показывает, что представления о «Центральной Азии» и «Тартарии» складывались постепенно и далеко не единообразно. Именно путевые заметки европейцев стали одним из ключевых источников, через которые в историографической традиции закрепились термины «татары» и «Тартария». Как отмечает Калуцков, в качестве географического концепта Тартарию можно сопоставить с более поздним понятием «Восток» в европейском ориентализме (в терминах Э. Саида) [33]. При этом термин «Центральная Азия» в средневековых текстах не употребляется: подобная категория была чужда их способам описания пространства и не предполагала выделения «центральных» зон континента.

В Средние века топонимы нередко возникали как перенос названия народа на территорию его расселения, однако пример «Тартарии» во многом особый. Это обозначение складывалось не только из этнических наблюдений, но и из мифологических ассоциаций и разрозненных сведений, что отмечают исследователи европейских хроник и этимологии терминов «Тартария» и «татары». Понятие «Центральная Азия» вошло в научный оборот значительно позже, главным образом в западноевропейской традиции, где регион стали определять по географическим и естественнонаучным признакам. Тем не менее единых границ и устойчивой номенклатуры так и не сложилось: содержание термина оставалось подвижным и зависело от исследовательской перспективы.

Переходя к мотивации итальянских экспедиций, отметим, что главными движущими силами генуэзских и венецианских путешествий были поиск источников сырья (шёлк, специи, металлы, драгоценные камни), а также стремление к выгодным торгово-политическим соглашениям с правителями внутренних районов Азии. На фоне Крестовых походов и роста торговых республик в XI–XIII вв. на Апеннинах сформировалась «коммерческая революция», сопровождавшаяся развитием банковского дела, страхования и ранних биржевых механизмов, что обеспечило финансовую базу для дальних экспедиций. Ослабление Византии и утрата ею контроля над Чёрным и Азовским морями открыли итальянцам доступ к важным участкам транзитных маршрутов, позволив включиться в евразийскую торговую сеть [8].

В XIII в. караваны осваивали путь через Крым (Кафа, Тана), далее — по Волге и через Хорезм в сторону Самарканда и далее к восточным рынкам; часть маршрутов проходила через Иран и Афганистан [8]. Путешествия Марко Поло, Никколо и Маттео Поло, как и другие торговые миссии, способствовали накоплению сведений о ресурсах и экономических возможностях регионов, а также о логистике поставок [34]. Относительная безопасность путей в эпоху Pax Mongolica облегчала транзит, но междоусобицы в улусах и политическая нестабильность периодически сокращали торговую активность.

Итальянские купцы переносили в восточные регионы практики страхования, обращения векселей и элементов банковских операций, необходимых для крупной транзитной торговли. Контакты с монгольскими государствами расширяли их представления о финансовых инструментах и административных технологиях (включая сведения о бумажных деньгах и

почтовых станциях), а также стимулировали развитие инфраструктуры в транзитных городах (фактории, склады, караван-сараи, укрепления) [34]. Экспедиции часто имели смешанный состав: наряду с купцами участвовали миссионеры и специалисты; официальные миссии могли выполнять и разведывательные задачи. Управление нередко осуществлялось торговыми компаниями, распределявшими инвестиции и прибыль и поддерживавшими связи с монгольской администрацией для обеспечения безопасности транзита.

В совокупности путешествия и торговые миссии существенно повлияли на европейские представления об Азии: монгольские государства воспринимались одновременно как угроза и как потенциальные партнёры, а описания подчёркивали «экзотичность» восточных обществ, формируя более прагматичный интерес к региону. При этом источниковая база остаётся фрагментарной: часть документов утрачена, а путевые тексты нередко субъективны и подвергались редакторским вмешательствам переписчиков. Тем не менее имеющиеся данные позволяют рассматривать итальянские экспедиции как важный элемент евразийской торговой сети и как фактор, способствовавший укреплению итальянских республик в роли финансовых центров позднего Средневековья и подготовке перехода к «океанскому этапу» мировой торговли.

Таким образом, анализ записок Плано Карпини и Вильгельма де Рубрука показывает, что «Тартария» в их сочинениях не имела устойчивого географического или политического содержания и зависела от маршрута, опыта и задач миссии. Но важно закрепить, что Тартария это европейский образ/ярлык, а Центральная Азия это научная регионализация XIX–XX вв.; они не равны, а только частично пересекаются. Различия в трактовках границ и терминологии отражают фрагментарность и субъективность средневековых представлений о Востоке, но именно эти описания заложили основу для последующего развития европейских географических и исторических концепций, позднее оформившихся в категории «Центральная Азия».

1.3 Характер экспедиций итальянских путешественников в Центральную Азию в XIII веке через призму Марко Поло и Плано Карпини

К началу XIII века Европа находилась в состоянии острого общественно-политического напряжения: внутренние феодальные конфликты дополнялись серьёзными внешними вызовами. В этот период Апеннинский полуостров оставался раздробленным на соперничающие города-государства [35, с. 551]. Во внешней политике наиболее значимыми оставались два направления. С одной стороны, уже более века продолжалось противостояние с исламскими державами; к 1202 году европейские правители организовали четыре крестовых похода [36, с. 110]. С другой стороны, растущая мощь Монгольской империи и её экспансия воспринимались как возможная угроза христианскому миру. Обе проблемы были зафиксированы на Лионском соборе 1245 года, где была определена позиция католической церкви и заложены основы для

дипломатических и разведывательных миссий на Восток [37, с. 101].Чтобы понять, в каких условиях осуществлялись экспедиции XIII–XV вв., важно учитывать уровень научно-технического развития Западной Европы. Развитие письменной культуры и накопление знаний сделали возможной фиксацию и распространение сведений, полученных в ходе путешествий [38, п. 6].

Джованни де Плано Карпини стал первым европейцем, достигшим Монгольской империи и оставившим подробное описание увиденного. Он родился около 1182 года в Пьян-дель-Карпине (Умбрия), был учеником Франциска Ассизского и участвовал в расширении влияния францисканского ордена, сочетая это с миссионерской деятельностью. В первой половине XIII века он проповедовал в разных регионах, включая Германию, Тунис, Саксонию и Испанию. Его опыт и репутация привлекли внимание папы Иннокентия IV, который направил Карпини с дипломатической миссией к монгольскому двору [39, с. 5]. В этих условиях папа римский Иннокентий IV направил францисканского монаха Джованни де Плано Карпини с дипломатической миссией в Монгольскую империю. Задачей Карпини было установить дипломатические отношения и узнать больше о намерениях монголов, чья экспансия представляла угрозу для христианской Европы. Путешествие длилось два года (1245–1247), и Карпини преодолел тысячи километров, пройдя через Восточную Европу, степи Золотой Орды и Центральную Азию, пока не достиг столицы монголов Каракорума.

Францисканцы вышли из Лиона и направились в Канев, где встретили первый монгольский пост, далее пересекли Днепр, Дон и Волгу [40, с. 4]. На Волге находилась ставка Батыя — фактического командующего западным направлением Монгольской империи. По свидетельству Джувейни, Батый отличался ориентацией на внешние контакты и проявлял религиозную терпимость: он не был приверженцем одной конфессии и принимал у себя как христиан, так и мусульман [41, с. 21]. Он выслушал монахов и распорядился, чтобы они продолжили путь дальше на Восток — к двору великого хана.

Показательно, что доминиканец брат Юлий примерно за десять лет до Карпини прошёл тот же участок маршрута и дошёл почти до района современного Оренбурга, однако дальше его не пропустили, и он был вынужден вернуться в Европу [42, с. 54]. Это различие можно объяснить более гибкой внешнеполитической линией монголов в период, связанный с властью Батыя.

8 августа 1246 года францисканцы начали второй этап путешествия. Они шли через Урал, севернее Каспийского и Аральского морей, затем к Сырдарье, далее вдоль Джунгарских озёр и к императорскому лагерю у Каракорума и реки Орхон. До цели они добрались 22 июля, преодолев около 5000 км за 106 дней [24, п. 4]. Такой темп во многом обеспечивался монгольской дорожной системой и наличием перевалочных пунктов, где можно было регулярно менять лошадей — иногда по нескольку раз в сутки.

Особая ценность записок Карпини заключается в их источниковом характере. Автор уделял внимание социальному устройству, религиозным представлениям, военной организации и обычаям монголов, фиксируя

сведения, имевшие не только познавательное, но и стратегическое значение для Европы. Несмотря на отсутствие непосредственных записей в пути, собранный материал был впоследствии структурирован и изложен в виде самостоятельных произведений, что позволило сохранить полученные сведения для последующих поколений исследователей. В его описаниях монгольские завоевания сопровождаются порабощением населения и суровыми, часто беспощадными методами [24, с. 36].

Карпини стал первым европейцем, присутствовавшим на курултае монгольской знати, где в 1246 году великим ханом был провозглашён Гуюк. По завершении миссии францисканцам было вручено официальное письмо хана, адресованное папе римскому, после чего они вернулись в Европу. Хотя дипломатические задачи миссии не были выполнены полностью, её значение для европейцев оказалось огромным.

Экспедиция дала Западу более надёжные сведения о ранее почти неизвестном мире, помогла скорректировать представления о монголах и стала основой для последующих поездок и миссий на Восток. В ноябре 1246 года францисканцы получили от монголов официальное письмо для папы и отправились обратно. После тяжёлого двухлетнего пути в 1247 году они вернулись в Лион [39, с. 8]. Позднее Плано Карпини был удостоен сана архиепископа.

Историческая ценность миссии проявилась в двойственном результате: политического успеха добиться не удалось, поскольку хан в письме фактически заявлял о намерении покорить весь мир, однако Европа получила относительно объективную информацию о монгольской державе и её порядках. Карпини показал, что подобные путешествия реально осуществимы, став одним из первых проводников европейской духовной и исследовательской активности на Востоке. Собранные материалы он систематизировал в трудах: «Истории Монгалов, именуемых нами Татарами» и «Книге о Татарах».

Таким образом, европейцы получили сведения о мире, с которым прежде почти не сталкивались. Многие детали казались жителям Старого Света непривычными и трудными для понимания. Так, Карпини подробно описывает брачные и семейные обычаи монголов: *«Жен же каждый имеет столько, сколько может содержать: иной сто, иной пятьдесят, иной десять, иной больше, иной меньше, и они могут сочетаться браком со всеми вообще родственницами, за исключением матери, дочери и сестры от той же матери»* [24, с. 5].

Отдельную ценность представляет описание религиозных представлений и верований: «Они веруют в единого Бога, которого признают творцом всего видимого и невидимого, а также и признают его творцом как блаженства в этом мире, так и мучений, однако они не чтут его молитвами или похвалами, или каким–либо обрядом» [24, с. 7].

Наряду с описанием повседневности, текст включает информацию, которая в XIII веке воспринималась как важные военно-стратегические данные: *«Оружие же все по меньшей мере должны иметь такое: два или три лука, или по меньшей мере один хороший, и три больших колчана, полных стрелами, один*

топор и верёвки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые; у них есть также вооружённая лошадь, прикрытия для голеней, шлемы и латы» [43, с. 27].

Плано Карпини нередко даёт критическую оценку монгольскому обществу, подчёркивая жестокость завоеваний и подчинение покорённых народов. Вместе с тем он подробно описывает элементы быта, религиозные верования и военную организацию монголов, что делает его труд важнейшим источником для изучения истории Монгольской империи и восприятия Востока в средневековой Европе. Сведения военно-стратегического характера, зафиксированные в его записках, позволяют предположить, что миссия Плано Карпини имела не только религиозно-дипломатические, но и разведывательные задачи [43, с. 40].

В 1253 году король Франции Людовик IX принял решение направить исследовательскую миссию в земли, захваченные монголами. Вильгельм Рейсбрук, известный также как Гийом Рубрук, стал предводителем данной экспедиции. К началу экспедиции, Рубруку исполнилось около 35–40 лет, и он был в полном расцвете сил. Ему удалось наладить контакт с ханами Бату и Мункэ, что само по себе, было сложной задачей. Залогом успеха стало проявление достоинства и самоуважения, без проявлений раболепия и лести, что впечатлило ханов, и вызвало их ответное расположение.

Вильгельм де Рубрук начал своё путешествие из Константинополя (ныне Стамбул, Турция), который в то время был важным центром христианского мира и торговли. Он пересёк Чёрное море и высадился в Крыму, где на тот момент располагалось множество монгольских и татарских поселений, среди которых, наиболее значимым был Судак.

Далее Рубрук продвигался через Кавказ и бескрайние степи современной южной России и Казахстана. Он проходил через земли, населённые различными тюркскими и монгольскими племенами. После Кавказа и степей Рубрук направился вглубь Центральной Азии. Он пересёк территории современных Казахстана, Узбекистана и Киргизии.

В своих записках он упоминал об античных городах, таких как Талас и Болат, которые встречались на его пути. Последнее упоминание, особенно ценно для современных археологов Республики Казахстан, ведь Талас и Болат, были раскопаны недавно. Рубрук вступил на территорию Монгольской империи, которая в то время простиралась на огромные пространства Евразии.

Он описывал встречу с различными представителями монгольской знати и их быт. Его конечной точкой было монгольское столичное городище Каракорум, расположенное на территории современной Монголии. Здесь он провёл несколько месяцев, встречался с монгольскими лидерами, включая Великого хана Мункэ, и подробно описал свою жизнь и обычаи монголов. По завершении своей миссии, Рубрук вернулся обратно примерно тем же маршрутом, через степи, Кавказ и Чёрное море, до Константинополя, вернувшись в Италию 16 июня 1255 года.

Он обладал выдающимися знаниями и наблюдательностью, что позволило ему успешно вести переговоры с важными лицами, такими как Бату или Мункэ. Своими знаниями и умением вести переговоры с важными собеседниками, Рубрук заслужил признание. Когда Рубрук начал следующую фазу своего путешествия, чтобы встретиться с великим ханом, он был без каких-либо достойных товаров, которые он изначально намеревался подарить как подношения.

Обычно это рассматривалось как противоречащее монгольским обычаям, и изначально Рубруку было ясно, что его высокородный монгольский проводник плохо относится к нему и его отряду: *«Сначала наш проводник смотрел на нас свысока и с отвращением относился к необходимости вести таких низких людей»* [43]. Записи этих путешественников являются ценным источником информации о прошлом Казахстана и его народов, продолжая привлекать внимание исследователей и историков.

Путешествие Рубрука было выдающимся исследовательским и дипломатическим достижением своего времени, предоставившим западному миру ценную информацию о культуре, религии, политической структуре и быте монголов и других народов, живших на пути его маршрута.

Рубрук оставил описания земель «керкисов», «кипчаков», «канлов» и «найманов», а также ряд наблюдений о быте этих народов — включая приготовление кумыса и конусообразные постройки, связываемые им с языческой эпохой. Он также упоминает, как монголы покоряли эти племена, обращали их в зависимость и нередко уничтожали.

Во время путешествия Рубрук встречал отдельных куманов (кыпчаков), которые приветствовали его и спутников на латыни — этот эпизод особенно поразил самого автора. Скорее всего, этих кыпчаков обучили латыни другие путешественники, которые торговали или занимались ремёслами в Золотой Орде. Среди них, упоминаются французский рыцарь Балдуин Гено, мастер золотых дел Буше, уроженец Парижа, а также множество греков и венгров, что нашли своё пристанище в Монголии.

Таким образом, обширная документация, оставленная Вильгельмом де Рубруком и Иоанном де Плано Карпини, дала европейским учёным и правителям беспрецедентную, хотя порой и искажённую, этнографическую оптику для осмысления политических, социальных и военных структур Монгольской империи. Эти ранние францисканские тексты, прежде всего Historia Mongalorum Карпини и Itinerarium Рубрука, стали первыми комплексными европейскими описаниями Монгольской державы, включая регионы Южной Сибири, существенно расширив географические и культурные горизонты средневекового Запада. В частности, именно миссионерские источники впервые познакомили Европу с буддизмом, тибетским ламаизмом и шаманизмом при дворах ханов, что значительно расширило представления о религиозном многообразии вне рамок авраамических традиций.

Эти ранние миссии, часто инициированные папами вроде Григория IX, одновременно служили источником критически важной разведывательной информации о стремительно расширявшейся Монгольской империи, чьи

завоевания оказали глубокое влияние на Европу [53] Эта тщательно собранная информация стала важным ресурсом для европейских стратегов, стремившихся понять и, при необходимости, противостоять силе Монгольской империи [156].

Данное расхождение в перспективах подчёркивает комплементарный характер их вкладов в европейское знание о Востоке: Карпини предлагал геополитическую панораму, тогда как Поло описывал «прожитый опыт» и коммерческую реальность монгольского мира. Контраст между дипломатическим рапортом Карпини и торгово-этнографическим нарративом Поло создаёт многомерную оптику для анализа сложности влияния Монгольской империи на евразийскую связность. Более того, подробные описания монгольского войска и рекомендации по противодействию ему, содержащиеся у Карпини, привели к тому, что его нередко сопоставляют с Марко Поло как с одной из ключевых фигур средневековой эпохи путешествий, подчёркивая точность и глубину его наблюдений.

При этом более ранние францисканские миссии, в частности путешествие Вильгельма де Рубрука в 1253 году, также дали ценные сведения о монгольском мире, отмечая, например, Матрагу как важнейший торговый центр для купцов из Константинополя, взаимодействовавших с Золотой Ордой. Подробный отчёт Рубрука, адресованный королю Людовику IX, несмотря на признание неудачи в миссионерских усилиях, стал одним из первых точных этнографических описаний монголов и предвосхитил как Карпини, так и Поло в стремлении понять их культуру, пусть и с сохранением францисканской этноцентрической перспективы [222]. В частности, Рубрук прибегал к своеобразной инверсии привычных тропов, изображая европейцев «чудовищами» в глазах монголов, тем самым подрывая традиционные западные этноцентрические представления.

Труды Рубрука и Джованни да Плано Карпини содержат скрупулёзные описания повседневной жизни и обычаев монголов и демонстрируют ранние формы этнографического подхода в средневековой путешественной литературе. При этом, если Плано Карпини подчёркивал свой статус папского легата, то Рубрук, напротив, сознательно отрицал какую-либо дипломатическую роль, настаивая на своём положении проповедника, что существенно повлияло на восприятие и интерпретацию их миссий. Эти ранние францисканские отчёты, особенно тексты Карпини и Рубрука, вызвали значительный интерес в Европе и уже к XIV веку сделали далёкий «Катай» узнаваемым элементом ментальной карты европейцев, даже для тех авторов, которые сами никогда не бывали на Востоке.

Всеобъемлющий характер этих ранних свидетельств сыграл ключевую роль в формировании европейского дискурса о монголах, предоставив важнейшую информацию таким мыслителям, как Роджер Бэкон, который использовал данные путешественников для создания более дифференцированного представления о культурах мира. Подробные наблюдения за монгольской военной тактикой, социальной организацией и кочевыми практиками стали фундаментальными текстами для последующих

европейских контактов с Востоком и предшествовали более коммерчески ориентированному повествованию Марко Поло.

Марко Поло, выдающийся путешественник, оставивший след в мировой истории, родился 15 сентября 1254 года [44, с. 120]. Становление Марко как путешественника во многом было обусловлено семейной традицией: отец Никколо и дядя Маффео Поло уже в середине XIII века осуществляли торгово-дипломатические поездки на Восток и имели опыт контактов с монгольскими правителями, в том числе при дворе великого хана Хубилая. Этот опыт способствовал раннему включению Марко Поло в торгово-исследовательскую деятельность и формированию устойчивого интереса к восточным регионам. История семьи Поло и их легендарные путешествия стали ярким примером ранних торгово-исследовательских экспедиций итальянцев на Восток. Его отец Николо, который вёл торговлю со странами Ближнего Востока и Средней Азии, и его дядя Маффео в середине XIII века уже осуществили путешествие ко двору монгольского хана Хубилая. Этот опыт передавался из поколения в поколение, что привило юному Марко интерес к путешествиям и исследованиям.

В 1271 году Марко Поло вместе с отцом и дядей отправился в длительное путешествие, носившее как коммерческий, так и исследовательский характер. Экспедиция была связана с уже установленными контактами семьи Поло с монгольской элитой и имела целью развитие торговли и выполнение поручений великого хана. Основные этапы пути включали:

- Акру (современный Израиль) — первый крупный пункт, откуда началось сухопутное продвижение.
- Персия и Афганистан — регионы, где торговля и дипломатические контакты позволяли укреплять экономические связи и получать новые сведения о Востоке.
- Каракорум — столица Монгольской империи и центр административной власти.
- Шанду — летняя резиденция хана Хубилая, куда в конечном итоге прибыла экспедиция. [44, с. 122].

Этот этап путешествия занял около четырёх лет. Молодой Марко Поло наблюдал, записывал и собирал огромный массив информации о культуре, экономике, географии и обычаях народов, которые они встречали на пути. Его труд, который позже стал известен как «Книга о разнообразии мира», представляет собой бесценный источник данных о жизни на Востоке XIII века. Данный эпизод Марко Поло передаёт в своём сочинении следующим образом: «Три с половиною года, знайте, странствовали они по причине дурных дорог, дождей да больших рек, да потому ещё, что зимою не могли они ехать так же, как летом» [46, гл. XIV].

Маршрут пролегал через Айас, Эрзурум, Тебриз и Ормуз. В Ормузе, на берегу Персидского залива, путешественники отказались от морского перехода и решили идти дальше по суше: море считалось слишком опасным, хотя изначально планировалось обогнуть Индостан. Этот эпизод хорошо показывает, почему дальние поездки в XIII веке оставались редкостью — путь

был связан с постоянными рисками, и до эпохи Великих географических открытий Европе ещё предстояло пройти долгий путь.

Из Ормуза семья направилась на северо-восток через пустынные районы Персии. В это время Марко Поло тяжело заболел, поэтому путешественникам пришлось задержаться в Бадахшане (территория современного Афганистана) примерно на год. После его выздоровления они продолжили путь, пересекли Памир и в 1275 году достигли столицы Хубилая. Великий хан принял их благосклонно, а к Марко, которому было около двадцати одного года, отнёсся особенно тепло. С этого момента начинается его длительная служба при дворе: Марко изучал местные языки и вскоре был привлечён к государственной работе.

Вот как сам венецианец описывает этот период: *«Марко, сын Николая, как-то очень скоро присмотрелся к татарским обычаям и научился их языку и письменам. Скажу вам по истинной правде, научился он их языку, и четырём азбукам, и письму в очень короткое время, вскоре по приходе ко двору великого хана. Был он умён и сметлив. За все хорошее в нем да за способность великий хан был к нему милостив»* [46, гл. XVI]. Марко был представлен императору как его «человек», то есть как подданный. При этом данный феодальный термин мог обозначать и низшую ступень рыцарской иерархии. Благодаря этому статусу Марко смог выполнить первую важную миссию Хубилая — обследовать трудноконтролируемые приграничные районы на стыке Тибета и Юньнани. После этого хан присвоил ему титул, сопоставимый с мессером (господином) [42, с. 101].

Служба при дворе дала Марко возможность много путешествовать по империи, знакомиться с местными обычаями и фиксировать наблюдения; вероятно, именно эти записи позднее легли в основу его книги. Прожив в Азии около 16 лет, в 1291 году семья начала готовиться к возвращению [47, с. 11].

Обратный путь решили пройти морем через Индийский океан — шаг рискованный, но обусловленный обстоятельствами: Хубилай поручил доставить невесту родственнику Аргуну, ильхану Персии, а сухопутные маршруты осложнялись войной. В 1292 году флотилия вышла из Зейтуна и направилась на юго-запад через Южно-Китайское море. По дороге Марко Поло упоминает «7448 островов» Китайского моря — вероятно, речь идёт об Индонезийском архипелаге.

Из всех островов, путешественник задержался лишь на Суматре, где он провёл около пяти месяцев. После Суматры флотилия направилась к острову Шри-Ланка, проходя мимо Никобарских и Андаманских островов. Марко Поло ошибочно предположил, что Шри-Ланка и Ява являются «самыми большим на свете» островам, и тем не менее, путешественник достоверно описал быт местных жителей, месторождения драгоценных камней и известные жемчужные ловли в Полкском проливе.

От Шри-Ланки корабли шли вдоль Западной Индии и Южного Ирана, через Ормузский пролив в Персидский залив. Путешественники благополучно довезли девушку до Ормуза, но многие участники той экспедиции погибли в пути. Марко Поло рассказывает: *«По правде сказать, когда они сели на суда,*

не считая судовщиков, было их шестьсот человек; перемерло много; всего только восемнадцать человек осталось в живых» [46, гл. XIX]. Семья возвращалась через Тебриз, Трапезунд, Константинополь и Негропонт и прибыла в Венецию, вероятно, в конце 1295 года. По разным данным, Марко Поло провёл в Азии около 16–17 лет. В своём сочинении он описывает множество стран и народов, фиксируя не только факты, но и личные впечатления. Например: *«в старину здешние [Армении] дворяне были храбры и воинственны, теперь они слабы и только пьянствуют»* [46, гл. XX]. Так, о туркменах он замечает, что это «народ простой, а их язык «грубый» [46, гл. XXI]. О грузинах Марко Поло пишет, что «они красивы, мужественны и отменные бойцы в сражениях» [46, гл. XXII].

Марко Поло описал в своём сочинении десятки городов, стран и народов. Несмотря на то, что его наблюдения часто носят личный, а не научный характер, именно это делает текст ценным источником: он передаёт не только сведения, но и типичный способ восприятия мира человеком феодальной эпохи. «Книга о разнообразии мира» заметно повлияла на последующую европейскую традицию изучения Востока. При первой публикации многие сообщения Марко Поло воспринимались как вымысел и «фантастика». Например, следующий эпизод кажется почти невероятным: *«Расскажу вам ещё вот о какой диковине: в этом царстве, по истинной правде, есть люди с немохнатыми хвостами длиною в пядь. Их тут много, живут они в горах, а не в городах. Хвост у них толстый, как собачий. Много тут единорогов и всякой дичины, звериной и птичьей»* [46, гл. CLXIX].

Марко Поло подробно описывает злоупотребления властью министра Ахмада и его казнь, называя среди участников убийства Ванчжу; этот эпизод подтверждается китайскими источниками [46, гл. LXXXV]. Дополнительную убедительность рассказу придаёт то, что в хронике Юаньши упоминается некий По-Ло, входивший в комиссию по расследованию и сообщивший хану о неправомерных действиях Ахмада [55, с. 413–414].

В своём повествовании Марко Поло также упоминает поединок двух легендарных батыров — Алау и Берке. Образ Алау-батыра известен по фольклорным материалам, опубликованным В. В. Радловым в собрании «Образцы народной литературы северных тюркских племён», а также по «Песне о сорока крымских богатырях», записанной Мурын-жырау и сохраняемой в рукописном фонде Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова [57].

Нельзя однозначно отождествлять Алау, упомянутого у Марко Поло, с фольклорным образом Алау-батыра, однако подобные сопоставления представляют интерес и могут стать направлением для дальнейших исследований. Попытку собрать и художественно осмыслить сведения о землях современного Казахстана предпринял советский писатель В. Шкловский в исторической повести «Земля разведчик», созданной на основе материалов Марко Поло [58].

Интересным является и тот факт, что двадцать первая глава «Книги» Марко Поло посвящена описанию Туркменистана: *«Живут они в горах и в*

равнинах, повсюду, где знают, что есть привольные пастбища, так как занимаются скотоводством. Водятся здесь, скажу вам, добрые туркменские лошади и хорошие дорогие мулы». И далее венецианский странник отмечает: «*Выделываются тут, знайте, самые тонкие и красивые на свете ковры, а также ткутся отменные, богатые материи красного и другого цвета, много и других вещей изготовляется здесь»*. [46, гл. XXI]

Со временем предприимчивые итальянцы наладили экспорт этих уникальных изделий в Европу, и потому на картинах художников эпохи итальянского Ренессанса можно нередко увидеть в интерьерах дворцов Венеции и других городов Запада туркменские ковры.

Описания Китая, Индии и Центральной Азии предоставили европейцам уникальный массив знаний о ранее малоизвестных регионах, тогда как сведения о жизни Марко Поло после возвращения из путешествия остаются крайне ограниченными. В 1298 году он отправился в морское путешествие, которое закончилось неудачей. Во время войны между Венецией и Генуей Марко Поло оказался в плену у генуэзцев, вероятно, после поражения в морском сражении при Курцоле. Именно этот эпизод во многом определил его литературную судьбу: в заключении он познакомился с Рустичелло из Пизы, писателем, известным сочинениями об артуровском круге. Рустичелло записал рассказы Марко Поло, и на их основе возникла знаменитая книга [48]. Эта рукопись, известная как «Книга о разнообразии мира», объединяет реальные наблюдения и элементы литературного стиля, свойственного Рустичелло.

В целом сочинение Марко Поло остаётся ценным источником по географии, населению, политическому устройству, религии и хозяйству регионов Центральной и Восточной Азии, хотя для многих современников его свидетельства казались преувеличенными и недостоверными, из-за чего за Поло закрепилось прозвище «Миллионе», намекавшее не на богатство, а на «тысячи выдумок» [56, с. 292]. Допускается, что при передаче текста переводчики могли прибегать к стилистическим украшениям, однако основное содержание сочинения в целом соответствует действительности. Путешествие Марко Поло, продолжавшееся около двадцати четырёх лет, оказало значительное влияние на развитие международной торговли и формирование европейских представлений о Востоке, став ориентиром для последующих поколений путешественников и исследователей. Его записи на протяжении нескольких столетий определяли восприятие азиатских регионов в Европе и использовались при составлении карт вплоть до эпохи Великих географических открытий, включая путешествия Христофор Колумб.

В результате текст приобрёл яркость и выразительность, что сделало его не только историческим документом, но и произведением, способным захватить воображение современников и последующих поколений. После освобождения из плена Марко Поло вернулся в Венецию, где провёл остаток своей жизни. Несмотря на обретённую известность, он больше не покидал родной город и сосредоточился на управлении семейными делами. Его наследие, однако, продолжило вдохновлять путешественников, учёных и

картографов на протяжении многих веков, прочно утвердив его как одного из самых влиятельных путешественников в истории.

Важно подчеркнуть, что «Книга чудес света» относится к числу наиболее подробно изученных памятников средневековой литературы: согласно библиографическому указателю 1986 года, только на европейских языках насчитывается свыше 2300 исследований, посвящённых этому сочинению [49]. Однако, несмотря на столь обширную историографию, вопрос о том, действительно ли Марко Поло достиг Китая, остаётся предметом научных споров. Некоторые европейские авторы допускают, что его поездка могла быть менее масштабной, чем принято считать.

Так, Франсис Вуд, куратор китайской коллекции Британского музея, выдвигает предположение, что Поло мог ограничиться Малой Азией и Черноморским регионом, а сведения о далёких странах собирал через рассказы мусульманских купцов и иных посредников [50]. Скептично настроенные исследователи отмечают, что Поло не упоминал о таких знаковых явлениях, как Великая Китайская стена или обряд бинтования ног.

Датский исследователь Йорген Йенсен вспомнил встречу Марко Поло и Пьетро д'Абано в конце XIII века. Во время этой встречи Марко рассказал Пьетро подробности астрономических наблюдений, которые он сделал во время своего путешествия. Эти наблюдения совместимы с пребыванием Марко в Китае, на Суматре и в Южно-Китайском море [51, 719–728] и записаны в книге Пьетро Conciliator Differentiarum, но не в «Книге путешествий» Марко. Историк Стивен Хау, также подмечает, что Великая Китайская стена была возведена императором Цинь Шихуанди для защиты от северных кочевников, тогда как правящая династия во время визита Марко Поло и была теми самыми северными кочевниками [52].

Они отмечают, что знакомая нам сегодня Великая стена представляет собой сооружение эпохи династии Мин, построенное примерно через два столетия после путешествий Марко Поло; и что монгольские правители, которым служил Поло, контролировали территории как к северу, так и к югу от сегодняшней стены, и у них не было причин поддерживать какие-либо укрепления, которые могли остаться там со времён более ранних династий [52, с. 52–57]. Рецензируя книгу Хау, Питер Джексон (автор книги «Монголы и Запад») сказал, что Хау «наверняка теперь разрешил споры вокруг историчности визита Поло в Китай» [53, с. 438–440]. Давид Морган также демонстрирует, что сейчас сложился консенсус, что Марко Поло всё-таки действительно был в Китае [54].

Экспедиция Марко Поло, даже при учёте возможной художественности его повествования, представляет исключительную ценность как для своего времени, так и для современности. Его знаменитый труд, известный как «Книга о разнообразии мира» или «Описание мира», предложил европейцам первое подробное и последовательное описание Центральной и Восточной Азии. Несмотря на дискуссии о достоверности отдельных деталей, сочинение Марко Поло стало одним из наиболее значимых источников сведений о культуре, политическом устройстве, экономике и географии регионов, ранее практически

неизвестных европейской традиции. В нём представлены описания могущества империи Юань при правлении Хубилай-хан, хозяйственного потенциала Китая, функционирования Великий шёлковый путь, а также ряда технологических и социальных практик, включая использование бумажных денег.

Эти наблюдения способствовали корректировке устоявшихся представлений о Востоке и закреплению образа Центральной Азии как ключевого пространства трансконтинентальной торговли и культурного обмена. Влияние труда Марко Поло на европейское восприятие Азии было значительным: его сочинение использовалось географами и картографами вплоть до эпохи Великих географических открытий и, в частности, оказало воздействие на интеллектуальные ориентиры Христофор Колумб, а также стимулировало расширение торговых и дипломатических контактов между Востоком и Западом.

Подробные отчёты, оставленные такими фигурами, как Иоанн де Плано Карпини, дали Европе первые систематические представления о масштабах Монгольской империи и особенностях её внутреннего устройства. Эти свидетельства, наряду с записями Вильгельма де Рубрука, подчёркивали роль монголов как культурного медиатора, обеспечивавшего распространение товаров, идей и технологий по всей Евразии [72]. В условиях Pax Mongolica францисканские и доминиканские монахи, стремившиеся к распространению христианства, предпринимали обширные миссионерские поездки в Азию, нередко находя поддержку со стороны влиятельных христианок при монгольских дворах, что существенно облегчало их деятельность. Подробные наблюдения Рубрука, хотя и не сразу получившие широкое признание в научной среде, содержали ценные этнографические и географические сведения и внесли значительный вклад в формирование у Западной Европы начального понимания монгольского мира.

Хотя и Марко Поло, и Иоанн де Плано Карпини предприняли длительные путешествия в пределы Монгольской империи, их путевые сочинения дают принципиально разные перспективы на социально-политический ландшафт и культурные практики эпохи, что отражает различие их целей и интеллектуальных горизонтов. Плано Карпини, выступавший в роли папского посланника, сосредоточивался прежде всего на военной мощи, политической организации и религиозных ориентациях монголов, действуя в соответствии с поручением папской курии оценить возможность союзов против исламских держав и перспективы христианской миссии. Марко Поло, напротив, отправился в путь главным образом по коммерческим причинам вместе со своей купеческой семьёй, что предопределило его внимание к экономической деятельности, торговым путям и многообразным обычаям народов, с которыми он сталкивался [244].

В результате сочинение Карпини носит более аналитический и откровенно политический характер, представляя собой стратегическую оценку Монгольской империи с точки зрения Западной Европы. Нарратив Поло, в свою очередь, предлагает детализированное, хотя порой и приукрашенное, этнографическое описание повседневной жизни и материальной культуры, что

отражает его длительное пребывание в рамках монгольской административной системы и его торговые интересы. Это различие принципиально важно для оценки исторической достоверности их свидетельств: наблюдения Карпини имели более непосредственный и тактический характер, тогда как Поло стремился к более широкому, хотя и субъективному, культурно-экономическому обзору.

1.4 Разница структурных построений Монгольской империи и итальянских городов-государств на основе дипломатических документов

Основные принципы научного исследования объединяют в себе исторический, логический и системный подходы. Основные усилия направлены на выявление уровня взаимоотношений между итальянскими государствами и Золотой Ордой. Исследования по теме проводились с XIX века. Европейские историки и источники из Венеции и других итальянских государств, а также откровения послов и миссионеров, изучались, а также материалы о торговле и торговых путях, а также записи правил ханов тщательно анализировались. В связи с историей торговли на Чёрном море были изучены тексты документов, которые были полностью опубликованы.

В результате исследований было отмечено, что основные источники Средневековья — государство Золотой Орды из восточных областей Сибири - играют важную роль в истории взаимоотношений между Ордой и европейскими странами. Результаты исследований показывают, что Государство Золотой Орды, которое было одним из основных факторов в Империи Чингисхана, могло оказать значительное влияние на обширные территории от восточных районов Сибири до Европы.

Как отметили Фабио Грасси и Калкаман Жумагулов, XIII век — это эпоха великой Монгольской империи и Pax Mongolica — «монгольского мира», который обеспечил относительную стабильность и безопасность для торговли и передвижения. Это также время расцвета Шёлкового пути, который достиг своего наивысшего значения. В Европе в этот период наблюдается первый пик экономического, демографического и культурного возрождения, начавшегося в XI веке. Этот процесс был лишь временно прерван в середине XIV века из-за ужасной пандемии — чумы (Чёрной смерти), которая, к сожалению, распространялась теми же торговыми путями, которые раньше приносили товары и знания [59].

Подобные контакты способствовали формированию сложного взаимодействия дипломатии, миссионерства и культурного обмена, что бросало вызов устоявшимся представлениям о «чужом» и существенно расширяло европейские знания о мире за пределами привычного горизонта. Рост этого осознания был тесно связан с имперской экспансией монголов, которые в период наибольшего могущества контролировали пространства от Восточного Китая до Южной Персии и доходили до Венгрии, создав беспрецедентную сеть коммуникаций и торговли. Такое территориальное единство стимулировало интенсивный обмен картографическими, навигационными и научными

знаниями между китайским и исламским мирами, что непосредственно влияло на развитие географических представлений эпохи [72].

Формирование этой обширной державы, часто характеризуемой как крупнейшая в истории континентальная империя, по своей природе связывало разнородные регионы и культуры, обеспечивая беспрецедентную циркуляцию информации и товаров между континентами. Данная взаимосвязанность стала основой интенсивного культурного и технологического обмена, известного в историографии как Pax Mongolica, который создал стабильные условия для дальних путешествий и межкультурных контактов [17]. Несмотря на первоначальную репутацию разрушительных завоевателей, монголы тем самым невольно выступили катализаторами эпохи усиленной глобальной связности и культурного синкретизма. Их кочевая культура, отличавшаяся высокой мобильностью и эффективным перераспределением ресурсов, сыграла ключевую роль в формировании этих связей и в управлении огромными территориями империи.

Масштаб этой интеграции наглядно иллюстрируется учреждением христианской архиепископии в Ханбалыке (современном Пекине) в 1308 году, а также другой — в Султании, столице монгольского Ильханата в Персии, что подчёркивает глубину евразийского единства при монгольском владычестве [224]. Подобная интеграция способствовала и изменению восприятия монголов в Западной Европе: от образа «диких варваров» к более сложному и нюансированному пониманию их развитых организационных структур и своеобразных культурных практик. Политическая стабильность, установленная в результате монгольских завоеваний в Центральной Азии, предоставила европейцам уникальную возможность для путешествий и, следовательно, для углубления ранее фрагментарных представлений о мире, унаследованных преимущественно от античной традиции.

Таким образом, Монгольская империя сыграла ключевую, хотя нередко недооценённую, роль в преодолении географического и культурного разрыва между Востоком и Западом, содействуя интеллектуальному и материальному обмену, который заложил основы для последующих эпох глобальных исследований [244]. Повышенная мобильность, характерная для монгольской эпохи, стимулировала активные межкультурные контакты в таких сферах, как наука, искусство, торговля и религия, запустив глубокие этнические, конфессиональные и геополитические трансформации в Старом Свете. Интеграция различных имперских концепций в рамках монгольской административной системы дополнительно укрепила эти связи, сформировав уникальное институциональное наследие в пределах цивилизаций, находившихся под её влиянием.

Монгольские ханы способствовали созданию иллюзии политической целостности Золотой Орды, что благоприятствовало движению людей, распространению идей, а также культурному, экономическому и научному взаимодействию между Востоком и Западом. Документы, связанные с татаро-монгольскими завоеваниями и историей Золотой Орды, сегодня можно найти в архивах, музеях и библиотеках по всему миру.

Первое достоверное упоминание о завоевательных планах монголов в отношении западных земель восходит, по-видимому, к 1238 году, когда Юлиан, возвращаясь из второго путешествия на Волгу, доставил королю Венгрии послание от монгольского хана. Само путешествие было предпринято им в поисках прародины мадьяр, однако в ходе миссии он оказался вовлечён в сферу монгольской дипломатической активности.

Результаты первого путешествия Юлиан представил весной 1237 года в Риме, где его доклад был впоследствии записан братом Рихардом под заглавием Relatio fratris Ricardi. Второе путешествие, состоявшееся летом-осенью 1237 года, дало новые сведения о характере монгольской экспансии и её западном направлении. Находясь в Суздале, Юлиан застал там посольство, направленное монгольским ханом к венгерскому королю Беле IV. По неясным причинам посланников задержал владимиро-суздальский князь Юрий Всеволодович, а их письмо передали Юлиану, и именно он затем доставил его адресату.

Эти события нашли отражение в нескольких подлинных документах XIII–XIV вв., ныне хранящихся в Ватиканской Апостольской библиотеке. Наиболее значительным среди них считается Epistola fratris Iuliani de bello Mongolorum *(«Послание брата Юлиана о Монгольской войне»*), адресованное папскому легату в Венгрии, архиепископу Перуджи Сальвио де Сальви. Документ был составлен вскоре после возвращения миссионера с Волги и дошёл до нас в двух рукописных списках XIII столетия (MS BAV Pal. Lat. 443; MS Vat. Lat. 4161) [1].

Обострение ситуации в Центральной Европе вызвало активную реакцию Римской католической церкви. Письмо папы Григория IX от 1 июня 1241 года, адресованное венгерскому королю Беле IV, стало одним из ранних свидетельств включения папской курии в евразийскую политическую систему. Документ содержал заверение в поддержке Венгрии в условиях монголо-татарской угрозы и одновременно фиксировал сложную конфигурацию дипломатических отношений: в послании упоминается Фридрих II, король Германии и император Священной Римской империи, которому приписывались возможные контакты с монголами (Litteras Gregorii IX regi Ungariae Belae [60]). Письмо, составленное в Латеране — символическом центре верховной церковной власти, фактически положило начало регулярной переписке Ватикана с золотоордынскими и ильханидскими правителями.

Сохраняющиеся в Ватиканских архивах оригиналы трёх писем ильханов папам свидетельствуют о том, что дипломатические каналы между Западом и монгольским миром носили не эпизодический, а системный характер. Эти контакты отражали попытку папства принять новую геополитическую реальность и использовать монгольский фактор в борьбе с империей Гогенштауфенов. Политическое пространство Евразии первой половины XIII века формировалось во взаимодействии трёх центров силы — Фридриха II, папства и Монгольской империи; конкуренция между ними определяла не только военные и дипломатические решения, но и стратегию церковной внешней политики.Конфликт между Фридрихом и Григорием IX, а позднее с

Иннокентием IV, носил как религиозный, так и политический характер, проявляясь в призывах к крестовым походам, организации Вселенских соборов и переговорах о подчинении территорий.

На этом фоне появление и экспансия Монгольской империи создавали дополнительный фактор международного давления. Папство видело в монголах как потенциальных союзников против Фридриха, стремясь использовать угрозу с востока для укрепления собственной позиции в Европе. Монгольские правители, претендовавшие на мировое господство и расширяющие сферу своего влияния от Китая до Восточной Европы, поддерживали дипломатические контакты с западными государствами и католической церковью, проявляя относительную конфессиональную терпимость. Фридрих II, осознавая военное превосходство монголов, пытался использовать их как стратегический элемент для балансирования сил в Европе, однако амбиции императора часто вступали в противоречие с интересами как папства, так и монгольских правителей. *«Король Татарский написал императору Фридриху, повелевая ему, что, если он подчинится татарскому королю, то сможет выбрать для себя любое занятие при его дворе и получит от него земли. На это император ответил, что неплохо разбирается в птицах и мог бы стать ему хорошим сокольничим» [64].*

К наиболее важным памятникам дипломатической переписки относятся три письма ильханов, сохранившиеся в архивах Ватикана: «Охранная грамота Абаги-хана» (1267 или 1279 г.), послание хана Аргуна папе Николаю IV от 14 мая 1290 г. [61] и письмо хана Газана Бонифацию VIII от 12 апреля 1302 г. [62]. Все три документа написаны на монгольском языке уйгурским письмом и заверены квадратными красными печатями; их надписи выполнены китайскими иероглифами, что наглядно передаёт многоязычный и многоцентровой характер административной практики Монгольской империи. Эти письма были впервые выявлены и введены в научный оборот в 1921 г. кардиналом Е. Тиссераном, что стало важной вехой в изучении дипломатических контактов между папской курией и ильханами.

Как отмечал Жумагулов, [63] существует большой архив раскрытых переписок Пап Римских с ханами Золотой Орды, ильханами Хулагуидов и монгольских ханов. Анализ структурных различий между Монгольской империей и итальянскими городами-государствами (такими как Венеция, Генуя и Флоренция) позволяет понять основы их политической и дипломатической организации, а также стратегий управления и взаимодействия с внешним миром.

Одним из первых по хронологии документов, хранящихся в Ватиканской библиотеке, является письмо из Витербо, отправленное около 1260 года папой римским Александром IV хану Золотой Орды Берке, в котором он просит хана монголов (principi Tartarorum) принять его посыльных и обеспечить хорошее обращение с христианами и его людьми в свободной проповеди Евангелия. При этом, если хан примет христианскую веру, папа сделает все, в чем нуждается его народ.

В письме отмечается: «*Exellenti et magnifico Berke principi Tartarorum deum colere et timere… Cum autem ipsus, redemptoris vicem geramus in terris, qui neminem vult perire de animarum salute solliciti dictum fratrem… Si enim donum gratie, quod per seruorum suorum ministerium tibi mittit fidem videlicet Christianum, recipias, exultabit cor nosbrum in domino et te ac gentem tuam omni favore quo decuerit prosequamur*» [1].

Дальнейших свидетельств в фондах Ватиканской библиотеки о переписке между золотоордынским Сараем и римской курией в XIII веке не обнаруживается. И только 28 марта 1318 года папа Иоанн (Johannes) XXII обращается к властителю Золотой Орды Узбек (Uzbek) хану. Этот же папа обращается вновь 27 сентября 1323 года. Оба письма остались без ответа, так же как и письма папы Бенедикта XII от 13 июня 1338 года и 17 августа 1340 года.

В письме от 13 июля 1289 года из Риеции папа Николай IV благодарит великого хана Хубилая за внимание к христианской вере и Римской церкви, о чем ему ильхан Аргун (1284–1291) передал через доверенного посланника. Поэтому папа посылает великому хану Иоанна Монтекорвино наряду с другими собратьями с этим письмом и просит его поддержать Священное Писание.

В послании отмечается: «*Cobla chan principi Tartororum illustri gratiam in present que perducat ad gloriam in futuro. Gaudeamus in damino, princeps egregie, sibique devotas et uberes gratiarum referimus actions, quod ipse, in cuius menu corda sent pricipum terrenorum, te, prout letanter audivimus, sue dono gratie clementi pietate preveniens illo tui pectoris intima fecundavit affectu, quod ad Christiaitatis terminos ampliandos dirigitur desiderium mentis tue. Dudum siquidem post nostre promotionis initia, certos nuntios ad nostram presentiam ex parte magnifici principis Argonis regis Tartarorum illustris transmissos receptimus, nobis apertius referentes quod ad personam nostram et Romanam ecclesiam et etiam, gentem seu populum Latinorum grandis devotionis affectum magnificentia tua gerit; …*» [60].

В этом же письме папа требует от правителя того региона Центральной Азии (Каганат Чагатаидов) правителя Кайду (Qaidu) принятия истинной веры. Он пишет: «*Caydono principi Tartororum illustri gratiam in presenti que perducat ad gloriam in futuro. Ad ea, que tue salutis augmentum respiciunt tuique nominis titulos in orbe terrarium attolunt, celsitudinem tuam libenter inducimus operamque sollicitam impertimur. Sane, princeps egregie, tuis aperiri sensibus affectamus, quod dei filius Ihesus Christus ad ima mundi ut hominem, quem ad ymaginem et similitudinem suam de limo terre formaverat, de servitutis nexibus, in quos ipsum impegerat maligna suggestio liberaret, celementi dignatione descendeus vestem nostre mortalitatis assumpsit, ut proprii aspersione cruoris incendia perpetui cruciatus extingueret ac suos mortis eterne tenebris abvalutos vite perempuis efficeret possessores*» [63]. 15 июля 1289 года папа Николай IV написал письмо Аргуну, в котором требовал от ильхана скорейшего принятия христианства, но о каких-либо военных вопросах, по сути, ничего не было [9].

В апреле 1288 года папа сообщил ильхану Аргуну о том, что он от его посланников — епископа Бар Саумы, Сабадинуса, Томаса Анфосси и переводчика Угуэто (Ugueto) узнал о том, что Аргун хочет поддержки в его устремлениях в освобождении Иерусалима из рук мамлюков. Папа при этом советовал ему этот план продвигать, и отмечал, что при помощи Господа Бога это может легко осуществиться. Дословно папа Николай IV писал ильхану Аргуну: «*Intelleximus referentibus venerebili fratre nostro Barsauma episcopo in partibus orientibus, nobili viro Sabadino, Thoma de Amfusis et Uguietto interprete, laicis tue magnitudinis nuntiis, quod si regnum Ierosolimitantum de minibus liberari contigerit impiorum, in civitate Ierosolimitana renasci desideras lavacro baptismali. Nos autem tuam tuorumque salutem propensius cupientes, huismodi tuum salubre laudandumque propositium multipliciter in domino commendamus…*» [61]. Два других письма папы Николая IV были адресованы двум женщинам Аргуна, от которых он узнал, что они приняли христианство, и ждал, что они займутся миссионерством.

В итальянских городах-государствах дипломатия развивалась как инструмент установления взаимовыгодных торговых связей. Договоры между Венецией и Золотой Ордой или Генуей и Мамлюкским султанатом включали пункты о защите торговцев, праве на постройку факторий и налоговых льготах. Документы Монгольской империи часто отличались краткостью и универсальностью, что обусловлено многоязычностью империи.

Грамоты ханов писались на нескольких языках, включая уйгурский, персидский и китайский. Документы итальянских городов-государств демонстрируют детальность и ориентацию на договорные отношения. енецианские соглашения отличались детальной проработкой положений, регулирующих торговлю, политический нейтралитет и отношения с третьими сторонами. Монгольская империя, основанная на принципах универсализма и жёсткой иерархии, демонстрирует модель интеграции разнородных территорий, тогда как итальянские города-государства иллюстрируют потенциал торговли и дипломатии в условиях политической фрагментации.

Сопоставление структурных особенностей этих политических образований через призму дипломатических источников выявляет принципиальные различия в подходах к управлению и внешним связям: централизованная и экспансионистская модель Монгольской империи контрастирует с итальянской практикой, основанной на консенсусе, коммерческих интересах и системе юридических гарантий. Этот анализ подчёркивает, как исторические традиции формируют подходы к дипломатии и внешней политике.

Важно отметить, что восточная дипломатия, на отличие от европейской, находится в более начальной стадии развития. Она включает в себя не только документы договорного характера, но и в целом все рукописные источники. Дипломатия включает в себя анализ содержания документов с помощью актового формуляра, который включает схемы четырёх типов. Эти типы формуляров помогают систематизировать и структурировать информацию, содержащуюся в документах, и включают следующие категории:

● Инвокация (Invocation): Призыв к божественному началу или высшей силе, который обычно присутствует в начале документа.

● Интитуляция (Intitulation): Указание имени и титула лица, издающего документ.

● Адресация (Address): Обращение к лицам, которым предназначен документ.

● Субскрипция (Subscription): Подпись лица, составившего документ.

Конечный протокол включает выходные данные или заключение. В тоже время жалованные грамоты занимают промежуточное положение между актами и неактами, ибо в них элемент договора контрагентов (князя и грамотчика) сочетается с элементом распорядительным, вытекающим из политического неравенства контрагентов, из которых один обладает в ряде случаев большими возможностями диктовать свои условия, чем другой. В чингизидских грамотах мотивация для предоставления определённого дара всегда завершается упоминанием личности жалователя, который, в силу своего принадлежности к «золотому роду» Борджигинов, обладает правом распоряжаться судьбами обычных людей. Поэтому мотивировочные статьи индивидуального и производных от него формуляров чингизидских жалованных грамот всегда совпадают с компонентом адресант условного формуляра.

Для полноты нашего анализа весьма ценными являются свидетельства францисканцев и доминиканцев, которые побывали в Золотой Орде в конце XIII и первой половине XIV века, существенно отличаются от других источников. Длительное пребывание католических миссионеров в Улусе Джучи и их активное взаимодействие с представителями различных вероисповеданий и социальных групп обеспечили им возможность непосредственного наблюдения за общественной и правовой жизнью Золотой Орды. Это позволило собрать сведения, представляющие собой ценный первоисточниковый материал по вопросам культуры, социальных отношений и религиозных практик данного государства. Вместе с тем политические цели монгольской экспансии в отношении Европы остаются предметом дискуссий в историографии, поскольку существующие источники не позволяют дать однозначного ответа на данный вопрос. Чтобы понять мотивы монгольских нашествий, недостаточно ограничиваться записками путешественников.

Тем не менее, анализ и систематизация этих источников могут предоставить ценные намёки и углубить понимание происходивших событий. Исследования в этом направлении позволят нам ближе подойти к разгадке тайны, связанной с монгольскими нашествиями в Европу.

Эта концепция высшей власти принимала различные формы в зависимости от адресата, что ясно представлялось народам, ожидающим нападения. Для европейцев монголы представлялись как «Господь Бог» (Deus), обещающий мир и процветание в обмен на немедленное подчинение. С виду, такая информация кажется достаточной для сделанных выводов.

Тем не менее, рано считать вопрос полностью разрешённым на этой основе. Границы мира могли различаться у центральноазиатских кочевников и европейских учёных. Кризис в Европе, связанный с конфронтацией Рима и

Фридриха II, спровоцировал слухи о тайных переговорах последнего с монголами [64, с. 53]. Кайзер Фридрих II использовал монгольскую угрозу как инструмент политического давления на папство, стремясь продемонстрировать неспособность Римской курии защитить христиан в Венгрии и тем самым укрепить собственные позиции в борьбе с папством. В свою очередь, Бела IV, вероятно, намеренно усиливал драматизм ситуации, апеллируя к опасности вторжения, чтобы добиться военной поддержки со стороны папы и европейских монархов [65, с. 12].

Наряду с этим, менее влиятельные политические деятели и интеллектуалы также высказывали тревогу и пытались осмыслить появление нового врага, нередко прибегая к богословским интерпретациям происходящего [66, с. 29]. В западных и восточных источниках складывался образ монголов как народа, долгое время находившегося в состоянии подчинения или «замкнутости» в горных районах [67, с. 7]. В ряде нарративов подчёркивалось, что Чингисхан, изображаемый как «простой кузнец», сумел сплотить подвластные племена и освободить их от внешнего господства. По свидетельству доминиканца Рикольдо да Монтекроче (ок. 1243–1320), монголы якобы прорвались из горной блокады и, выйдя в открытое пространство, приобрели устремление к мировому владычеству [68, с. 19].

Едва выйдя из гор, тартары стали обсуждать, как им покорить весь мир. Тогда их предводитель Чингис-хан сказал: *«Вам не хватает только двух вещей: повиновения властителю и согласия между собой»* [69, с.38].

В этом контексте легенда о выходе монголов из горных ущелий и их последующем объединении под властью Чингисхана соотносилась как с монгольской традицией (например, мотив Эргунэ-Кун, подробно изложенный Рашидом ад-Дином [70]), так и с западнохристианскими эсхатологическими представлениями о «народах, затворённых за Железными вратами» и освободившихся накануне апокалипсиса.

Второй аспект этого сюжета может интерпретироваться как символическое отражение завершения процесса консолидации кочевых племён под руководством Тэмучжина и его провозглашения Чингисханом на курултае 1206 г.

На раннем этапе политической карьеры Темучжин состоял в союзнических отношениях с Ван-хан, что было закреплено брачным союзом. Однако по мере усиления власти Темучжина и расширения его влияния данный союз утратил устойчивость, поскольку рост его авторитета стал восприниматься как угроза другими племенными лидерами. Выход Ван-хана из союза и его сближение с противниками Темучжина привели к эскалации конфликта и серии вооружённых столкновений.

После своего поражения Ван-хан и его армия были вынуждены бежать, и он потерял значительную часть своей власти. В конечном итоге Ван-хан был убит своими собственными людьми в 1204 году. Для многих образованных европейцев, анализирующих причины монгольского нашествия, эти события могли быть ключевыми в истории монголов, ведущими их к городам Европы.

Вероятно, личность Ван-хана привлекла особое внимание, потому что его образ слился с легендой о Пресвиттере Иоанне, а также слиянием с реальной личностью кереитского хана [71, с.1-11]. Иногда место Ван-хана занимал «царь Давид», мифический владыка Индии, который в то время ассоциировался с Азией. Существовало представление о Чингисхане, как о восставшем против господина Ван-хана вассале.

Доминиканец и энциклопедист Винсент из Бове (1190–1264) отмечает, что: *«после того, как царь Давид, как уже упоминалось, был убит тартарами вместе со своими последователями, Чингис-хан и другие тартары, восторгаясь своими злодеяниями, были настолько ошеломлены безумием, что, будучи внушаемыми дьяволом, решили подчинить всю землю, так же как и своего господина»* [72, с.14]. *«Воодушевлённые достижением победы над Индией, Давидом и его народом, ибо на то была воля Бога, они умножили свои грехи»* [72, с.35]. После побед в Восточной Азии первым крупным государством, с которым столкнулись монголы, стал Хорезм. Как пишет Винсент из Бове: *«Итак, после победы над индийцами, о чем было сказано выше, гордо подняв голову и предполагая подчинить себе весь мир, они направили первых послов к хорезмийцам, поскольку те были их соседями, надменно принуждая их подчиниться Чингис-кану и его войску, а также смиренно сдаться ему в вечное рабство и выплачивать дань. Хорезмийцы столь сильно возмутились предъявленным к ним требованиям, что убили всех названных послов»* [72, с.14].

Первое монгольское посольство к хорезмшаху Ала ад-Дину Мухаммаду (1200–1220) было отправлено в 1215 г. и носило мирный характер. Спустя три года прибыла вторая миссия с письмом Чингисхана, где хорезмшах назван «сыном» — формула, которая могла звучать как демонстрация превосходства и политический вызов. Упоминание о «покорённых индийцах» на деле, вероятнее всего, связано с разгромом найманов под властью Кучлука, укрепившегося в государстве кара-киданей. В ряде источников, настроенных в пользу монголов, ответственность за обострение конфликта перекладывается на Ала ад-Дина, которого представляют инициатором столкновения. Близкая трактовка этих событий содержится и у польского францисканца де Бридиа, переработавшего отчёт Бенедикта Поляка:

«Итак, когда Чингис стал именоваться каном и год отдыхал без войн, он в это время распределил три войска [идти воевать] в три части света, чтобы они покорили всех людей, которые живут на земле» [64, с.88].

Жан де Жуанвиль (ок. 1224–1317), участник Седьмого крестового похода (1248–1254) и приближённый Людовика IX Святого (1226–1270), чьей жизни он посвятил своё сочинение, сообщает ряд примечательных деталей. Один из распространённых сюжетов повествует, что после поражения пресвитера Иоанна князь одного из подвластных Чингисхану народов исчез на три месяца, хотя сам воспринял это время как «один вечер». По его словам, он поднялся на высокую гору и увидел «Владыку неба и земли» на золотом троне, который объявил, что именно он даровал Чингисхану победу над Иоанном и теперь дарует ему «могущество, дабы подчинить всю землю» [66, с. 43].

На этом фоне третья версия происхождения и экспансии монголов, изложенная в «Письме об образе жизни тартар» венгерским доминиканцем Юлианом, посетившим восточные земли в 1237 г. и достигшим Рязанского княжества, выглядит более исторически убедительной: *«Тогда Гургутам, вышеназванный предводитель татар, почти повсюду полагавшийся на славные победы, выступил со всеми своими силами против персов по причине некоторых войн, которые ранее велись между ними. Где он одержал почетнейшую победу и полностью подчинил себе царство персов. Ободренный этим и считая себя самым сильным на земле, он стал выступать против царств с целью подчинить себе весь мир»* [72, с. 18]. *«Чингизхан уверился в непобедимости своей армии и стал претендовать на мировое владычество по окончанию успешной военной кампании в Хорасане в 1222 году»* [73, с. 59].

Монголы достигли значительных успехов в своих завоеваниях, включая обширные территории Азии и части Европы. Несмотря на военные успехи, монгольское наступление в Европе не было доведено до завершения. После побед при Легнице и Мохи в 1241 году продвижение войск было прекращено в связи со смертью великого хана Угэдэй. В соответствии с политической традицией Монгольской империи высшая знать и военачальники обязаны были вернуться для участия в курултае, что временно остановило западную кампанию.

Дополнительным сдерживающим фактором являлись значительные логистические трудности, связанные с ведением войны в условиях Европы, отличавшихся от степного пространства по плотности населения, инфраструктуре и климату. После смерти Угэдэя и обострения внутриполитической борьбы в империи внимание руководства было сосредоточено на перераспределении власти, что окончательно отвлекло ресурсы от продолжения завоеваний на Западе. Однако можно предположить, что Бату, внук Чингис-хана, на которого легла обязанность руководить военными действиями на Западе, не стремился разорять европейские земли путём жертв своих людей. Как типичный кочевник, он, вероятно, был удовлетворён обширными пастбищами, которые остались под его контролем. Смерть Угэдэя, возможно, послужила удобным поводом для отвода войск [74, с.168–169].

Благодаря такому положению генуэзские купцы превратились в ключевых посредников во внутримонгольской торговле, обеспечивая транзит товаров Ильханата в Золотую Орду через крымские порты, несмотря на сохранявшееся политическое соперничество между этими государствами (Fuess, 2024). Сформировавшаяся сеть коммерческих, дипломатических и политических контактов свидетельствует о высоком уровне стратегической гибкости, с которой итальянские города-государства действовали в условиях нестабильной евразийской системы монгольских держав [223]. Характерным примером подобной интеграции являются фигуры Бускарелло де Гизольфи и Томмазо д’Анфосси, выступавшие дипломатическими агентами ильханов при европейских дворах и наглядно демонстрирующие степень включённости итальянских купцов в политические структуры Монгольской державы [223].

Показательным в этом отношении является пример генуэзского купца и дипломата Бускарелло де Гизольфи, находившегося на службе ильхана Аргуна (1284–1291). Происходя из влиятельной генуэзской семьи, он с конца XIII века был вовлечён как в торговую, так и в дипломатическую деятельность: впервые упоминается в 1274 году в связи с подготовкой морского плавания, а в 1279 году — в Лаясе, одном из ключевых портов Киликийской Армении. В дальнейшем Бускарелло поступил на службу к Аргуну, который пожаловал ему титул кюрчи (носителя колчана) [75].

В 1289 году Аргун направил Бускарелло с посольством к папе римскому, а также ко дворам Франции и Англии. В конце того же года он передал королю Франции Филиппу IV письмо с предложением о совместной военной кампании против султана Египта, планировавшейся на 1291 год [76, с. 219–229]. В январе 1290 года аналогичное послание было доставлено английскому королю Эдуарду I. После получения ответов от европейских монархов Бускарелло вернулся в Рим, а затем вновь направился в Персию, сопровождаемый английским посланником Джеффри Лэнгли. Подготовкой безопасного маршрута для посольства занимался его племянник Конрадо де Гизольфи, благодаря чему миссия достигла Тебриза в 1292 году.

Данные дипломатические инициативы рассматриваются как один из последних попыток выстроить коалицию между Ватиканом, европейскими государствами и ильханами против мамлюков. Источники упоминают некоего Бискаруна, доставившего Газану письмо от папы, под которым, по всей видимости, скрывается Бускарелло де Гизольфи. Его деятельность продолжилась и при Газане: в 1301 году хан вновь поручил ему дипломатическую миссию после получения папского послания. Бускарелло также доставил письма от хана и несторианского патриарха Яббалахи III королю Эдуарду I, на которые тот ответил 12 марта 1303 года.

В статье «Le début des relations entre la papauté et les Mongols de Perse» французский востоковед Ж. Ришар указывает следующее: «*Начиная с 1264 г. христианские и монгольские послы не переставали намечать планы совместной кампании, чему свидетельство визит Газана к английскому королю Эдуарду I. Это же идея прослеживается в письме Аргун хана французскому королю Филиппу Красивому 1289 г., которое также доставил Бускарель, которого звали также Мускериль-колчан, в западных источниках его называют Бискарель / Biscarellus*» [77, с. 287–293]. После этого упоминания о Бускарелло исчезают из исторических документов; он, вероятно, умер до 1317 года. Согласно сведениям историка Демисони, в честь своего покровителя Аргуна он назвал своего сына Аргоне де Гизольфи, но тот, по-видимому, никогда не посещал Персию, которая была закрыта для генуэзцев в 1343 году [78]. Тем не менее, семья Гизольфи продолжала активно участвовать в генуэзской морской торговле на Чёрном море. Один из представителей рода был правителем Матрегы на Кубани, когда османские войска вторглись в этот регион в 1475 году [79, с. 549–574].

Из письма следует, что ильхан получил послание от римского папы и направил ответ, отправив к нему посольство, в состав которого вошли зять

Кокедеи, некий Тюмен, двое монголов и Бускарелло; при этом Газан допускал возможность отсутствия ответа со стороны папства. Уже в тексте письма он сообщает о подготовке к совместным военным действиям и формулирует ожидания от папы призывом: *«Вы также готовьте ваши войска…»*. Вместе с тем остаётся неясным, на каких основаниях весной 1302 года ильхан рассчитывал на реальное формирование союза с Римом и западными правителями, поскольку предполагаемый крестовый поход так и не состоялся, и Газан был вынужден действовать против Сирии самостоятельно.

Западные источники, в частности переписки Пап и ханов, свидетельства путешественников на Восток, содержат множество субъективных точек зрения относительно целей монголов. Если расположить их на условном спектре, то получим угрозы дойти до Последнего моря, подчинить известный мир, до конкретных опасений следующих держав, на острие монгольской экспансии: Русь, Венгрию, Польшу, Священную Римскую Империю (куда входили Чехия и Германия), Францию, Иерусалимское королевство, Сирию и Египет [72, с. 1]. Другие предполагаемые цели включают подчинение или даже уничтожение римской церкви (что не удивительно, ведь религия занимала значительную часть жизни человека того времени), реформирование христианства (которое обросло значительным количеством «ветвей»), а также аннигиляцию христианства, священников, монахов и даже всех людей.

Иногда авторы объединяют две или более из этих целей, внося более сложное понимание. [72, с. 4]. В свете монгольских завоеваний и контактов с этими народами, некоторые европейцы могли видеть себя как носителей высшей культуры и цивилизации по сравнению с «варварами» или «дикими», которых они воспринимали монголами и другими азиатскими народами. Они могли интерпретировать монгольские завоевания как вызов христианской цивилизации и чувствовать себя в обязанности распространять христианскую веру и культуру в этих областях.

Связь между христианством и цивилизованностью в контексте монгольских завоеваний могла восприниматься как неотъемлемая часть европейской идентичности и культурного превосходства, особенно в контрасте с азиатскими народами, не принявшими христианство. Конкретные намерения монгольских правителей во многом оставались неясными для европейских наблюдателей, а разведывательные миссии нередко давали фрагментарные и неточные сведения [73, с. 97]. Подобные заявления можно рассматривать не только как элемент информационного воздействия, но и как отражение монгольской имперской идеологии, представлявшей собой относительно простую и внутренне целостную систему взглядов.

В её основе лежало представление о Вечном Синем Небе (Тэнгри), которое избирает достойного правителя, наделяет его верховной властью и делает проводником божественной силы, предназначенной для установления порядка и гармонии в мире [80, с. 32]. Победы на поле битвы могли служить как подтверждением божественного одобрения власти, так и доказательством личной мудрости и мужества правителя.

Военные успехи служили не только как средство расширения монгольской империи, и воли синего Неба, но и как основа для легитимизации власти монгольских ханов, укрепляя их статус как военных лидеров и правителей. Например, татары, по его указанию, обязывают принцев Байотноя и Батыя, прибывающих к ним в качестве послов, совершать троекратное колено и троекратный поклон перед землёй.

Как отметили Фабио Грасси и Калкаман Жумагулов, XIII век — это эпоха великой Монгольской империи и Pax Mongolica — «монгольского мира», который обеспечил относительную стабильность и безопасность для торговли и передвижения. Это также время расцвета Шёлкового пути, который достиг своего наивысшего значения. В Европе в этот период наблюдается первый пик экономического, демографического и культурного возрождения, начавшегося в XI веке. Этот процесс был лишь временно прерван в середине XIV века из-за ужасной пандемии — чумы (Чёрной смерти), которая, к сожалению, распространялась теми же торговыми путями, которые раньше приносили товары и знания [59].

Объединение значительной части Евразии в рамках единого политического пространства создало условия для беспрецедентной интенсивности межрегиональных связей, охватывавших экономическую, дипломатическую и культурную сферы. Итальянский исследователь Либерати полагал, что итальянские путешественники благодаря своим продолжительным маршрутам и детализированным описаниям предоставляют ценный эмпирический материал для анализа многомерного характера данной формы глобализации, включавшей экономические, дипломатические и культурные взаимодействия [224].

По мнению Лищака, их свидетельства позволяют выявить, каким образом обширная, хотя и институционально нестабильная, политическая система Монгольской империи в течение значительного периода обеспечивала прямые связи между Востоком и Западом, создавая предпосылки для глубоких изменений в материальной и духовной жизни средневековых обществ [223].

В этом контексте свидетельства итальянских путешественников и купцов представляют собой важный источник для анализа механизмов и последствий ранней евразийской интеграции. Интенсификация межрегиональных обменов в данный период обусловила появление в академическом дискурсе таких понятий, как «монгольская глобализация» и «глобализм Орды», используемых для обозначения совокупности политических, экономических и идеологических структур, сформированных государством Чингизидов.

Сформированная Монгольской империей взаимосвязанность, нередко обозначаемая в историографии как Pax Mongolica, по мнению Фавро, привела к углублённой интеграции Азии, Ближнего Востока и Европы, трансформировав существовавшие торговые сети в качественно новый экономический порядок [17]. Комплексная интеграция евразийского пространства в условиях монгольского сюзеренитета превратила Шёлковый путь в ключевую экономическую артерию, обеспечив беспрецедентный уровень стабильности и

безопасности, что создало условия для активного развития международной торговли.

Разветвлённая система обменов, сформированная в период монгольского владычества, привела к существенной диверсификации товарного ассортимента в различных регионах Евразии, формированию новых потребительских вкусов и возникновению ранее неизвестных рынков за счёт включения новых товаров в существующие торговые структуры. Достигнутый при монголах уровень связности имел не только экономические, но и значительные интеллектуальные последствия, способствуя расширению горизонтов мышления и интенсификации обмена философскими и научными идеями между различными культурными традициями.

Интенсификация контактов сопровождалась ускоренным распространением знаний и мобильностью специализированных кадров — картографов, астрономов, печатников, аграрных специалистов, что способствовало формированию беспрецедентного научного и художественного синкретизма в таких областях, как картография, книгопечатание, сельское хозяйство и астрономия [72]. Объединение Евразии в рамках Монгольской империи также привело к значительным архитектурным и художественным синтезам, наиболее ярким примером которых является Ильханидская архитектура, вобравшая элементы различных региональных традиций Персии и Монголии [244].

Одновременно данная сеть способствовала передвижению религиозных деятелей и распространению различных вероучений, стимулируя формирование синкретических практик, а также трансляцию передовых знаний в области медицины, астрономии и математики [227]. Итальянские путешественники фиксировали высокий уровень культурного синкретизма и адаптации различных традиций в городах и торговых центрах империи, что позволяет рассматривать Монгольскую державу как важного медиатора межцивилизационного взаимодействия [244].

Несмотря на численную ограниченность, монголы сумели эффективно мобилизовать ресурсы и человеческий потенциал империи, что привело к расширению пространства знания и формированию культурного релятивизма, выходящего за рамки отдельных регионов. Интеграция различных народов и формирование многонациональной имперской элиты способствовали интенсивному обмену знаниями и технологиями, включая административные практики, заимствованные и адаптированные в интересах государства. Так, инструменты учёта и мобилизации ресурсов, заимствованные из Китая, получили применение на Кавказе, Персии, Центральной Азии и в землях Руси. Хотя наибольшая интенсивность этих процессов приходилась на период существования единой империи, они сохраняли значительное влияние и после её распада на отдельные ханства.

Существенную роль в этом сыграла высокоэффективная монгольская система коммуникаций — ямская почта, обеспечивавшая быстрое перемещение информации и материальных ресурсов на огромные расстояния. Сформированные монголами логистические и административные механизмы

стали важным фактором ускорения технологических и культурных трансферов в евразийском масштабе и способствовали становлению ранних форм глобализации. Данная архаическая глобализация, по мнению Т. Олсена, способствовала ускоренному распространению технологических инноваций и культурных практик на обширных пространствах Евразии, что в корне изменило траектории социально-экономического и культурного развития различных обществ [72].

Политика Монгольской империи, ориентированная на признание многообразия и интеграцию местных культур, способствовала широкому межрегиональному обмену, что отличало её от позднейших империй, стремившихся навязать собственные ценности. В современном историографическом дискурсе Монгольская империя рассматривается не только как разрушительная сила, но и как ключевой катализатор межцивилизационных контактов и архаической глобализации, существенно влияющий на исторические траектории Евразии.

Беспрецедентная мобильность во многом являлась непреднамеренным последствием территориальной экспансии, она часто стимулировалась целенаправленными политическими решениями, направленными на военные преимущества, повышение политического престижа или удовлетворение разнообразных культурных предпочтений в пределах империи [72]. Одновременно эта интенсивная миграция способствовала передаче знаний, идей, культур и верований, оказывая значительное влияние на цивилизации евразийских народов.

Иллюстративный материал содержится в Приложении А.

2 КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЙ ИТАЛЬЯНСКИХ ГОРОДОВ-ГОСУДАРСТВ И МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

2.1 Дипломатическая коллизия между итальянскими городами-государствами и Монгольской империей

Опыт францисканцев заключается в их осознании важности вхождения в чужой мир. Они противопоставили статичному и апокалиптическому восприятию Азии динамичное и правдивое видение, основанное на наблюдениях. То же самое можно отметить и в книге Вильгельма де Рубрука [81]. Здесь дело не в массе подробных деталей, запечатлённых этими авторам, а в том, что они внесли в восприятие другой культуры в субъективно-личностный масштаб [23, с.5].

Это всего один из вариантов описания монгольского мира, отражённый в зеркале христианской культуры. И пускай весьма специфический взгляд, он также имеет место быть рассмотренным. С виду, такая информация кажется достаточной для сделанных выводов. Тем не менее, рано считать вопрос, полностью разрешённым на этой основе. В итоге, общая цель завоевания «вселенной» включала в себя множество конкретных целей, некоторые из которых могли быть вымышлены европейцами и сохранены в их источниках.

И естественно, что суждения о границах мира могли различаться у центральноазиатских кочевников и европейских учёных. С географическими представлениями европейцев о дальних землях в начальный период монгольских завоеваний произошли значительные изменения благодаря влиянию библейских текстов и произведений древних философов [82, с.31]. Однако уже к середине XIII века, в результате дипломатических и религиозных миссий, эти представления претерпели существенные уточнения и стали более рациональными.

Свойственно европейскому стилю, в повествования активно вводились используемые цитаты, взятые непосредственно из уст монголов, собранные из разнообразных источников, включая письма монгольских ханов, отчёты о дипломатических миссиях, свидетельства пленников и часто без указания конкретных деталей. Зачастую эти цитаты остаются неопределёнными, лишены конкретной спецификации.

Яркая эмоциональность данных высказываний позволяет придавать им более критический взгляд, однако игнорирование их совсем несправедливо. Удары божественной кары были жестоки, но «горе, постигшее нас, было от Господа Бога, великого в своём милосердии, и Его милосердие спасло нас» [66, с.95]. В других случаях авторы выражают собственные опасения или передают мнения авторитетных соотечественников [83, с.114].

Теологи были крайне уверены в божественной предопределённости событий, которые охватили Евразию. Истина поставлена Богом, и авторам оставалось лишь толковать, делая пометки на полях священных текстов и новых исторических трактатов. В средневековой обители человеческой жизни

проявлялись встречи и сравнения культур через призму оппозиции «своего» и «чужого» [72, с. 4].

Западное пространство, пропитанное христианскими символами, сталкивалось с чужим, враждебным Востоком. Слухи о монголах и их стремительном продвижении на запад вызвали глубокие и сложные вопросы у европейской элиты о значениях божественных символов, предвещающих наступление Страшного суда.

В первой половине 1240-х годов вопрос о месте монголов в системе представлений средневекового Запада оставался одним из наиболее дискуссионных. Долгое время в историографии преобладало мнение о намерении монгольского руководства осуществить полное завоевание Европы, однако ряд факторов препятствовал реализации подобного сценария.

К их числу относятся смерть великого хана Угэдэя, а также нараставшие противоречия внутри династии Чингизидов, в частности между Бату, Гуюком и Бури. Существенную роль играли и объективные ограничения, связанные со сложной географией Европы и необходимостью значительных материальных и продовольственных ресурсов, а также протяжённых коммуникаций, что делало продолжение масштабного вторжения крайне затруднительным.

В период монгольских завоеваний в Европе существовало множество разделённых государств и королевств, которые часто вели войны друг с другом. Это создавало условия для разобщённости и резистентности, что делало сложным для монголов проведение успешных военных кампаний. Однако можно предположить, что Бату, внук Чингисхана, на которого легла обязанность руководить военными действиями на Западе, не стремился разорять европейские земли путём жертв своих людей.

Как типичный кочевник, он, вероятно, был удовлетворён обширными пастбищами, которые остались под его контролем. Западные источники, в частности переписки Пап и ханов, свидетельства путешественников на Восток, содержат множество субъективных точек зрения относительно целей монголов.

Другие предполагаемые цели включают подчинение или даже уничтожение римской церкви (что не удивительно, ведь религия занимала значительную часть жизни человека того времени), реформирование христианства (которое обросло значительным количеством «ветвей»), а также аннигиляцию христианства, священников, монахов и даже всех людей. Иногда авторы объединяют две или более из этих целей, внося более сложное понимание. [72, с. 4].

В данной ситуации, чёткие образы часто терялись, уступая место тесно связанным целям и ценностям европейцев средних веков. В 1245 году в резиденцию Папы Римского перед открытием Лионского собора прибыл некий архиепископ Петр, прибывший из разорённой Руси. Предположительно, под личиной Петра являлся или киевский метрополит или перемышльский иерарх. Иннокентий IV рассматривал монголов как одну из наиболее серьёзных угроз для христианского мира. В своём вступительном обращении на Лионский собор 1245 года он включил монгольскую опасность в число пяти ключевых бедствий, угрожавших христианству. Это восприятие было обусловлено

активной фазой монгольских завоеваний, затрагивавших как восточные, так и западные регионы Евразии, что побуждало папство и светских правителей к поиску согласованных ответных мер.

В рамках данной стратегии папство направило трёх дипломатических представителей к монгольским правителям — в Сирию, Восточный Китай и на реку Идель. Двое из них, Андреа де Лонгжумо и Аселино да Кремона, принадлежали к доминиканскому ордену, тогда как францисканец Иоанн де Плано Карпини был назначен руководителем ключевой миссии. Основной задачей посольств являлась доставка папских булл монгольскому правителю и его окружению.

Иннокентий IV в послании «Не только люди» выразил обеспокоенность монгольскими завоеваниями и обозначил намерение установить дипломатический диалог, одновременно призывая к поддержке христианства среди народов Востока. В другом документе — «О чистой родине» — подчёркивалась значимость принятия христианской веры и ставилась задача сбора сведений о политических и культурных практиках монголов. Миссия, возглавляемая Иоанном де Плано Карпини и включавшая монаха Бенедетто Полоньского, заложила основу для последующего дипломатического взаимодействия между итальянскими государствами и Золотой Ордой, ставшего устойчивым явлением в XIII–XIV веках и способствовавшего развитию культурных и торговых связей между Востоком и Западом.

В данном контексте показательно внимание, уделённое свидетельствам архиепископа Петра, непосредственного очевидца надвигающейся угрозы. Его показания, полученные в ходе опросов в политических и церковных кругах Италии и Франции, воспринимались как надёжный источник информации, чему способствовали его высокий статус и репутация беспристрастного наблюдателя. Он подтвердил самые мрачные опасения курии: *«монголы готовились к ожесточённой схватке с римлянами и другими представителями латинской культуры, как было считано свыше, монголам предначертано покорить весь мир за 39 лет»*. В ответ на вопросы о монгольских деяниях архиепископ Петр рассказал все известные ему сведения о монголах: происхождение; вероисповедание; выполнение религиозных ритуалов; образ жизни; мощь; численность; намерения; соблюдение договоров; приём послов [66, с. 47].

Явно заметна картина, которую рисовал себе Папа. Событие, вызванное тем, что Библия молчит о монголах, могло бы потрясти устоявшуюся картину мира и даже привести к кризису. Однако этого не произошло. В средневековье мир воспринимался как целостная система, где каждое событие земной истории трактовалось как символическое отражение библейских событий. Даже вторжения чужеземцев и природные бедствия трактовались в контексте этого общего представления. Все события воспринимались как цикличные и отражающие божественную волю.

Для объяснения ужасных предсказаний и неизбежных бедствий люди искали параллели в прошлом или Святом Писании. Древняя история становилась частью настоящего в свете вечности [84, с. 485]. Архиепископ

Петр, отвечая на вопрос о происхождении монголов, обращается к «Откровению» Псевдо-Мефодия [50, с. 51]. В этих пророчествах сказано, что к концу времён появятся те, кого изгнал Гедеон, и они покорят все земли от востока до Евфрата и от Тигра до Понта Эвксинского (Чёрного моря), за исключением Эфиопии. Откровение Псевдо-Мефодия приобрело уникальный смысл в контексте событий XIII века.

Та «безбожная орава тартар», о которой гласило предание, была идентифицирована как моавитяне, ушедшие в глубокую древность от противостояния библейскому Гедеону. Они, как гласит текст, пересекли далёкие области на востоке и севере и обосновались в жуткой пустыне, названной Этревом. Их руководили двенадцатью вождями, преимущественно известными Тартарканом, и именно от него они получили своё имя - Тартары... Вероятно, их уединение в высоких горах, недоступных практически для вторжения, в сочетании с диким образом жизни и воспитанием в логовах львов и драконов, которых они изгнали, не помешало их склонности к искушениям. Покидая свои убежища с многочисленными войсками, они подчинили себе тюрков, вавилонян и направили своих вождей на Русь, Польшу и Венгрию.

Из-за предсказания Псевдо-Мефодия, нарративы разных эпох и местностей стали объединяться в единую картину, и монголы нашли своё место в истории Запада, в качестве нового «Бича Божьего» после прошлой гуннской угрозы. В XIII веке жители Европы осознавали монгольскую экспансию как исполнение воли божьей, и этот аспект отразился в их современных описаниях этого периода. Русский архиепископ Петр, выступая на Лионском соборе, подтвердил эту точку зрения: *«Они намерены подчинить весь мир себе, и судьба определила, что они опустошат весь мир в течение 39 лет, так же как божественное наказание прежде очистило мир потопом, и теперь их вторжение очистит этот мир разрушительным мечом»* [50, с. 58].

Интересно отметить, как люди в средние века, как на Востоке, так и на Западе, разделяли убеждение в предопределённости глобальных событий божественной волей. Доказательством подобному выступают записи Рашида ад-Дина: после завоевания Бухары Чингисханом было отдано указание собрать всё население города на молитвенной площади, где обычно проводились торжественные религиозные обряды.

Взойдя на кафедру мечети, он произнёс речь, отражавшую его точку зрения: *«Люди, разумейте, что вы виноваты в великих проступках, а ваши лидеры - главы грехов. Бойтесь меня! Откуда мои слова черпают подтверждение? Оттого, что я - инструмент божьего гнева. Не было бы такого наказания, если бы вы не допустили больших грехов, и великий Бог не послал бы мне на вас такой кары»* [54, с. 60]. Появление новой культуры в западном мире — монголов, вызвало вопросы о их вероисповедании. По свидетельству другого наблюдателя, монголы верили в единого бога и соблюдали свои обряды под угрозой наказания [84, с.20].

Подобные высказывания нередко интерпретируются как элемент информационного давления, однако их значение не сводится исключительно к пропагандистским задачам. Современные исследователи, реконструируя

мировоззренческие основы Монгольской империи, отмечают, что её идеология представляла собой достаточно цельную и логически выстроенную систему. В её центре находилась идея Вечного Синего Неба (Тэнгри) как высшей сакральной силы, которая сама избирает правителя, наделяет его неограниченной властью и делает проводником своей воли [85, с. 32], что вызывает сходство с китайским Небесным Мандатом. Через эту божественную санкцию правитель получает право упорядочивать человеческие сообщества и восстанавливать гармонию в мире. В таком понимании монгольские ханы воспринимали себя не просто земными властителями, а представителями Тэнгри, обладающими законным правом на господство над всем обитаемым миром.

Монгольские правители осмысляли собственную власть как исполнение воли Неба, направленной на установление универсального политического порядка. Военные победы и территориальная экспансия служили основным средством демонстрации силы и одновременно источником легитимации их власти. Пространства, находившиеся вне сферы монгольского контроля, в рамках данной политико-идеологической модели воспринимались как область неупорядоченности и хаоса. Отказ от принятия власти хана трактуется как отступление от воли Вечного Синего Неба, что означает слияние политических вопросов с религиозной сферой, что довольно типично в условиях средних веков. Как отмечал, сам Плано Карпини:

«Также сам хан придаёт себе статус сына Божьего и использует этот титул в своих посланиях для управления и подчинения людей. Например, татары, по его указанию, обязывают принцев Байотноя и Батыя, прибывающих к ним в качестве послов, совершать троекратное колено и троекратный поклон перед землёй. Вообще, их высокомерие и настойчивость в стремлении стать владыками всего мира не имеют границ. Они настолько наивны, что убеждены, будто весь мир кроме их хана — лишь пустота, и они называют его теми же титулами, что и папу или другого правителя. Они считают всех остальных жителей мира, за исключением себя, просто скотом, а папу и всех христиан называют собаками и считают их идолопоклонниками, потому что они поклоняются дереву и камню — то есть символу Распятия, вырезанному или выбитому из дерева или камня» [24].

Осознание собственной небесной избранности и убеждённость в исключительной силе своего народа формировали у монголов представление о неизбежности и законности подчинения всех земель и народов. В этой системе координат власть единственного правителя — монгольского хагана — мыслилась как абсолютная и санкционированная самим Небом. Такой морально-этический настрой проявлялся в особом чувстве коллективного превосходства, которое условно можно обозначить как «монгольскую гордость». В европейском восприятии это нередко находило искажённое отражение: монголы представлялись силой, действующей от имени Бога (Deus), обещающей мир и благополучие лишь при условии безусловного и немедленного подчинения.

Это сведение о «едином боге монголов» подвигло к формированию одного из удивительных мифов средневековой Европы — легенды о пресвитере Иоанне, загадочном христианском правителе, чьё великое царство искали на просторах Азии [86, с. 2].

В отдельных версиях средневековой традиции образ «царя Давида» — легендарного правителя Индии — на время подменял фигуру пресвитера Иоанна, отражая устойчивую ассоциацию Европы с далёким Востоком и Азией в целом. В этих представлениях Чингисхан нередко изображался не самостоятельным властителем, а вассалом или даже зависимым лицом Ван-хана либо «царя Давида», против которого он, согласно преданию, позднее восстал. Подобные мотивы находят отражение и в сочинениях доминиканского энциклопедиста Винсента из Бове (1190–1264), который отмечает, что:

«после того, как царь Давид, как уже упоминалось, был убит тартарами вместе со своими последователями, Чингис-хан и другие тартары, восторгаясь своими злодеяниями, были настолько ошеломлены безумием, что, будучи внушаемыми дьяволом, решили подчинить всю землю, так же как и своего господина» [72, с.14].

Римская Церковь надеялась, что монголы, возможно, готовы принять христианство и ожидают подходящего момента для этого заявления. Запад приблизился к признанию достоинства жителей восточных границ как равных человеческому. Встречаясь с монголами, папский посол, брат Иоанн, ответил ханскому посланнику:

«Мы — послы Господина Папы, который стоит над христианами властелином и отцом. Он направляет нас и к царям, и к князьям, и ко всем тартарским народам, желая, чтобы все христиане были друзьями Тартар и имели мир с ними; сверх того, он желает, чтобы Тартары возвеличились на небе перед Господом. Поэтому Господин Папа увещевает их как через нас, так и своей грамотой, чтобы они стали христианами» [66, с. 84].

В убеждённости мировых и духовных лидеров Запада в необходимости обращения монголов присутствовали как реальные, так и мифические основания. Осторожный и разумный брат Иоанн стремился разъяснить позицию «Императора Тартарии» - великого хана Гуюка, общаясь с его ближайшими советниками. *«Христиане, входившие в его окружение, сообщали нам, что они с уверенностью полагают, что он скоро примет христианство. Они видят в его действиях подтверждение этого в том, что он содержит христианских священников и обеспечивает их; кроме того, в его большом шатре всегда есть христианская молельня, и они публично поют и звонят к колоколам, как и греки. Похоже, что великое множество Тартар убеждено в этой связи»* [69, с. 112].

Наблюдения западного посланника подчёркивают, что христианство имело влияние в империи монголов. Особую роль в советах великого хана Гуюка играли несторианцы Кадак и Чинкай, управлявшие канцелярией хана. Скорее всего, мнение этих несторианцев отражено в докладе францисканца.

Рашид ад-Дин (1250-1316) также подчеркнул значимость влиятельных несторианских деятелей: *«Так как должность атабека при Гуюк-хане занимал*

Кадак, который был христианином с детства, это оказало влияние на характер Гуюка... и по этой причине Гуюк всегда принимал наставления священников и христиан. Когда эта информация распространилась, из страны Шам, Рум, Осов и Русо прибыли христианские священники в его столицу» [70].

Кроме того, помимо «божественных» аспектов (происхождение, вероисповедание, религиозные ритуалы), средневековое видение мира также незримо включало социальные аспекты, такие как богатство, собственность и справедливость. Западные исторические факты показывают, что далеко не многие случаи интересовали другую культуру вне своей собственной настолько живо, как образ жизни иноплеменных народов. «Своим государством они управляют справедливо» [66, с. 89], заметил брат Андрей Лонжюма после своего путешествия к монголам.

Интерес монгольских правителей к итальянским купцам частично объясняется заступничеством папской курии, на которое Авиньонские папы настойчиво ссылались в своих посланиях ханам Золотой Орды или Чагатайского улуса. Те же источники столь же ясно указывают на благосклонное отношение ханов, которое они также оказывали и западным миссионерам, развернувшим свою деятельность на подчинённых им территориях [87, с. 42].

Возможно, именно значительные доходы, приносимые итальянскими купцами, были главным мотивом благосклонности монгольских правителей. Что неудивительно, ведь как подметил отечественный историк, д.и.н., К. Т. Жумагулов, геополитическое положение, и инфраструктура Золотой Орды позволяли расширять международные торговые связи. Кроме того, на развитие торговли влияла и экономическая политика ханов Золотой Орды [88]. Возникло короткое окно возможностей для христианской миссионерской деятельности в Евразии. Христианство впервые проникло в Монголию и Великую Степь в VIII веке через персидских проповедников несториан. Однако именно в XIII в. во время правления Чингисхана христианство пережило значительный рост в Монголии [89].

Поэтому, признание факта существования «другого» культурного облика влекло за собой своего рода «освящение» его идентичности. Представители язычества, «Незнакомые законам божьим», часто описывались как те, кто обитает в глухих лесах, словно дикие звери, и употребляющие в пищу всё, что считается нечистым. Понятие «нечистой» пищи, зачастую, определялось в соответствии с религиозной доктриной той или иной культуры. Примером может служить широко известный запрет на употребление свинины в мусульманской традиции. Это правило связано с архаическими обычаями, когда свинина использовалась как часть ритуалов похоронных обрядов предков арабов [90, с. 8]. Особенно сильно заинтересованность и суждения о монголах начались задолго до событий Лионского собора 1245 года. Очевидцы и исследователи усиленно стремились разгадать загадку этого народа, и их отчёты словно волной накрыли тревожную Европу.

Именно такая ситуация сложилась после наступления монголов на Киев 1241 года [71, с. 110-111]. Возникновение монголов на политическом горизонте

христианского мира смято было как революционное событие, проламывающее запечатанные силы зла. В уме европейских элит это историческое событие быстро переросло в область мифологии. Ему было придано сверхрелигиозное значение. *«Они — меч гнева Господня на грехи нашего христианского народа, как свидетельствует блаженный Мефодий, который именует этих тартар измаильянами»* [87, с.91].

Монгольское нашествие в древнерусских источниках интерпретировалось как проявление божественного архетипа небесной кары. Так, в «Слове о нашествии татар» Серапион Владимирский упрекал современников в том, что они не распознали божественных предзнаменований и не покаялись до того, как их настиг «беспощадный народ», посланный в наказание:

«Земля наша опустошена, города разорены, святые церкви осквернены, наши отцы и братья уничтожены, а над матерями и сёстрами нашими совершено насилие. Сознав все это, братья, мы трепещем перед ужасным наказанием и приходим к Господу с обетованием: пусть не ниспошлёт Он на нас ещё больший гнев, пусть не проливет на нас ещё более страшную казнь, чем прежде» [66 с. 92].

Средневековые авторы изучали события XIII века и появление Бича Божьего с эсхатологической точки зрения. Их появление рассматривалось как часть божественного плана и воли, напоминание о необходимости покаяния и обращения к вере. Многие видели в нем исполнение пророчеств о конце света и суде Божием. Само вторжение монголов вызвало огромные разрушения, страх и хаос в тех областях, которые они захватывали.

Однако со временем монгольская империя стала влиять на формирование новых политических, культурных и экономических связей в Евразии, что также повлияло на средневековое общество и его восприятие мира. Монголы, прибывшие в наш мир, вызывали на Западе интерпретацию как одного из аспектов гнева Божьего. «Непростая» обстановка обязательно порождала свой собственный мифологический контекст, задачей которого было разрешение кризисных ситуаций.

Появление монголов на Кавказе и в Восточной Европе вызвало у современников глубокий страх, обусловленный масштабами разрушений и насилия, сопровождавших завоевания. В рамках средневекового мировоззрения эти события нередко осмыслялись через призму божественного промысла: вторжение интерпретировалось как наказание за грехи человечества, что использовалось церковными деятелями для призывов к покаянию и религиозной мобилизации. Исторические факты включались в религиозный нарратив, где библейские образы трансформировались в элементы земной истории.

Вместе с тем в европейской среде существовали и иные интерпретации, рассматривавшие монгольские завоевания как потенциальное пространство для распространения христианства, чему способствовал интерес отдельных монгольских правителей к христианской вере и поддержка миссионерской деятельности.

По мере накопления и систематизации сведений мифологизированный образ монголов постепенно подвергался пересмотру. В XIV веке это нашло отражение в литературных произведениях, где кочевые общества нередко идеализировались, что свидетельствует о подвижности и условности средневековых представлений. Реакция европейского сознания на завоевания Чингисхана носила многослойный характер и включала страх, религиозные интерпретации, элементы культурного взаимодействия и переосмысление политической реальности. Однако христианская Европа сохраняла свою обособленность от постороннего.

Она либо отвергала, либо ограничивала за пределами своих границ множество разнообразных языческих и исламских обществ. Нехристианин не получал полного признания как личность. Тем не менее, любопытна роль Узбек-хана. Дипломатические отношения Ватикана и хана Узбека (около 1313–1341) — одного из самых известных и могущественных правителей Золотой Орды — представляют собой уникальный пример взаимодействия католической церкви и исламского государства в XIV веке.

При хане Узбеке Золотая Орда достигла вершины своего могущества, и её влияние распространялось на значительные территории, что делало её важным игроком на евразийской политической арене. Ватикан, стремившийся укрепить связи с Востоком, рассматривал Золотую Орду как потенциального союзника против мусульманских держав и объект для распространения католической миссионерской деятельности.

Административная реформа Узбек-хана напоминает механизм, описанный экономистом Мансуром Олсоном, в концепции трансформации «кочевого бандита» в «оседлого» [91]. М. Олсон отмечал, что «кочевой бандит» — лидер, который периодически приходит и уходит, занимаясь грабежом, — в конечном итоге осознает выгоду от постоянного контроля над определённой территорией и населения.

Превращаясь в «оседлого» правителя, он начинает заботиться о создании стабильных условий для экономического роста и процветания, ведь его личное богатство и власть начинают напрямую зависеть от благосостояния подконтрольных ему территорий. Мусульманство здесь выступала альтернативной идеологией податного населения, в котором Узбек-хан видел, безусловно, союзников в борьбе против «кочевых бандитов» [92. с. 238]. Тем не менее, несмотря на принятие ислама, хан поддерживал веротерпимость и был готов к контактам с католическим Западом.

В это время Ватикан под руководством Папы Иоанна XXII и его преемников рассматривал Золотую Орду как потенциального союзника против мамлюков в Египте и против других мусульманских держав, мешавших христианским паломникам и купцам на Ближнем Востоке. Папа Иоанн XXII в своих письмах, обращался к хану Узбеку, не иначе, как к Императору, что было признаком высокого уважения, со стороны Папства.

Узбек-хан проявлял значительную терпимость к христианам, что подтверждается благодарственным письмом, которое он получил от Папы Иоанна XXII. В нём глава христиан выразил благодарность Узбеку за

доброжелательное отношение к христианам [93]. Узбек-хан направил письмо митрополиту Петру, в котором говорилось:

«По воле и силе, великому и превознесённому! Да не оскорбит никто митрополичьей церкви, которой Петр является главой, его службы или его духовенства; да не захватит никто их имущество, богатства или людей, да не вмешается никто в дела церкви... Их законы, их церкви и монастыри и часовни будут уважаться; всякий, кто осудит или обвинит эту религию, не сможет оправдаться под каким-либо предлогом и будет наказан смертью»[94].

Францисканцы играли важную роль во взаимодействии с Золотой Ордой в период правления хана Узбека (1313–1341), стремясь установить дипломатические и религиозные контакты. Узбек-хан, несмотря на свою исламизацию и активное продвижение ислама в Золотой Орде, поддерживал связи с представителями христианского Запада, включая францисканцев, видя в этом возможность укрепления торговли и дипломатии с европейскими странами.

Францисканцы, известные своими миссионерскими стремлениями, считали, что их орден должен распространять христианское учение на самых удалённых территориях, включая земли монголов. Согласно документации Генуэзской республики, отец Иероним Каталонский основал церковь святой Агнессы в Каффе (нынешняя Феодосия) — ключевом центре на торговых путях, где находилась колония генуэзцев [95]. Этот монастырь стал для них базой для миссионерской работы и попыток обратить местное население и ордынских правителей в христианство.

Францисканцам было разрешено свободное передвижение по землям Улуса Джучи и осуществление христианской проповеди [96, с. 350; 41, с. 111]. О последующем использовании этого права свидетельствует письмо миноритов из Крыма, направленное на Запад в 1323 году [97], из которого следует, что орден активно развернул миссионерскую деятельность среди кочевого населения, добившись ощутимых результатов и не встречая противодействия со стороны ордынских властей. Однако в своих отчётах францисканцы были осторожны в описании ситуации. Они называли Узбека «язычником», а не «мусульманином», как это обычно делалось для обозначения исламизированных правителей [98].

Такая тактика могла быть призвана представить правление Узбека в более приемлемом свете, поскольку это упрощало поддержку миссионерских задач францисканцев в регионе. Возможно, они избегали подробного упоминания геополитических реалий, связанных с исламизацией Орды, чтобы сохранить доступ к регионам и не вызвать подозрения у властей.

В письме францисканцев 1323 года термин «мусульмане» (*saracenii*) используется, когда речь идёт о союзах против врагов Запада, но Узбека они продолжают называть «язычником» (*paganii*). Важно отметить, что францисканцы могли видеть в нём потенциального союзника против мусульман Ближнего Востока, несмотря на его приверженность исламу.

Позднее сведения о ханах Золотой Орды, которых францисканцы считали обращёнными или потенциально готовыми к обращению в христианство, были

внесены в специальные списки, отражающие успехи миссионерской деятельности [99]. Эти списки распространялись в Европе и усиливали представление о Золотой Орде как о регионе, с которым возможно установить контакт для дальнейшего расширения влияния христианства.

«*De conformitate vitae beati Francisci ad vitam Domini Iesu*», написанная Бартоломеем из Пизы около 1390 года, является одним из важнейших трудов францисканской средневековой истории. Неудивительно, что книга упоминает важный францисканский монастырь в городе Сарай на берегу Волги: присутствие францисканцев на монгольских землях являлось очевидным свидетельством особого призвания Ордена, предназначенного для распространения Евангелия в самых отдалённых уголках мира [100].

Примечательным является свидетельство о стремлении русских митрополитов опередить некоего «бискупа Матфея папы Римского» в получении ханских привилегий от Узбек-хана [66, с. 111]. Хотя анонимный автор, по-видимому, допустил ошибку в идентификации католического иерарха — доминиканец Маттео Манни из Кортоны стал вторым епископом Каффы лишь спустя двенадцать лет после визита русского митрополита [101, с. 113], — данное сообщение может отражать стремление православного предстоятеля опередить латинского прелата, вероятно Иеронима из Каталонии, в получении особых привилегий от недавно воцарившегося хана.

Вероятно, митрополит считал важным заручиться поддержкой хана и закрепить права православной церкви на территории Орды прежде, чем католические миссионеры получат аналогичные привилегии, что могло повлиять на отношения между православной и католической церковью в регионе.

Согласно латинским источникам, Иероним Каталонский — первый францисканский прелат в Крыму, получивший ярлык от Хана Узбека был посвящён папой Климентом V в епископы-суффраганы, в подчинении архиепископу Ханбалыка — Джованни Монтекорвино [102, с. 149]. Папская булла от 19 февраля 1311 года подтверждала данное назначение и одновременно уточняла, что Иероним направился на Восток весной того же года [103].

Вместе с тем, по-видимому, под воздействием жалоб со стороны мусульманского населения уже год спустя Узбек-хан ввёл запрет на колокольный звон для христиан Крыма. О существовании этого ограничения свидетельствуют как письмо папы Иоанна XXII, адресованное Узбек-хану 28 марта 1318 года, так и упоминание данного запрета в трактате доминиканца Гийома из Адама, составленном в 1317 году [104, с. 113–114]. Косвенным признаком репутации Узбек-хана в западном мире, стала Каталонская карта Анджелино Далорто, генуэзский картограф XIV века, создал одну из первых детализированных карт мира, известную как «карта Далорто» (или «каталанская карта»), датированную примерно 1325 годом [105].

Первой такой картой является портулан Анджелино Далорто (иногда его имя пишут как Анхелино Дулсерт). Портуланами назывались морские карты эпохи Возрождения с конца XIII до XVI века, на которых показана акватория

Средиземного и Чёрного морей, а также часть европейской Атлантики. Всего Анджелино Далорто сделал два портулана: первый портулан датируется второй половиной 1320-х гг. Второй портулан из собрания Парижской Национальной библиотеки, датирован 1339 годом и составлен на острове Мальорка. С точки зрения Золотой Орды нам интересен второй портулан, так как на нем изображена территория Золотой Орды с символами власти.

Если бегло смотреть на карту, то можно увидеть символ Золотой Орды: тамга дома Бату вместе с полумесяцем. Эта карта отличается высокой точностью в изображении европейских, африканских и азиатских территорий и является одним из важнейших источников, отражающих представления средневековых европейцев о мире. Особый интерес представляет то, что на карте Далорто изображён хан Узбек, правитель Золотой Орды, который был одной из ключевых фигур своего времени.

Узбек-хан показан сидящим на троне, символизируя его могущество и высокое положение в международной политике [106]. Это изображение свидетельствует о том, что европейские картографы и исследователи признавали значимость Золотой Орды в мировой политике и экономике, а также были осведомлены о её правителях. Рядом с ханом изображены детали, указывающие на его роль и влияние в регионе, а также отражающие торговые и культурные связи Орды с Востоком и Западом.

Карта Далорто ценна не только как географический документ, но и как культурный и политический артефакт, показывающий, как европейцы воспринимали мощное государство на востоке, связывающее исламский и христианский миры. Изображение Узбек-хана на этой карте можно рассматривать как признание его влияния в регионе, а также отражение активных контактов Золотой Орды с западными странами, в частности с Генуей, с которой хан поддерживал торговые отношения.

Дальнейшее исследование картографии XIV века позволяет уточнить символику флагов Золотой Орды и их эволюцию. Если на портулане 1339 года, созданном Анджелино Далорто, мы видим полумесяц и тамгу дома Бату как символ флага Золотой Орды, то более поздний Каталонский атлас 1375 года предоставляет дополнительные детали. Другие источники, утверждают о том, что Золотая Орда, названа в честь жёлтого знамени Хана [107, с.70].

Этот атлас, созданный на Мальорке Авраамом Крескесом и его сыном Иегудой, стал выдающимся достижением каталонской картографической школы. Подготовленный по заказу Хуана I Арагонского и позже подаренный французскому королю, атлас сейчас хранится в Национальной библиотеке Франции в Париже. Он демонстрирует города Золотой Орды, сопровождаемые флагами, идентичными тем, что были на карте 1339 года, однако с одним значительным исключением. На атласе изображён город на Волге, рядом с которым находится Джанибек-хан, сын Узбек-хана. Флаг этого города, хотя и содержит тамгу дома Бату, не включает полумесяца.

Это позволяет предположить, что рассматриваемый флаг относится к периоду, предшествующему официальному утверждению ислама в качестве государственной религии Золотой Орды. Вероятнее всего, знамя с

единственной тамгой использовалось в 1269–1313 годах, до вступления на престол Узбек-хана, тогда как изображение полумесяца было добавлено позднее и, по всей видимости, служило обозначением перехода Орды к исламской модели государственности.

Флаг с одной тамгой мог представлять старую столицу Сарай-Бату, основанную Бату в 1240-х годах, в то время как новый флаг с полумесяцем стал символом новой столицы Сарай ал-Джедид, куда Узбек-хан перенёс центр власти в 1332 году.Европейские карты XIV века фиксируют существование двух вариантов флаговой символики Золотой Орды. Первый — флаг с тамгой дома Бату, использовавшийся до 1313 года и отражавший ранний этап развития государства, когда ислам ещё не имел статуса доминирующей религии. Второй вариант, включавший полумесяц наряду с тамгой, появляется в период правления Узбек-хана и связан с утверждением ислама в качестве государственной религии.

В дальнейшем, по мере смены правящих династий, в частности Тука-Тимуридов и Шибанидов, тамга дома Бату могла уступать место династическим символам новых линий, таким как тарак-тамга. Таким образом, картографические источники наглядно отражают политические и религиозные трансформации Золотой Орды, а смена флаговой символики служит визуальным свидетельством интеграции ислама в государственную идентичность в период правления Узбек-хана. Узбек-хан также возобновил дипломатические отношения с мамлюками.

В этом контексте на исторической арене появляется интересная фигура — генуэзский купец Сегурано Сальвайго, который выступал посредником между Золотой Ордой и мамлюкским Египтом. Сальвайго торговал рабами на судах под мамлюкским флагом, обходя запрет на торговлю рабами с Египтом, который папство пыталось навязать христианским державам. Однако епископ Иероним, конфликтовавший с генуэзскими властями, частично из-за его попыток воспрепятствовать торговле рабами в Каффе, был вынужден отправиться в Авиньон в поисках поддержки [109, с. 149-150].

Доминиканец Уильям Адам в своём трактате о крестовых походах резко осудил такую торговлю рабами [109, с. 176-178]. Принятие Узбек-ханом ислама носило не только религиозный, но и стратегический политический характер, поскольку поддержка исламского Египта могла укрепить его позицию в регионе. Однако, учитывая важную роль генуэзцев в торговых и дипломатических делах Орды, Узбек не пытался насаждать ислам по всей территории государства, что привело к расцвету францисканских миссий и мирному сосуществованию различных религий в Золотой Орде в этот период.

Тем не менее, как и его предшественники, Узбек столкнулся с вызовами, которые препятствовали его дипломатическим целям: возобновление контактов с мамлюками не принесло ожидаемых результатов, и влияние генуэзцев снова быстро возросло. Разочарованный неудачами и видя в Сегурано Сальвайго угрозу своим интересам, Узбек приказал казнить его в 1322 или 1323 году [109, с. 75-91], демонстрируя свою решимость контролировать внутреннюю политику Орды и ограничивать внешние влияния.

Надпись на рисунке 11 гласит: «Здесь проживает император этого северного региона, чья империя начинается в провинции Болгария и заканчивается в городе Органчио. Правителя зовут Джамбек, владыка Сарры».

Эти публичные и коллективные обращения в исламскую веру не были просто актами политического оппортунизма, по мнению Мари Фавро; они отражали формирование новой социальной идентичности и источника коллективной солидарности, которые выходили за рамки идеологической основы Чингизидов [110].

Указанные изменения отражают глубинные трансформации в обществе Золотой Орды, в рамках которых религиозная унификация становилась значимым инструментом консолидации внутренней стабильности и интеграции разнородных этнических и культурных общностей. Такая новая идентичность способствовала созданию более сплочённого общества и усилению влияния хана как главы не только политического, но и религиозного союза.

В заключение, административные реформы Узбек-хана и его принятие ислама сыграли важную роль в политической и культурной трансформации Золотой Орды. Несмотря на стремление укрепить связи с исламскими странами, особенно с Египтом, хан также поддерживал прагматичные отношения с европейскими державами, в частности с генуэзцами, что способствовало развитию торговли и культурного обмена.

Толерантная политика Узбека в отношении христианства, позволившая францисканцам активно вести миссионерскую деятельность, создала уникальные условия для религиозного разнообразия и мирного сосуществования в Золотой Орде. Вместе с тем практика одновременного продвижения исламизации и сохранения активных контактов с западными державами имела объективные ограничения. Правление Узбек-хана наглядно демонстрирует, каким образом сложная конфигурация международных и межкультурных связей влияла на формирование политических и религиозных приоритетов государства. Данный период характеризуется стремлением сочетать внутреннюю консолидацию с расширением дипломатических взаимодействий, что позволяет рассматривать эпоху Узбек-хана как переходный этап в истории Золотой Орды и её внешних связей.

Рассмотрение историко-географического контекста и источников свидетельствует о том, что первые итальянские путешественники XIII века оказались в уникальной ситуации взаимодействия Европы с ранее малоизвестным регионом Евразии. Терминологическая неопределённость понятий «Центральная Азия» и «Тартария», зафиксированная в средневековых хрониках и путевых описаниях, отражала не только ограниченность знаний, но и склонность европейских авторов интерпретировать новые реалии через призму античных и библейских представлений.

В этом смысле труды Карпини, Рубрука и особенно Марко Поло стали важным поворотным моментом в развитии европейской географической мысли: они не только предоставили более точные сведения о пространстве Центральной Азии, но и задали ориентиры для картографической традиции, нашедшие отражение в работах Фра Мауро и создателей Каталанского атласа.

Дипломатические контакты итальянских городов-государств с монгольскими ханами показали, что стороны руководствовались принципиально различными моделями политической организации. Венецианские и генуэзские республики стремились заключать договоры, фиксирующие правовой статус купцов и миссионеров, тогда как монгольская дипломатия исходила из универсалистской идеи подчинения всех народов воле Великого хана.

Эти различия создавали напряжение, однако не препятствовали установлению прагматичных отношений, основанных на взаимной выгоде. Особое место занимал религиозно-политический фактор: папские миссии, направленные в Монгольскую империю, одновременно решали задачи проповеди христианства и поиска союзников против мусульманских держав. Несмотря на отдельные успехи (например, деятельность Джованни Монтекорвино), католическая церковь не смогла укорениться в монгольской среде из-за сильных позиций традиционных верований и буддийских практик, а также политической нестабильности. Вместе с тем именно религиозный диалог стал первым опытом систематического культурного обмена между Европой и Центральной Азией, что в дальнейшем оказало влияние на восприятие Востока европейской мыслью.

В XIII веке складывались основы итальянско-монгольских взаимоотношений, сочетающие элементы дипломатии, торговли и религиозной миссии. Их главной особенностью стало постепенное смещение от восприятия Востока как угрозы к пониманию его как партнёра в международных связях. Итальянские путешественники XIII–XV веков, совершавшие поездки в Палестину, Сирию и Месопотамию, часто описывали политическую и религиозную ситуацию региона, отражая как фактические события, так и слухи, циркулировавшие в Европе.

Одним из ярких примеров является «Жёлтый крестовый поход» — термин, использованный европейскими хронистами для обозначения монгольской экспансии в Палестину в середине XIII века. Монгольская армия под руководством царевича Хулагу, внука Чингисхана, в 1256–1258 годах покорила крепость ассасинов Аламут, разгромила исмаилитов в Иране и взяла Багдад, окончательно уничтожив Аббасидский халифат. В этих операциях Хулагу и его войска преследовали преимущественно стратегические и политические цели: расширение владений династии Чингисхана и укрепление собственного улуса в Иране [263]. В Палестине оставался небольшой отряд под командованием несторианского христианина Кит-Буки-нойона, но после поражения от мамлюкского султана Куттуза в 1260 году монгольское присутствие в регионе фактически прекратилось. Несмотря на реальные мотивы монгольской экспансии, итальянские путешественники и европейские хронисты нередко представляли монголов как союзников христиан и потенциальных освободителей Иерусалима [262].

Эти описания включают легенды о «последнем паладине восточного христианства» и приписывают монгольскому военачальнику религиозно-христианские мотивы. Современные исследования показывают, что подобная

интерпретация является европейской мифологизацией восточных событий, не соответствующей исторической реальности [263].

Таким образом, свидетельства итальянских путешественников о «Жёлтом крестовом походе» представляют интерес не столько как прямой исторический факт, сколько как пример того, как европейцы воспринимали и интерпретировали политические и военные события на Востоке.

2.2 Политический аспект взаимоотношений между итальянскими городами-государствами и Монгольской империей

Монгольская империя создала условия для безопасного передвижения по обширным территориям, что способствовало развитию торговли между Востоком и Западом. Итальянские города государства, такие как Венеция и Генуя, активно использовали эти возможности для установления торговых связей с регионами Центральной и Восточной Азии. Итальянские торговцы использовали сухопутные маршруты через Центральную Азию и морские пути через Индийский океан.

Несмотря на кажущуюся разрозненность, формирующиеся морские державы Италии, прежде всего Генуя и Венеция, оказались тесно вовлечены в орбиту Монгольской империи, что обусловило развитие сложных и многоуровневых дипломатических отношений, нередко перераставших в открытое соперничество и конфликты [224]. Данная взаимосвязанность в значительной степени определялась настойчивым стремлением итальянских городов-государств к экономической выгоде и политическому влиянию, в результате чего их торговые сети проникали глубоко в пределы Монгольского Ильханата в Персии и за его границы [223].

Мощная военная сила Золотой Орды принудила европейские государства, пострадавшие от её нападений, искать с ней компромиссы, чтобы обеспечить взаимовыгодное сосуществование. В 1241 году войска Золотой Орды вторглись в современную Польшу и Венгрию, но последующие сражения на западе и осада Адриатики и города Дубровника в 1242 году привели к смене обстановки. Набеги монголов на территории Италии вызвали серьёзные потери для местного населения, но смерть великого хана Угедея привела к необходимости пересмотра ситуации. В результате Бату переместил свою столицу ниже Едильского, основав город Сарай, и передал наименование Золотой Орды новому государству [118, с. 30–35]. В период с 1285 по 1286 годы Польша, Венгрия, Литва и Болгария неоднократно вступали в конфликты с областями Золотой Орды, что ограничило доходы этих областей от налогов. События конфликтов монголов в XIII веке вызвали большой интерес в Европе, особенно для крупных итальянских государств, развивавшихся в Южной Европе, так как нападение со стороны Золотой Орды представляло для них серьёзную угрозу.

Впоследствии, на примере истории, стало очевидно, что монголы, несмотря на страх среди населения, начали взаимодействовать с народами, принимавшими их культуру, что привело к расцвету их цивилизации. Время

подтвердило это. Одним из примеров такого взаимодействия стало принятие ислама и других культур монголами. Военная мощь и тактика, а также развитие образования и науки делали государство Золотой Орды особенно значимым в истории, несмотря на страх перед монгольскими завоевателями [119, с. 242–245].

На основе интересов к различным религиям, наукам, технологиям и искусствам, связи с развитыми странами способствовали укреплению культуры, знаний и технологий. Восточные регионы, такие как Золотая Орда и другие монгольские государства, играли ключевую роль в этом процессе. Исследователи, общественные деятели и религиозные миссионеры усилили свои усилия в изучении Золотой Орды и монгольского мира в целом. Этот подход привёл к формированию концепции «Pax Mongolica». Идея знания монгольского мира широко распространилась в Европе в XIII–XIV веках. Одним из примеров этого были итальянские государства. В это время итальянские государства рассматривались как сильные страны. Начиная с католического Рима, Папского государства и городов Флоренции, Венеции, Генуи и других итальянских государств, они стремились укрепить связи с Восточными странами и развить с ними взаимоотношения.

Эти связи включали политические, религиозные, миссионерские и коммерческие отношения. Создание коммерческих связей ведущими итальянскими морскими республиками, такими как Венеция, Генуя, Далмация, Дубровник и другие, способствовало этому процессу. В ходе монгольской экспансии в Азии первые европейские религиозные деятели и монахи, отправившиеся в путешествие по Шелковому пути, оказались инициаторами. В 1245 году на Лионском соборе папа римский Иннокентий IV в течение последних пяти лет призывал восточноевропейских монархов и, казалось бы, столкнулся с проблемой монгольского вторжения, которое, по его мнению, представляло угрозу всей христианской религии.

Этот призыв был поддержан многими, и сейчас считалось необходимым организовать миссию, которая была бы направлена либо к монгольским государствам, либо к мирному урегулированию их взаимоотношений. Это решение было воспринято не только как важное для церкви или для итальянцев, но и для всех европейцев.

В 1253 году фламандский монах Гильом де Рубрук был отправлен в экспедицию с поддержкой и по рекомендации Римского Папы IV Иннокентия и французского короля Людовика IX. Основной целью было проведение миссии евангелизации на Востоке и принятие христианства в целом. Утверждается, что внебрачный сын великого Сартаха, вождя монголов, правивший между Доном и Едилом, принял христианство, что создаёт перспективу для принятия христианской веры его народом. Поэтому деятельность Римского Папства и Рубруковой группы была направлена на проверку возможности вступления населения в христианскую общину, если будет обнаружено, что это правда.

В 1253 году Рубрук добрался до территории хана Сартаха в области Едиль после двухмесячного путешествия. Он обратился к Сартаху и его

придворным с просьбой принять в своей компании людей разных вероисповеданий. Рубрук предложил им подарки: шелковые одежды, Библию, религиозные материалы и другие ценные вещи, а также выступил перед Сартаком с музыкальным номером. Сартах оценил монахов и их наряды, но не смог достичь соглашения с ними, поэтому обратился за помощью к хану Бату. Однако соглашение с послами французского короля так и не состоялось, и Рубрук был отправлен к Великому хану Монгольской империи Мункэ в Каракорум [82, с.28]. Рубрук отмечает, что в дворце Сартаха были как христиане, так и мусульмане, и никто не проявлял к нему враждебности, а также никто не требовал ничего лишнего.

Ещё одним фактором, подтверждающим это, являются записи армянского историка XII века Киракоса, в которых говорится, что хан Сартах «дал обещания о защите христианства и христианам от многих неприятностей» [81, с.61–62]. В этих условиях католические миссионеры активно пытались распространить христианское учение в пределах Золотой Орды. Однако миссионерская деятельность на Востоке сталкивалась с серьёзными трудностями, поскольку западноевропейские торговые круги не стали для них надёжной опорой и источником поддержки.

Развитие коммерческих связей Италии с Востоком содействовало распространению миссионерской деятельности в области прозелитизма и облегчило достижение целей христианской миссии между Европой и Азией по морским маршрутам. Кроме того, францисканцы, прибывшие из Кафы, предоставили следующие рекомендации: «Обратите внимание, что через море безопасно и удобно путешествовать вместе с венецианскими торговцами». Согласно информации, полученной от иберийского монаха Паскаля в 1335 году, его отчёт о путешествии из Испании в Сарай через Венецию, Галату и Тану содержал подробное описание всех этапов путешествия через эти территории. Католические миссионеры активно продвигались на Восток через различные регионы и укрепляли торговые связи по генуэзским маршрутам в области Золотой Орды.

Важно отметить, что латинская версия указа узбекского хана, выданного францисканцам в 1314 году, была найдена [119, с. 65–66]. В своём путешествии в Тану во время Донской войны в 1436-1452 годах, Йозафат Барбаро, проживающий в Венеции, представил детальные сведения о политической и социальной жизни Золотой Орды. Барбаро в своём произведении «Путешествие в Тану» в основном описывает территорию между Черным и Каспийским морями и обитателей этих земель. Путешественник выражает уважение к обычаям, образу жизни и ремёслам татар.

Главной критикой Барбаро в адрес местных жителей является их алкоголизм. Он обвиняет татар за избыточное употребление вина, отмечая, что они его покупают, а не производят самостоятельно. В районе преобладает скотоводство и земледелие, с изобилием хлеба, мёда и других сельскохозяйственных продуктов. Все жилища в основном деревянные, так как камень трудно достать. Важным напитком местных жителей является

буза, разновидность пива из зерна с добавлением хмеля. Барбаро резюмировал следующее: «Там нет винограда, но вино делают из мёда, варят брагу из проса. Кладут в эти напитки цветы хмеля для получения процесса брожения. Получается напиток, опьяняющий, как вино».

«Путешествие в Персию» представляет собой описание народов, населяющих Персию и прилегающие территории, их обычаев, традиций, языков и культурных особенностей, а также маршрута его пути в Персию, включая пересекаемые регионы, города и природные ландшафты. Здесь имеются отчёты о встречах и переговорах с персидскими правителями и представителями знати, а также описание политической структуры Персии, текущих событий, конфликтов и альянсов. Барбаро намеревался склонить правителей Персии к к союзу с венецианцами в войне с Османами, которые были нарастающей угрозой для торговых доходов. Записки Барбаро о путешествии в Тану и Персию содержательны сами по себе, но понимание каждой книги требует ознакомления с другой.

В «Путешествии в Тану» рассказы о Персии, в «Путешествии в Персию» — о Тане. Иногда эпизоды из первой части получают продолжение во второй, что придаёт им дополнительную живость и интерес. Свободный стиль изложения сближает обе части и оживляет их содержание. Новелла из «Путешествия в Тану» отразилась и в «Путешествии в Персию», что подчёркивает переплетение сюжетов обеих работ. Он описал социальное разнообразие общества, включая военных и мирных жителей, а также торговцев на рынках. Среди них были представители различных европейских стран. Итальянские миссионеры и предприниматели не только направлялись на Восток и в Золотую Орду, но и привлекали к себе известных лиц, связанных с торговлей, путешествиями и дипломатией. Однако это было сложно из-за трудностей дорог и опасностей путешествия, а также из-за условий торговли и миграции в этих регионах. Тем не менее, частные лица продолжали свои миссии на Востоке и в Золотой Орде, включая экспедиции и торговые операции.

Одним из таких примеров была экспедиция в 1338 году, возглавленная венецианцем Джованни Лореданом, в которой участвовали миссионеры и предприниматели [120, с.140]. Они собрали сорок слитков золота (то есть, 12 600 дукат), продали его компаниям, часть которого использовали для торговли товарами в Азии. После прибытия в Венецию они направились в Константинополь, затем добрались до Азовского моря, где приобрели товары. После Астрахани они отправились к Эдильскому хану, где два месяца ждали возвращения муза (походная доля), а затем двинулись в столицу Золотой Орды, в Сарай, а затем к Ургенчу, на берегу Аральского моря. Однако, на последнем этапе возникли неясные обстоятельства, связанные, вероятно, с болезнью, и в первую очередь с болезнью Джованни Лоредана.

Главными движущими силами итальянских (преимущественно генуэзских и венецианских) путешествий были поиски новых источников сырья (шёлк, специи, металлы, драгоценные камни), а также стремление заключить выгодные торговые и политические соглашения с правителями Центральной

Азии. На фоне Крестовых походов и роста торговых республик (Венеция, Генуя, Пиза) в XI–XIII вв. сформировалась система «коммерческой революции» на Апеннинах. Именно развитие банковского дела, страхования и ранних биржевых механизмов помогло накоплению достаточных финансовых ресурсов для организации дальних экспедиций.

Ослабление Византии и фактическая утрата ею контроля над Чёрным и Азовским морями дали итальянцам выход на важнейший отрезок Великого шелкового пути, что обеспечило им прямой контакт с монгольскими государствами. Итальянские торгово-исследовательские караваны в XIII веке осваивали путь через Крым (Кафа, Тана), Волгу и Хорезм в сторону Самарканда и далее в Китай; часть караванов шла через Иран и Афганистан к северо-западным районам Китая [8]. Регулярные экспедиции Марко Поло, Никколо и Маттео Поло (а также другие частные торговые миссии) обеспечили сбор информации о земельных ресурсах, экономических потенциалах областей Центральной Азии и путях поставок хлопка, шелка, пряностей [34].

В XIV–XV веках при монгольской охране путь оставался относительно безопасным. Однако усиление внутренних междоусобиц в Орде (золотой, чагатайской, хулагуидской) привело к временному сокращению торговой активности итальянцев. Итальянцы завозили в Центральную Азию элементы страхового дела, системы векселей, форм ранних банковских операций, необходимых для крупной транзитной торговли. Благодаря контактам с Центральной Азией итальянцы узнали об особенностях бумажных денег и развитых ремесленных производствах (шёлкоткачество, керамическое производство и т.д.). Это стало основой дальнейших инноваций в итальянских городах. Так, опыт с бумажным оборотом, наблюдавшийся Марко Поло в Китае, косвенно повлиял на интерес к финансовым инструментам и в ильханском Иране (эпизод Гайхату-хана) [8].

Итальянцы способствовали переводу и распространению сведений о религиозных верованиях (несторианство, ислам, буддизм), что оказало влияние на европейский экуменический и миссионерский дискурс. В припортовых и транзитных городах (Каффа, Тана, Тебриз, Ургенч, Сарай) итальянские купцы финансировали строительство факторий, складов, караван-сараев, укреплений [34]. Это стимулировало развитие местных городских центров, порой приводя к росту социального неравенства и усилению конфликтов за контроль над торговыми пунктами.

Пестрой смесью истины и вымысла является описание 12-летнего путешествия по Азии (1318–1330 гг.) францисканца Одорико из Порденоне. От Ормуза он морем около 1322 г. добрался до индийского у. Тхана (в районе, где позднее вырос Бомбей), побывал на обоих берегах Южной Индии и на Шри-Ланке. Оттуда около 1324 г. он прибыл на северо-западное побережье о. Суматра (Одорико пишет «Сумолтра», но относит это название лишь к королевству в южной части острова). Экспедиции часто носили смешанный характер: в их состав входили не только купцы, но и миссионеры-доминиканцы и францисканцы, а также технические специалисты (оружейники, картографы).

Официальные государственные миссии (например, Плано Карпини, Рубрук, побывавшие в Каракоруме) выполняли и разведывательные задачи.

Управлялась экспедиция группой крупных купцов или конгрегацией (компания), которая инвестировала средства, распределяла доли прибыли и назначала руководителей. Они же поддерживали связи с представителями монгольской администрации, обеспечивая транзитную безопасность. Установление устойчивых контактов с монгольскими династиями (Юань, Хулагуиды, Золотая Орда) создало основу для дипломатических соглашений, брачных союзов и развития европейско-азиатской торговли. К XV веку часть генуэзских и венецианских колоний (Кафа, Тана) в Причерноморье и на путях к Центральной Азии вошла в сферу влияния Османской империи. Это обстоятельство затормозило дальнейшие итальянские экспедиции по суше.

Однако полученные знания, отработанные торгово-финансовые модели и накопленный капитал подготовили почву для эпохи великих географических открытий, уже морским путём. Взаимные контакты и новые практики, перенимаемые итальянцами у монгольских и среднеазиатских государств (бумажные деньги, система почтовых станций, технологии шелкопроизводства и пр.), стали причиной роста политического и экономического влияния итальянских республик в средневековой Европе. Представленные результаты позволяют выделить несколько ключевых аспектов для дискуссии.

Уже к XIII веку в Италии сформировалась комплексная экономическая система, включавшая элементы банковского дела, страхования и биржевых механизмов. Контакты итальянских купцов с монгольскими династиями (Юань, Хулагуиды, Золотая Орда) способствовали тестированию этих инструментов в условиях обширных евразийских рынков. Описания бумажных денег Марко Поло, а также эпизод с попыткой внедрения подобных ассигнаций в Иране при Гайхату-хане (вплоть до закрытия проекта из-за общественного сопротивления) позволяют сделать вывод, что итальянцы не просто осваивали, но и критически анализировали «новые» финансовые формы.

Вероятно, они играли роль своеобразных консультантов или посредников, донося до местных правителей те идеи, которые видели в Китае. То есть итальянская торговая культура постепенно включала в себя элементы «азиатского» опыта. Безопасность торговых путей была существенно повышена за счёт «Pax Mongolica» — периода относительной стабильности в пределах обширной территории, объединённой монгольским завоеванием.

Ряд исследователей подчёркивает, что путешествия Марко Поло и его современников не имели бы столь масштабных результатов, если бы не политическая конъюнктура: монгольские правители (Хубилай, Аргун, Гайхату и др.) были заинтересованы в иностранных специалистах и в развитии торговли.

С другой стороны, непрочность союзов и постоянные междоусобицы внутри Орды (а также внутренняя борьба в Хулагуидском Иране) приводили к периодическим сбоям в поставках и рискам для купцов. Караванные остановки на путях к Центральной Азии формировались вокруг торговых факторий, где итальянцы строили склады, конторы, постоялые дворы и прочие

инфраструктурные объекты. Это вело к росту городов (Кафа, Тана, Ургенч, Тебриз, Сарай и др.) и появлению в них нового класса людей, занятых не только в местном хозяйстве, но и в транзитной торговле. Возникал феномен «смешанных» городских элит — часть чиновников и правителей принимали условия сотрудничества с итальянцами, инвестируя в таможенную, судебную и логистическую инфраструктуру. Однако периодические конфликты (например, разорение Таны, блокада Кафы и др.) указывают на нестабильность интересов местных властей и итальянских колоний, что иногда приводило к упадку стратегически важных пунктов.

В Черноморско-Крымском регионе активную роль в торговле играли Генуя и Византия, действовавшие в рамках экономического пространства Золотой Орды. После соглашения с византийским императором в 1261 г. генуэзцы получили налоговые привилегии, что позволило им не только вести торговлю (прежде всего шерстью), но и заниматься хозяйственной деятельностью. Основным источником их доходов, как отмечает византийский историк Никифор Григора, оставалась торговля [121, с. 26–35].

Со временем интересы Генуи вышли за пределы прибрежной торговли: она закрепилась на крымском побережье и продвинулась в район Азовского моря, контролируя Кафу и Тану. Это усилило конкуренцию как между итальянскими республиками, так и внутри самой системы черноморской торговли. Закрепление генуэзцев в Кафе стало переломным моментом, обострив соперничество с Венецией и приведя к вооружённому конфликту 1266 года, ставшему одним из ключевых эпизодов их противостояния.Вместе с тем с начала 1260-х годов торговые отношения итальянцев в ареале Золотой Орды в целом демонстрировали тенденцию к расширению и укреплению [123, с. 164].

Итальянские города-государства видели в Золотой Орде не только военную силу, но и важное пространство для дипломатических, торговых и миссионерских контактов. Этот этап можно считать началом итальянского присутствия на Востоке, когда связи с монгольскими государствами были нацелены прежде всего на торговлю и распространение веры, способствуя усилению культурного обмена между Востоком и Западом.

2.3 Коммерческая деятельность итальянских торговцев в Крыму и Центральной Азии XIII – XV веках

XIII–XIV века стали временем активной экспансии итальянских республик, в частности Генуи и Венеции, на Чёрное море и в Причерноморье. Географическое расположение этих республик на пересечении важнейших торговых путей дало им возможность развить мощную морскую торговлю. Оба города-государства использовали свои флоты, чтобы контролировать важные торговые маршруты и развивать экономику. Причём их влияние распространилось далеко за пределы Италии, охватывая земли Восточной Европы, Ближнего Востока и даже Северной Африки. Генуя и Венеция конкурировали друг с другом за господство в Чёрном море.

В то же время монгольские правители, в особенности представители Золотой Орды, прагматично использовали коммерческий и навигационный опыт итальянцев в сфере морских перевозок, что было обусловлено отсутствием у них собственного флота. В результате складывался своеобразный, хотя и нестабильный, союз, предоставлявший итальянским купцам широкий доступ к ценным товарам и пленникам, захваченным в ходе монгольских военных кампаний. Данные симбиотические отношения, в целом взаимовыгодные, оставались внутренне напряжёнными вследствие политической нестабильности Монгольской империи и непредсказуемости местных правящих элит, что придавало итало-монгольским контактам противоречивый и изменчивый характер.

Генуэзцы, благодаря своим морским силам, основали несколько торговых колоний, таких как в Судаке, Феодосии, Каффе (современная Феодосия), которые стали важными экономическими и стратегическими пунктами в регионе. Они активно торговали с монгольскими государствами, включая Золотую Орду, а также с Византией и другими регионами. Венецианцы, в свою очередь, сосредоточились на торговле с Восточной Европой, занимая важные позиции в торговле с Константинополем и другими византийскими территориями. Их влияние также распространилось на Черноморье через торговлю и дипломатические миссии.

Торговые поселения, или «эмпории», сыграли ключевую роль в поддержании этих отношений, поскольку они становились важными центрами, где встречались различные культуры, осуществлялась торговля товарами (от тканей до драгоценных камней) и обменивались знаниями[11].

Развитие торговли также тесно связано с политическими отношениями. Например, после монгольского завоевания территории в Причерноморье Золотая Орда стала важным игроком в этих отношениях, что способствовало усилению связей с итальянскими городами. Итальянские торговцы, миссионеры и дипломаты стали активными участниками политической и экономической жизни в Золотой Орде и её соседях, в том числе через создание эмпорий и дипломатические миссии.

Разрушение традиционных торговых центров на Ближнем Востоке, потеря крестоносцами последних владений в Сирии и Палестине в 1291 году, а также запреты папы на торговлю с Египтом, способствовали общему упадку торговли Западной Европы с Восточным Средиземноморьем. В последней четверти XV века владычество Генуэзской республики в Причерноморье и Приазовье подходило к концу.

Что касается взаимоотношений итальянских купцов и Золотой Орды, следует отметить тот факт, что Золотая Орда нуждалась в промежуточных торговых агентах, которые могли бы регулярно сбывать захваченных в плен и другие добычи, привозимые из их походов. Генуэзские поселения выполняли подобную функцию для ханов.

Изучение проблемы генуэзской работорговли в Крыму имеет свою значимость, которая, однако, может быть отличной от значимости изучения трансатлантического и транссахарского рабства. Время их появления на

побережье Чёрного моря продолжает вызывать споры в научных кругах. История итальянской колонизации Северного Причерноморья предлагает две точки зрения. Некоторые учёные утверждают, что итальянское присутствие на Чёрном море началось в 10-11 веках. Другие предполагают, что итальянцы прибыли в регион во второй половине XIII века, что связано с основанием генуэзской Каффы в 1263 или 1266 году. Эти территории были важными торговыми центрами для генуэзских купцов, что объясняет малочисленность итальянского населения в современном Крыму.

В средневековом Средиземноморье шла ожесточённая борьба за господство на море и торговые пути, главным образом между Генуей и Венецией. Например, в начале XIII века Венеция возглавила крестовый поход с целью завоевания Константинополя, что отражало ее обширные коммерческие интересы. В конце XIII века венецианский купец Марко Поло исследовал Китай, находившийся под контролем монголов.

С XIII по XV века итальянские купцы путешествовали в азиатские страны, такие как Монголия, Персия и Армения, а также в Юго-Восточную Азию и на Ближний Восток. Расцвет городов-государств был характерной чертой средневековой Италии.

Венеция занимала стратегическое положение на средиземноморском побережье, став посредником между Западом и Востоком. Республика построила мощный флот и расширила свои колонии. Торговля и коммерциализация имели решающее значение для экономического развития Италии.

Благодаря крестовым походам венецианцы распространили свои торговые интересы на Византийскую империю и Левант. Также появились новые финансовые инструменты, позволяющие мелким инвесторам финансировать торговые экспедиции. Эти сети сыграли решающую роль в расширении итальянской торговли в Средиземноморье и за его пределами. В конце XIII века венецианским купцом Марко Поло была осуществлена экспедиция в захваченный монголами Китай.

Особенно выгодное положение на побережье Средиземного моря занимала Венеция, которая со временем стала торговым посредником между Западом и Востоком. Республика имела мощный флот и постепенно расширяла свои владения, основывала собственные колонии. Особенно важное место в ходе развития экономики в Италии занимала, соответственно, торговля и коммерция.

Генуэзцы закрепились на Крымском полуострове в 13 веке. К 14 веку Каффа стала процветающим центром международной торговли, связывавшим Европу с Великим Шелковым путём и Ближним Востоком. Генуэзские купцы торговали многими товарами через Чёрное море, в том числе специями, тканями и рабами.

Стратегическое расположение региона и торговые связи делали его главной мишенью для соперничающих держав. Итальянские города-государства Венеция, Пиза и Генуя основали торговые центры в Северной Африке и доминировали в торговле с Византийской империей. Они также

снабжали крестоносцев кораблями и войсками, чтобы те имели представительство в Леванте.

Экономический подъём Причерноморского региона в XIII–XIV вв., во многом обусловленный низкой тарифной политикой монгольских властей, окончательно закрепил за итальянскими городами роль ключевых посредников в евразийской торговле, фактически превратив Чёрное море в один из центральных узлов мировой экономики (Haan, 2013). Данное беспрецедентное расширение торговых связей стало возможным благодаря условиям Pax Mongolica, обеспечивавшим безопасность передвижения и снижение транзакционных издержек на протяжённых сухопутных маршрутах и подрывавшим монополию южных торговых путей (Anievas & Nişancıoğlu, 2016; Genderen, 2013). В результате региональные экономики были интегрированы в единую глобальную систему, соединявшую рынки Китая и Северо-Западной Европы как сухопутными, так и морскими коммуникациями (Espada, 2025; Kalra, 2020).

С 1293 по 1299 год Венеция и Генуя боролись за контроль над черноморской и крымской торговлей. Генуя стала единственной законной державой в регионе. К XIII веку венецианские купцы стали лидерами средиземноморской торговли, импортируя ценные товары из Африки. Это привело к росту международного бизнеса, когда портовые города стали принимать иностранных торговцев. Генуэзские купцы также процветали в этот период, и к началу XIII века в городе насчитывалось около 198 постоянных торговцев. Практика торговли стала более изощрённой, появились семейные предприятия, стандартизированное качество продукции и регулируемые налоги и пошлины. Уже к началу XIII века Генуя имела около 198 постоянных торговцев [10].

Именно тогда торговля стала выглядеть так, какой мы можем увидеть её сегодня. Были налажены предприятия, которые управлялись поколением купцов из одной семьи, проведена работа по стандартизации качества продукции, написаны пособия по поводу сравнения весов, размеров и монет в разных культурах.

Также был усилен государственный контроль за соблюдением торговых законов и правил, внедрена система налогов и сборов. Деятельность итальянских купцов в Крыму и Центральной Азии в XIII–XV веках была весьма активна. На XI–XII век приходится рассвет торгового и политического могущества итальянских республик. Наиболее серьёзным конкурентом Генуи в этом была Венеция [122, с. 50].

Незадолго после 1204 года купцы республики Святого Марка появились в черноморских портах. До наших дней дошли тексты договоров, в которых конечным пунктом торговой операции названа Солдайя (Судак). Наиболее давний из этих договоров датирован 1206 годом. В 1238 году между Генуей и Венецией был заключён мир, в соответствии с которым республики обязывались поддерживать друг друга против любой третьей стороны и по взаимным договорённостям могли предоставлять союзной стороне до пяти вооружённых кораблей. Договор, также, содержав попытку разграничения

сфер влияния в Средиземном и Чёрном морях. Это было первое упоминание про Чёрное море в официальных документах Генуи и Венеции.

С этого момента можно говорить про появление экономических интересов обеих республик в этом регионе, последствием которого стало ускорение колонизации. Именно венецианцы были первыми, кто утвердился на Чёрном море и на Крымском полуострове. Позднее их доминантные позиции перехватили генуэзцы. Следует отметить, что венецианцы получили свои владения, способствуя падению Византийской империи, а генуэзцы достигли той же цели, способствуя воскрешению империи, не уделяя особого внимания возмущению католической церкви и европейских монархов [124, с. 305].

Освоение Генуей «Великого моря» (как итальянцы называли Понт Эвксинский) было начато Нимфейским договором 1261 года с никейским, позже византийским императором Михаилом VIII Палеологом. По договору за военную помощь против Латинской империи крестоносцев генуэзцы получали монопольное право прохода в Чёрное море и право создавать фактории, конторы и церкви во многих византийских городах.

Крымские фактории Генуи стали одним из наиболее наглядных примеров данного беспрецедентного коммерческого успеха. Он способствовал интеграции удалённых рынков и обеспечил интенсивный обмен товарами, технологиями и культурными практиками в масштабах всей Евразии, наглядно демонстрируя стратегическое экономическое мышление монгольских элит (Intercontinental and Long Distance Trade in Medieval Eurasia, 2024). Вместе с тем, несмотря на очевидные экономические выгоды, представление о полностью унифицированной экономической системе или о строго единообразных торговых регламентах на всей территории Монгольской империи остаётся предметом научных дискуссий (Seleznev, 2022). Так, хотя в пределах империи действительно сложилось общее экономическое пространство, характеризовавшееся свободой трансконтинентальной торговли, полной правовой унификации достичь не удалось (Seleznev, 2022).

Более того, несмотря на разветвлённую сеть торговых и коммуникационных маршрутов, административные практики и нормы коммерческой деятельности существенно варьировались между улусами, отражая региональные адаптации в рамках общего имперского порядка. Эта вариативность подчёркивает динамичный характер монгольской системы управления, сочетавшей централизованные директивы с региональной автономией, что влияло на дипломатические конфликты с итальянскими городами-государствами. Венеция и Генуя вступали в торгово-обменные отношения только при ощутимых преимуществах, а их утрата нередко приводила к обострению противоречий и серьёзным столкновениям (Plumpe, 2017.

Этот хрупкий баланс между властью и прибылью зачастую ставил растущие морские коммерческие интересы итальянских республик в прямую

конкуренцию, а порой и в конфликт, с сухопутными торговыми сетями, поддерживаемыми монгольскими государствами-наследниками [257].

Генуэзцы получили право свободного плавания в Чёрном море без имущественных и личных налогов, а византийские императоры фактически уравняли их в правах с венецианцами. Хотя военная помощь Генуи не потребовалась, заключённый договор стал основой её доминирования в регионе более чем на два столетия [125]. С 1260-х годов начался активный рост генуэзского, а с начала XIV века — и венецианского присутствия в Крыму и Причерноморье.

После открытия проливов для итальянских судов, разрушения ближневосточных торговых центров монголами, падения последних владений крестоносцев в 1291 г. и папских запретов на торговлю с Египтом, значение восточносредиземноморских маршрутов для Запада заметно снизилось. В этих условиях Генуя, закрепив монополию в Чёрном море после Нимфейского договора, перешла от торговой экспансии к территориальной, превращая фактории в полноценные колонии.

Получив Каффу в 1266 г., генуэзцы в дальнейшем вытеснили венецианцев из ключевых пунктов побережья: Чембало, Солдайи и других. Были основаны новые колонии — Воспоро, Тана, Джинестра и ряд менее крупных поселений. К концу XIV века Генуя фактически контролировала черноморскую торговлю [10].

Генуэзцы действительно сыграли ключевую роль в экономике Черноморского региона, особенно после установления их колоний в Крыму. Их торговля охватывала разнообразные товары, и влияние генуэзцев на регион было многогранным. Торговые колонии генуэзцев, такие как Каффа (современная Феодосия), стали важными узлами на торговых путях. Они экспортировали зерно, соль, меха, воск, мёд и другие товары, что способствовало экономическому процветанию региона. Ввоз тканей, масла и вина из Италии и Греции дополнял ассортимент товаров, который поступал на рынки Восточной Европы, Ближнего Востока и даже в Средиземноморье.

Экономика генуэзских колоний была основана на интенсивной сельскохозяйственной и ремесленной деятельности, что позволило создать стабильную и разнообразную продукцию. Работорговля: Одним из тёмных аспектов их торговли была работорговля. Скупка пленников, захваченных татарами и турками, стала важной частью генуэзской экономики в Крыму. Каффа, расположенная в центре Крымского полуострова, оказалась важнейшим центром работорговли, где не только обменивались рабами, но и проходили важнейшие торговые и культурные взаимодействия между Западом и Востоком.

Работорговля в Крыму основывалась на захвате людей из приграничных регионов. Основными источниками рабов были славянские земли, в особенности территории Киевской Руси, Великого княжества Литовского и Московии. Эти регионы подвергались набегам татар, которые угоняли людей для последующей продажи. Горные народы Кавказа часто становились объектом захвата и принудительного переселения.

Рабов часто транспортировали в Каффу, где они выставлялись на продажу на рынках, организованных итальянцами. Крымские колонии служили для Генуи опорными пунктами торговли с Восточной Европой, Средиземноморьем и Ближним Востоком. В XIV веке нотариальные акты ряда итальянских и южнофранцузских городов фиксируют продажу рабынь славянского происхождения, что свидетельствует о значимости этого направления для генуэзских купцов. О «скифских» рабах упоминает и Петрарка в письме генуэзскому архиепископу Гвидо Сетте:

«Давнишни несчастья Греции, но бедствия скифов новы. Откуда недавно морем годовые запасы хлеба везли в Венецию, оттуда идут корабли, груженные рабами, коих продают несчастные родители, голодом понуждаемые. Диковинного вида толпа мужчин и женщин наводнила скифскими мордами прекрасный город подобно тому, как прозрачную реку мутит неистовый поток. И коли не нравилась бы толпа сия покупателям более, чем мне, коли не услаждала их взоры более, чем мои, не наполнял бы мерзкий народ узкие улицы, не поражав бы привыкших к красивым лицам приезжих, а в своей Скифиия вместе с Голодом, тощим и бледным в покрытом каменьями поле, где помещает его Назон, по сей день рвал бы ногтями и зубами скудные травы» [125, с. 82-96].

Генуэзские колонии в Крыму также играли важную роль в политической сфере. Они устанавливали дипломатические отношения с местными правителями, заключали союзы и договоры, что позволяло им защищать свои интересы и укреплять своё положение в регионе. Противоречия между итальянцами и местным населением усилились на рубеже XIV–XV веков. Местные жители были раздражены непомерными налогами, мошенничеством в торговле, принуждением к католичеству, а также захватом и торговлей людьми. Для укрепления генуэзского влияния в колониях заключались выгодные сделки, включая брачные союзы представителей администрации колоний и местной знати.

Колониальная администрация применяла тактику «разделяй и властвуй», подстрекая одних князей против других и провоцируя грабежи собственных соплеменников. В конце XV века генуэзское владычество в Причерноморье и Приазовье оказалось под угрозой. В 1453 году Константинополь пал под ударами турок, и следующей целью стали итальянские колонии в Крыму и на Кавказе. В конечном итоге, туркам удалось захватить все итальянские колонии на Чёрном и Азовском морях в последней четверти XV века. Так завершилось двухвековое пребывание генуэзцев на Кубани, но дороги, построенные ими, продолжали использоваться купцами ещё долгое время. До первых десятилетий XIX века по ней везли товары в Закавказье и на Каспий, а обратно гнали в неволю рабов.

В 1266 году генуэзские агенты, при поддержке Мункэ-хана, правителя Золотой орды в Крыму, добились передачи им в собственность города Кафы (ныне Феодосия), ставшего затем центром их поселений. В 1357 году Генуя приобрела Чембало (ныне Балаклава), а в 1365 году – Солдайю (ныне Судак),

вытеснив оттуда венецианцев. В результате этих процессов возникли новые генуэзские колонии: Воспоро (совр. Керчь), Тана (устье Дона) и Джинестра (совр. Одесса), а также эмпории в Матреге (Тамань), Копе (Славянск-на-Кубани) и ряде других пунктов. По свидетельствам Барбаро, Тана это один из ключевых центров региона, она располагалась ближе к побережью Азовского моря: «город примыкал к реке (Дона) у самого впадения её в Чёрное море».

Из воспоминаний Барбаро становится ясно, что Венецианская Тана располагалась ниже по течению реки по сравнению с генуэзской колонией. Колония Республики святого Марка, основанная на его описаниях, предположительно находилась ниже по течению реки по сравнению с генуэзской колонией. Крепость была построена на искусственной насыпи и имела форму неправильного многоугольника. Вокруг крепости были созданы прикрепленные поселения. Внутри крепостного комплекса находилась церковь, а также большая площадь и дома консула и купцов [126, с. 127–145].

Иосафат Барбаро — выдающийся венецианский дипломат, купец, путешественник и государственный деятель. Он принадлежал к старинному венецианскому роду, члены которого в разные времена занимали видные посты на военной, дипломатической, административной службе, имели в колониях крупные торговые интересы. Барбаро мало вспоминает в своих очерках про генуэзскую Тану, «венецианец сторонился всего генуэзского, относился к генуэзцам как к врагам».

В средние века Тана стала ключевым торговым пунктом между Генуей и Венецией, что послужило причиной конфликта между этими республиками. Барбаро описывает градостроительную концепцию венецианской колонии как «небольшое поселение, практически полностью окружённое крепостными стенами». Из его записей можно сделать вывод о том, что венецианская колония была защищена крепостными стенами с воротами, внутри которых находились каменные дома. Следовательно, все жители Таны проживали в пределах этих стен. Барбаро описывает, как жители закрывали ворота в случае опасности и наблюдали за событиями, стоя на стенах.

Из этого можно сделать вывод о значительной толщине крепостных стен. Семилетняя война за влиятельные области между Венецией и Генуей началась в 1292 году, в итоге завершилась поражением Венецианской республики. В 1299 году между итальянскими государствами был заключён «вечный мир». В результате генуэзцы фактически установили контроль над морскими коммуникациями Северного Причерноморья и Крыма.

Генуэзские нотариальные акты, составленные в Фамагусте, Пере и Кафе, фиксируют многочисленные договоры между купцами Генуи и представителями францисканского и доминиканского орденов, что свидетельствует о тесном переплетении торговли и миссионерской деятельности [127]. Итальянский историк Корнелио Дассимони характеризует этот генуэзско-миссионерский союз следующим образом: *«Отметим, что большая часть викариев и епископов обоих орденов принадлежала к генуэзским родам — что естественно, учитывая опыт и склонность генуэзцев путешествовать»* [78].

Морское страхование грузов стало важной новацией, во многом обеспечившей коммерческие успехи итальянских купцов в период высокого Средневековья; такими операциями обычно занимались купцы-банкиры [128, с. 121]. Первые страховые сделки фиксируются на рубеже XIV–XV вв., после чего быстро вошли в практику. Размер взноса зависел от дальности маршрута, ценности товара, типа судна и политической обстановки. Так, в 1520-е годы во Флоренция страховые ставки колебались в пределах 2–18%.

Венецианцы и генуэзцы активно торговали с Востоком, но не за сырой шерстью как таковой, а за роскошными и восточными текстильными изделиями – шёлком, парчой, коврами, бархатом, а также за окрашенными и набивными шерстяными тканями (типа шарф-шаль и индийские ткани), которые были недоступны в Европе, ведь Восток обладал секретами производства тончайших, ярких и узорчатых шерстяных материй, не производившихся на Западе, что делало их предметом роскоши и источником прибыли.

Как отмечает А. Тененти, уже с XV века в Средиземноморье действовала продуманная система страховых тарифов, учитывавшая сложившиеся практики и особенности различных страховых соглашений. [129, с.350]. В период с 1436 по 1452 гг. Барбаро проживал в Тане, которая являлась генуэзской колонией и располагалась в устье Дона. Несмотря на то, что в материалах научной литературы нет точных фактов о том, что в Тане Барбаро занимал какой-либо официальный пост, среди историков всё-таки бытует мнение о том, что он был направлен в Тану в качестве посла Венецианской республики.

Иосафат Барбаро имел большие связи с администрацией Таны, которая в ту эпохи позиционировалась в качестве центра торговли в Северном Причерноморье. Барбаро в одном из своих трудов, получившем название «Путешествие в Тану», с особым энтузиазмом рассказывает о татарах. Для жителей Таны татары воспринимались как самые опасные и грозные соседи. Безопасность и благополучие итальянской колонии напрямую зависели от отношений с Золотой Ордой, поэтому местное купечество стремилось поддерживать доброжелательные связи с ханами. В этом участвовал и Барбаро, использовавший свой дипломатический и торговый опыт. По преданию, при прибытии одного из ханов в Тану консул направил к нему Барбаро с дарами. Сам он писал, что сумел наладить контакт с татарами, и один из них даже сопровождал его в поездке в орду [130, с. 635].

Другой важный источник — труд флорентийца Балдуччи Пеголотти «Практика торговли», созданный по итогам путешествия 1335 г. В нём описан протяжённый торговый путь от Азова через Гинтеркан (Астрахань), Органу (Ургенч), Отрар и Алмалык. Маршрут, по оценке казахстанских историков, проходил через Тургайские и Сырдарьинские степи, связывая Сарайчик с Алмалыком [131, с. 10].

«Практика торговли» Пеголотти содержит подробные описания торговых маршрутов, товаров, мер веса и объёма, практические советы для купцов. Внимание уделяется маршруту из Таны (современный Азов) через

Джинтархан (Астрахань) к восточным рынкам, в том числе Китай [132]. Пеголотти описывает продолжительность пути, возможные опасности, такие как разбойники («мокколы»), и даёт рекомендации по подготовке к путешествию, например, необходимость отрастить бороду для лучшей адаптации к местным обычаям и нанять переводчиков, владеющих куманским языком [133, с. 164-184]. Центральная и Восточная Азия выступали поставщики высокоценных и долговечных сельскохозяйственных товаров: сухофруктов, орехов, сахара, специй и лекарственных растений. Эти товары занимали пограничное положение между пищей и фармакологией и соответствовали требованиям дальнедистанционной торговли.

Труд Пеголотти подчёркивается в работах современных историков, так, в работе А.В. Пачкалова отмечается, что его сведения о денежно-весовых системах Таны являются уникальными и позволяют понять экономику Золотой Орды [134]. К числу ключевых памятников средневековой картографии относится «Каталонская карта» 1375 г., составленная на испанском языке, где уже достаточно чётко показано Каспийское море. Позднее на карте Фра Мауро 1459 г. были отмечены отдельные географические объекты Центральной Азии — горные районы, Отрар, Алмалык, река Сарысу и др. [135]. Исследователи отмечают, что Пеголотти предоставил ценные сведения о торговле в регионе Черного моря, в частности, он описывает меры веса и объема, используемые в Тане, и соотносит их с генуэзскими и венецианскими стандартами. Например, он указывает, что «кантар» в Тане соответствует генуэзскому кантару, а «большая либра» равна 20 генуэзским фунтам – такие детали позволяют современным исследователям реконструировать экономические отношения и торговые практики того времени [127].

На этих картах быт местных племён передавался через условные знаки: изображения верблюдов, всадников, повозок и предметов обихода, с помощью которых картографы пытались наглядно представить их образ жизни. Для систематизации и анализа представленной информации целесообразно обратиться к обобщающей таблице, которая позволит наглядно представить категории товаров, связанные с ними города и особенности измерений, чтобы облегчить понимание масштабов и структуры торговли в XIV веке (см. Табл. 1).

Таблица 1 — Основные товары, города и торговые маршруты по данным Пеголотти

Категория	**Подгруппа**	**Описание**
Товары	Пряности	Пеголотти упоминает такие популярные пряности, как корица, мускатный орех, гвоздика и имбирь.
		Например, в описании торговли с Востоком говорится о «ципрском сахаре» и сиропах, которые являлись экспортными товарами.

		Приводится подробный расчёт весов и тары для этих продуктов, например, для корицы и сахара используются кипрские руотоли.
	Ткани	Шерсть из Англии и Шотландии, шелка из Востока и льняные ткани из Фландрии. Купцы активно торговали с Востоком, но не за сырой шерстью как таковой, а за роскошными и восточными текстильными изделиями – шёлком, парчой, коврами, бархатом, а также за окрашенными и набивными шерстяными тканями (типа шарф-шаль и индийские ткани).
		В книге содержится детальный список мест производства шерсти, таких как английские монастыри, где изготавливались качественные сорта шерсти.
	Металлы и другие ресурсы	Пеголотти упоминает медь, золото и серебро, оценивает их качества в зависимости от региона происхождения.
		Уделяется внимание способам оценки качества металлов, например, сравнительный анализ меди из двух регионов. Важно отметить, что Ферганская долина, она же Маверанахр, с античности как район добычи меди и полиметаллических руд.
	Продукты питания и сельско-хозяйствен-ные товары	Среди сельскохозяйственных товаров выделяются мёд, оливковое масло и вино. Указаны даже подробности упаковки (например, бочки, коробки) и расчёта стоимости. Центральная и Восточная Азия выступали поставщики высокоценных и долговечных сельскохозяйственных товаров: сухофруктов, орехов, сахара, специй и лекарственных растений. Эти товары занимали пограничное положение между пищей и фармакологией и соответствовали требованиям дальнедистанционной торговли.
	Ювелирные изделия и предметы роскоши	Упоминаются предметы роскоши, такие как украшения, редкие ткани и драгоценные камни, которые пользовались спросом в крупных торговых городах Европы.
Города	Европейски е города	Флоренция. Центральный пункт итальянской торговли, родной город Пеголотти, который служит отправной точкой для многих торговых маршрутов.
		Лондон и Брюгге. Основные точки в английской и фламандской торговле, где сосредоточены операции с шерстью.
		Генуя и Венеция. Порты в средиземноморской торговле, особенно в импорте восточных товаров.
	Ближний Восток и Азия	Константинополь. Упоминается как один из крупнейших узлов торговли между Европой и Востоком.
		Фамагуста (Кипр). Здесь Пеголотти провёл несколько лет, и

		город является перевалочным пунктом для торговли с Левантом.
		Тебриз. Один из основных пунктов на маршруте в Восточную Азию.
		Джинтархан (Астрахань). Главный перевалочный пункт между Каспием и внутренними рынками Золотой Орды.
		Органу (Ургенч). Один из самых богатых городов, где были известные мастера по шитью и ремёслам.
		Тана. Генуэзская фактория в Крыму, место контакта между Золотой Ордой и итальянскими городами-государствами. Порт в средиземноморской торговле, особенно в импорте восточных товаров.
		Сарайчик. Сарайчик был средним звеном маршрута, и одним из самых важных экономических центров Золотой Орды.
Расстояния	Торговые маршруты	От Лондона до Брюгге. Маршрут через Ла-Манш с подробным описанием затрат на транспортировку и пошлин.
		От Генуи до Тебриза. Указаны этапы пути через Средиземное море, Сирию и Персию, станции для уплаты пошлин.
		Маршруты к Китаю через Центральную Азию описываются в особой главе, где пишется об особенностях передвижения караванов и затраты на транзит через конкретные регионы.
	Меры расстояния	Упоминаются различные единицы измерения расстояний, такие как «мили» и «дни пути». Например, для пути от Флоренции до Фамагусты указывается расчёт по дням караванного пути.

Определённая заслуга в области картографирования принадлежит в том числе и Иосафату Барбаро. Археологические раскопки городов Золотой Орды сталкиваются с ограниченным количеством письменных источников, их важность трудно переоценить. В отношении Азака, основными письменными свидетельствами о функционировании мусульманской общины в нем являются записки Ибн-Батутты и Иосафата Барбаро [136, с. 167 –175].

В Италии, издания записок последнего были опубликованы уже после смерти Иосафата Барбаро. Первое из которых датируется 1543 г., а второе – 1545 годом. Произведение стало широко известным после того, как было включено в сборник Джовании Баттиста Рамузио. «Путешествие в Тану» было переведено на русский язык несколько раз и вызвало широкий отклик среди историков с самого начала.

На протяжении 16 лет (с 1436 по 1452 года) он прожил в венецианской колонии Тана. За данный промежуток времени путешественник подробно исследовал земли Северного Причерноморья и Приазовья. Сам на эту тему он писал следующее: *«В 1436 году я предпринял своё путешествие в Тану, где по*

итогу остался на долгих шестнадцать лет. Я объездил многие области, как по морю, так и по суше, с любопытством их исследуя» [137, с. 91-112].

Первый широко распространённый перевод части произведения Барбаро, относящейся только к путешествию в Тану, был опубликован В.Н. Семеновым ещё в 1836 году [138]. Этот перевод использовался до появления работы Е.Ч. Скржинской, которая приложила все усилия, чтобы дополнить и исправить предыдущую версию, используя самую раннюю сохранившуюся рукопись в национальной библиотеке Святого Марка, в Венеции [114].

В 2012 И.В. Волковым был опубликован новый перевод сочинений венецианца Барбаро при поддержке Института наследия Министерства Культуры РФ [139, с. 78-88]. В данном исследовании им акцент был сделан на сведениях про Китай в записках Барбаро. Проанализируем часть перевода Скрижинской: «...отправились из Таны по берегу Забакского моря, далее я прибыл в страну, которая носит название Кремух. Ее государем был Биберди, что в переводе означает «Богом данный».

Он являлся сыном Кертибея, т.е. *«Истинного правителя». Владения представлены несколькими селениями, могущих выставить до 2000 всадников, если того потребует нужда. Это население изобилует плодородными равнинами, лесами, реками. … Земля богата урожаем, хлебом, скотом и медом; а вот вина тут нет. За Кремухом обитают разные народы: татакозцы, киппики, собайцы, кавертейцы и ас или аланы…»* [137 с. 91-112].

Иосафат Барбаро указывает на конкретную азакскую мечеть и даже отмечает «точное» расстояние до неё. Дождавшись встречи с царевичем Кезиахметом, он упоминает, что царевич *«расположился на расстоянии выстрела из лука, в старой мечети»* [с. 91-112]. Получается, что Барбаро, страну Кремух описывает как территорию, располагающуюся в пределах Тамани. Учёные спорят на этот счёт, ведь некоторые считают, что дневной караванный переход в зависимости от времени года и ландшафта мог ровняться пятидесяти километрам. Выражение «множество лесов и рек» создаёт впечатление о том, что речь ведётся о пойменных лесах, расположенных на протоках дельты реки Кубани.

Записки Иосафата Барбаро косвенно смогли помочь в развитии археологии и сфрагистики на территории Азака. На пойменном острове Калмыцкий бугор была обнаружена печать капитана Бартоломео де Пичинаса [141, с. 231–247]. Остров, отделённый заболоченной низиной от Платоно-Петровского поселения, вероятно, входил в группу населённых пунктов, окружавших этот небольшой городской центр. Вблизи другого поселения, где в XIX в. зафиксированы остатки каменных и кирпичных построек (хутор казака Чернова), найдена печать критского капитана Бертуччи Контарини [142, с. 171].

Показательно, что во времена Иосафата Барбаро, Крит находился под властью Венецианской республики. Данное поселение располагалось на берегу Дона выше Азова, в районе современной станицы Елизаветинской и хутора Колузаевского. Находки печатей указывают на постоянное нахождение итальянских торговцев в этих населённых пунктах.

Аналогичным образом переплетаются сообщения о татарах: об их жилищах (войлочных кибитках), особенностях быта и устройства, обычае татар обращаться к правителю с целью решения своих проблем, традициях организации и проведения торговых дел.

Иосафат Барбаро в своём рассказе о несметном количестве лошадей, которых ему довелось лицезреть в татарских степях Приазовья, откуда их перегоняли на продажу в Персию, как раз стал свидетелем торговых сделок татар, когда лошади из степей направлялись на юг (скорее всего, через Дербент), а по приходе в Персию они распродавались. Венецианец своими глазами лицезрел истинную картину кочевнической жизни.

Он с неподдельным интересом описывает моменты, как продавцы-табунщики вылавливают из табуна арканом тех коней, которых были выбраны покупателем. Купцы, гнавшие в Московское государство свои табуны на продажу, нередко присоединялись к хорошо вооружённым посольствам. Рассказ Барбаро о торговле лошадьми, касающийся главным образом Персии, введён только в «Путешествие в Тану», но бывали и обратные случаи: рассказ о беседе в Тане с татарским послом, который вернулся из Китая, автор по необъяснимым причинам поместил в «Путешествие в Персию».

Барбаро виртуозно объединял обособленные части своего литературного труда. О своих путешествиях он писал на закате жизни, бережно сохраняя в памяти дни, которые довелось провести на Востоке. Рассказывая о пребывании в Тане, он дополняет впечатления, которые остались от путешествия в Персию, а повествуя о делах и наблюдениях в Персии, он нередко вспоминает о Тане. Тесное переплетение обоих «Путешествий» наглядно демонстрирует, что произведение Барбаро создано спустя много лет после его поездок. В этих воспоминаниях отражена одна из глав долгой и активной жизни автора [137, с. 91–112].

Стоит отметить интересный приём, который использует Барбаро в своих записях о путешествиях. Он часто делает сравнения с Италией, что заметно в обеих частях его рассказов. Например, описывая раскопки в Контебе, где находили крупные бусины (*pater nostri*) из обожжённой глины, он отмечает их сходство с теми, что прикрепляли к рыболовным сетям в регионе Марка. Говоря о плодородных землях и обильных урожаях пшеницы в степях, он упоминает сорт пшеницы из Паданской низменности.

Описывая обычай мордвы вешать меха на священные деревья в качестве даров, он проводит параллель с христианским обычаем зажигать свечи. Тонзуры католических аббатов он сравнивает с грузинской традицией брить голову, оставляя волосы по краям. Черты лиц представителей северокавказских племён напоминают ему лица его земляков. Реку в Киликии он приравнивает по размеру к Бренту, а руины древнего театра сравнивает с театром в Вероне. Мечеть в Султании на территории современного Азербайджана вызывает у него ассоциации с куполами известной венецианской церкви Джованни и Паоло, которая служит усыпальницей многих дожей.

Султания, был одним из немногих городов, построенных единовременно, что указывает на высокое развитие архитектуры и градостроительства уже в самом начале XIV веке [142, с. 36]. Миниатюры и картины выдающегося художника Насуха Матракчи «Султание», т.е. ко времени его изображения, (XVIв.) хоть и подверглись разломам, но совпадают с письменными свидетельствами Барбаро [143]. Вторая часть записок путешественника посвящена рассказу о военных походах персидских сектантов на Северный Кавказ: *«…Они [персы] вступили в Каспийские горы, где жили христиане-католики. Они безо всякого уважения убивали всех католиков, женщин и мужчин, малышей и взрослых. А затем вошли в страну Гога и Магога, где проживали также христиане. И с ними сделали то же самое»* [137, с. 127–145]. Среди жителей Кавказа Барбаро упоминает племена «собаи». Учёные утверждают, что «собол» или «сиба» — древнее название абазинской общности.

В переводе В. Семенова 1863 г. текст, где есть упоминание Барбаро о «собаи» выглядит следующим образом: *«за Кремухом обитают разные народы: киппики, татакозцы, собайцы, кавертейцы и ас или аланы…»*. Можно предположить, что Барбаро не посещал область Собай, а перечислены в его рассказе не отдельные селения, а территории расселения соответствующих народов и народностей. Иудейское население Северного Кавказа тесно взаимодействовало с племенем «кипики», о чем также упоминает Барбаро. Исследования И. Ш. Анисимова, первого исследователя горских евреев, указывают на то, что в период формирования ислама татарское население приняло магометанство, в то время как те горцы, которые остались верными иудаизму, стали известны как «кипты», что можно перевести как «заблуждающиеся». После окончательного упадка Золотой Орды, генуэзцы отказываются признать суверенитет монгольских ханов.

В этот период обострился конфликт между генуэзцами и властями Феодоро, а также Хаджи-Гиреем — потомком Чингисхана, — из-за контроля над крымскими владениями. В 1433 г. греческое население Чембало при поддержке феодоритов подняло восстание против генуэзской администрации и захватило крепость в Балаклавской бухте. Борьба Генуи с Феодоро за Готию продолжалась большую часть первой половины XV века и завершилась поражением генуэзцев: после 1434 г. их колонии были вынуждены выплачивать дань Крымскому ханству Хаджи-Гирея.

Завоевание Константинополя османами в 1453 году привело к краху Византийской империи и подчинению морских путей под контроль турок. Это представляло угрозу для черноморских владений Генуэзской республики, которая не имела достаточных средств для укрепления своей обороноспособности. В связи с этим власти Генуи были вынуждены продать колонию Банка св. Георгия. В июле 1454 г. у берегов Кафы появилась турецкая эскадра, и генуэзский консул Крыма согласился на выплату ежегодной дани султану.

Генуэзцы предвидели продолжение конфликта с Османской империей и активно готовились к этому. Они заключили союзные соглашения с

Крымским ханством и княжеством Феодоро, понимая неизбежность борьбы. Так, в 1471 году побережье Крыма подверглось нападению со стороны турок. Однако основной удар по генуэзским колониям был нанесён после заключения турецко-венецианского мира в 1474 году. Это произошло 31 мая 1475 года, когда турецкая эскадра приблизилась к Кафе. В ответ был сформирован анти-османский блок, объединяющий Крымское ханство, генуэзские колонии и княжество Феодоро. Осада Кафы продолжалась неделю, и власти города решили сдаться, принимая обещания турок о сохранении жизни и имущества.

Новые хозяева города отобрали имущество у генуэзцев, а их самих отослали в Константинополь [128]. Солдайя оказывала туркам-османам более упорное сопротивление, чем Кафа. После того как захватчики ворвались в город, его немногочисленные защитники закрылись в башне и погибли во время пожара. В период с 1344 по 1345 годы войска хана Золотой Орды под командованием Джанибека предпринимали попытки захвата Каффы, однако безуспешно.

В 1347 г. мирное соглашение с ханом Джанибеком закрепило за Генуей её крымские владения. В том же году договор с Джанибеком заключила и Венеция, получив право вести торговлю в Солхате и ряде степных городов Крыма, где венецианские купцы действовали вплоть до 1356 года. В 1358 году наместник Крыма передал венецианцам Солдайю-Судак, хотя это длилось недолго.

Из Солхата в Каффинский порт транспортировались товары, включая шелк, кожу, меха, редкие ткани, красители и золото. В Солхат приходило много хорезмийских товаров. Восстановился старинный хорезмийский караванный путь, занимавший три месяца пути. Несмотря на периодические нападения ханов, генуэзцы сохраняли дипломатические и торговые связи с Золотой Ордой; в 1380 г. их пехота даже участвовала в Куликовской битве на стороне Мамай. После его поражения хан Тохтамыш вернул Генуе восемнадцать поселений в районе Солдайи и прибрежную полосу от Чембало до Лусты (Алушты). Эти земли оформились в Капитанство Готия под управлением генуэзской администрации. Письменные источники позволяют предположить, что именно здесь располагались упоминаемые Иосафатом Барбаро peschiera — рыбные угодья, принадлежавшие итальянским купцам [115, с. 151]. Возникновение этих рыбных промыслов относится не к XV веку, а к более раннему времени — вскоре после основания поселения Тана венецианцами и генуэзцами. Уже первые упоминания торговли в устье Таны связаны с закупкой рыбы, а нотариальные акты конца XIII в. фиксируют её вывоз в значительных по средневековым меркам объёмах [145, с. 123].

Это позволяет говорить о прямом участии итальянских купцов не только в торговле, но и в организации рыбозаготовок. В этом рассказе можно встретить описание степей и их обитателей, географические и этнографические сведения, повествование о татарах и других народностях, частичное отражение политики турок и татар, особенности существования итальянских колоний в Причерноморье в ту эпоху [146, с. 60].

Свидетельства Барбаро позволяют сделать два важных вывода о районе Азака. Во-первых, на peschiera работали вольнонаёмные рыбаки, что указывает на их свободный правовой статус. Во-вторых, сами рыбные ловли выступали объектом купли-продажи и принадлежали разным торговцам, что предполагает существование специализированного рынка. В период расцвета Азака в XIV веке количество таких peschiera, по-видимому, было значительно выше. Любопытно Барбаро описывал локализацию племен и феодальных владений во второй части своего сочинения «Путешествия в Персию».

Необходимо отметить и практическое значение записок Иосафата Барбаро для археологических раскопок, которые неоднократно помогали с локализацией описанных объектов. Можно предположить, что именно связи и, конечно, многолетнее пребывание путешественника в Тане помогли ему собрать ценные сведения о населении прилегающих территорий и городов. Опыт путешественника показывает, что монголы были открыты к внешнеполитическим инициативам и сотрудничеству с европейцами.

Чокан Валиханов обратил внимание на деятельность заморских купцов в казахской земле: *«В средние века оседлость здесь сильно распространилась, особенно в Илийской долине. Города Алмалык (а ныне Туркестанское селение), Хонакай и Кайнак (существующие и теперь) и Алмату (где ныне укрепление Верное) были известны по своей торговле и служили станциями на большой дороге, по которой ходили генуэзские купцы в Китай и кипчакские послы к великому хану»* [147, с. 54]. Быстрое развитие торгового капитала в некоторых европейских странах привело к поискам новых рынков. Стремление предпринимателей найти кратчайший путь в Китай обратило их взоры на Центральную Азию и сопредельные ей земли.

Позднее, это стремление приведёт к эпохе великих географических открытий, и периоду работорговли. В контексте исторических и социальных исследований, каждая из этих форм работорговли имеет свои особенности и влияние на формирование общественной и экономической структуры соответствующих регионов. Великая Замятня — смута, охватившая Золотую Орду в третьей четверти XIV века, серьёзно подорвала её экономические и торговые связи с внешним миром.

«*Несколько десятилетий непрерывных феодальных войн внутри золотоордынского государства, — пишет А. Якубовский, подорвали хозяйственную мощь страны, и в частности богатую ремесленную промышленность золотоордынских городов, настолько, что караванная торговля юго-восточной Европы лишилась одной из важнейших своих производственных баз... Едва ли... Больдуччи Пеголотти, сказавший про рынки Сарая и Ургенча, что здесь можно получить все, что может заинтересовать европейского купца, повторил бы это снова в 60-70-х годах того же века*» [148, с. 54].

Согласно Баумеру [149, с. 263–270], естественный торговый маршрут проходил по Волге до Сарая, где он пересекался с восточно-западным маршрутом к северу от Каспия, а затем шел вдоль западного берега Каспийского моря до Тебриза в Персидском Азербайджане, где соединялся с

основным восточно-западным маршрутом южнее Каспия. В 1262 году Берке начал войну с ильханом Хулагу. Эта война привела к нескольким сражениям на западной стороне Каспийского моря, которые Орда, как правило, проигрывала. Прерывание торговли и конфликты с Персией вынудили Орду создать торговые города вдоль северного маршрута.

Одновременно Золотая Орда заключила союз с мамлюками Египта, которые были врагами Ильханата. Торговля между Ордой и Египтом осуществлялась генуэзцами, базировавшимися в Крыму. Важной частью этой торговли были рабы, предназначенные для армии мамлюков. Однако торговые связи ослабли из-за конфликта с генуэзцами в 1307 году и мира между мамлюками и Персией в 1323 году.

Примерно в 1336 году Ильханат начал распадаться, что способствовало смещению торговых потоков на север. В районе 1340 года Пеголотти описал маршрут севернее Каспийского моря. В 1347 году осада Золотой Ордой генуэзского крымского порта Каффы привела к распространению чёрной смерти в Европу. В 1395–1396 годах Тимур разрушил торговые города Орды. Поскольку эти города не имели значительных сельскохозяйственных угодий вокруг, многие из них исчезли, а торговля вновь переместилась на южные маршруты.

Волга выступала как главная транспортная артерия, связывающая степные регионы с основными торговыми путями между Востоком и Западом. Сарай, как столица, играл ключевую роль в управлении этой сетью. Проблемы в отношениях с Ильханатом и необходимость развития альтернативной торговли стимулировали создание городов на северном маршруте. Это было важным стратегическим шагом для поддержания экономической стабильности Орды.

Генуэзские купцы не только обеспечивали торговлю с Египтом, но и сыграли роль в распространении чумы. Осада Каффы в 1347 году стала одним из ключевых событий в истории чёрной смерти. Генуэзские торговые крепости в Крыму находились под контролем «Officium Gazariae». «Officium Gazariae» или Imperium Gazariae был назван в честь Хазарской империи, существовавшей до Золотой Орды, и может рассматриваться как «Колониальный офис» Генуи. Официальными языками были латынь, греческий и половецкий (татарский).

Осенью 1353 года венецианский флот под командованием адмирала Николо Пизани захватил генуэзское судно неподалёку от Константинополя. Этот инцидент произошёл на фоне ожесточённого морского соперничества между Венецией и Генуей и обернулся неожиданными последствиями. На борту захваченной кокки находились девять ордынских купцов: двое погибли, двое были взяты в плен, а общий ущерб составил около 4 тысяч сомов — примерно 750 килограммов серебра. Половину этой суммы венецианцы позднее компенсировали. Вскоре после этого аналогичное нападение обрушилось на другого ордынского купца, Бачмана, которому был причинён ущерб в 2 тысячи сомов.

В 1358 году пострадавшие купцы обратились к хану Бердибеку. Он удовлетворил их иск на сумму 2830 сомов и поручил правителю Крыма Кутлуг-Тимуру и наместнику Азова Черкес-ходже взыскать её с венецианских торговцев в Азове.

В этой непростой ситуации на помощь венецианским купцам пришла Тайдула, супруга хана Узбека. Известная своей поддержкой христиан, она, тем не менее, действовала скорее из прагматических соображений, чем из религиозного порыва. Её защита касалась именно тех купцов, которые ежегодно приносили ей значительные доходы, поскольку право на сбор ввозной пошлины с христианских торговцев, прибывающих в Азов, оставалось закреплённым за ней ещё с времён правления Узбека.

Тайдула внесла в ордынскую казну 550 сомов, частично погасив долг венецианцев [150, с. 18-27]. На первый взгляд, это можно было расценивать как проявление милосердия. Однако послы венецианского дожа — Джованни Квирини и Франческо Бон — воспротивились такой «помощи», хотя изменить ситуацию уже было невозможно. Причина заключалась в том, что Тайдула потребовала от купцов возместить все расходы, понесённые ею и её свитой. В приложенной ведомости детально указывались траты самой государыни, членов её окружения, а также расходы на подготовку писем к дожу Венеции и консулу в Азове, включая стоимость бумаги и подарков для послов.

В торговых крепостях проживало разнообразное население, состоящее из греков, армян, евреев, караимов и мусульман (татар). Каждая община людей была признана «компанией», управляемой консулами Бурги. Обычно деловые операции совершались в «лоджии» (резиденции консула). Статуты Officium Gazariae содержали различные постановления, касающиеся работорговли [151, с. 5]. Правила по существу запрещали генуэзским галерам перевозить банды рабов за пределы острова Хиос, независимо от того, прибыли ли они из Византийской империи (включая Чёрное море) или из Сирии. Однако галеры вполне легально могли перевозить рабов с севера Чёрного моря в Александрию.

Сохранялся «большой поток работорговли между Чёрным морем и Египтом», которому не препятствовали Officium Gazariae [151, с. 33–38]. Фактически, *«любое судно, плывущее в балласте, могло перевозить любое количество рабов куда угодно»*. Фактически рабы были основным «продуктом» генуэзских торговых крепостей. Одним из самых ранних известных упоминаний о рабстве на Чёрном море является товарный манифест от 21 мая 1396 года, перевозимый кораблём Николосо Усодимаре, прибывшим в Геную из Византийской империи. В состав груза корабля входили *«рабы женского и мужского пола, 80 голов»* [152, с. 1-14]. Общий список рабов был составлен из татар, черкесов, греков, албанцев, славян и сербов и был представлен как «Доход Святого Антония».

В начале 15 века работорговля из Каффы отправляла до 2000 рабов в год только султану Каира. По мнению бельгийского медиевиста и исследователя рабства — Чарльза Верлиндена, существует преемственность

между генуэзской колониальной структурой и испанской колониальной структурой в Новом Свете; Испанский Casa de Contratación был аналогом генуэзского Officium Gazariae, а испанский Casa de Escravo был аналогом генуэзского Officium Provisionis Romanie. Существует также преемственность между уровнем смертности рабов, перевозимых генуэзцами (30%) [152, с.7], и уровнем смертности при трансатлантической работорговле (около 30%), главным образом из-за скученности и продолжительности этих перевозок на большие расстояния. поездки.

Существует дополнительная преемственность между усилиями турок положить конец генуэзской торговле рабами мамелюкам (которых турки позже попытались завоевать) и попытками англичан подавить работорговлю, чтобы разорить мусульман на побережье Суахили и уничтожить французские сахарные плантации.

В обоих вышеупомянутых случаях цель была одинаковой: положить конец или изменить работорговлю, чтобы уничтожить конкурентов. Крымская работорговля с итальянскими городами-государствами была важным элементом экономических и политических связей между Восточной Европой, Центральной Азией и Средиземноморьем в средние века. В XIII–XV веках Крым, благодаря своему географическому положению, стал ключевым центром торговли, включая торговлю рабами, в рамках обширной сети, связывавшей Европу, Ближний Восток и Азию. Работорговля с Крымом обеспечивала потребности итальянских городов-государств, таких как Генуя, Венеция, Пиза и Флоренция.

Рабов покупали как для домашнего хозяйства, так и для использования в сельском хозяйстве, на галерах и в ремесленных мастерских. В итальянских городах рабы обычно выполняли функции слуг или рабочих в крупных поместьях. Кроме того, значительная часть рабов отправлялась дальше, в страны Восточного Средиземноморья, такие как Египет, Сирия и Османская империя. Египетские мамлюки, например, активно приобретали молодых мужчин для своей армии, формировавшейся из рабов. Крымская работорговля стала важной частью экономики итальянских морских республик.

Контроль над торговыми маршрутами и колониями, такими как Каффа, позволял генуэзцам и венецианцам не только получать огромные прибыли, но и укреплять своё влияние в регионе. Работорговля также способствовала развитию инфраструктуры: в портах строились склады, рынки и укрепления для защиты торговых операций. Однако следует отметить, что работорговля часто становилась причиной конфликтов между различными державами.

Например, ослабление контроля Золотой Орды над Крымом в конце XIV века привело к усилению Османской империи, которая в конечном итоге захватила Крым и сделала его частью своего государства. С переходом Крыма под контроль Османской империи в XV веке и началом эпохи Великих географических открытий значимость Крыма как центра работорговли постепенно снижалась. Тем не менее, работорговля оставалась важной составляющей экономики региона вплоть до XVIII века.

Крымская работорговля с итальянскими городами-государствами является ярким примером трансрегиональных связей средневекового мира. Этот феномен демонстрирует сложность экономических и политических отношений между Европой, Азией и Средиземноморьем. Эта ситуация наглядно демонстрирует двойственный характер торговли: с одной стороны, она способствовала экономическим и культурным контактам, с другой — была тесно связана с насилием и человеческими трагедиями.

Работорговля, независимо от её участников, представляла собой форму лишения свободы и человеческого достоинства и сопровождалась эксплуатацией и жестокостью. Вместе с тем при анализе данного явления необходимо учитывать исторический контекст и социокультурные реалии эпохи, в рамках которых подобные практики воспринимались иначе, чем в современном обществе.

В средневековье рабство было распространённой практикой во многих обществах, и торговля рабами считалась обычным явлением. Генуэзские и монгольские торговцы в своей деятельности руководствовались в первую очередь экономическими интересами, не всегда учитывая моральные и этические аспекты.

Их главный соперник Венеция, благодаря высокоорганизованной коммерческой системе, которая управляла и контролировала внешнюю торговлю и экономику Средиземноморья, одержала победу во всех конкурентных сражениях и достигла господства среди христианских народов, торгующих с Левантом.

Венеция всегда действовала на дипломатическом уровне во внешней торговле и политических связях, придерживаясь логики общих интересов, проявляла доброжелательность к странам, с которыми сотрудничала, и избегала насилия в отношении слабых народов. В отличие от генуэзцев, флорентийцев, Папской области и других итальянских государств, Венеция была единственным итальянским государством, которое никогда не участвовало в военных конфликтах с мамлюками, несмотря на экономические интересы в этом регионе.

Забота Венеции о сохранении торговых связей с Египтом свидетельствовала о том, что экономика мамлюков, в частности финансы султана, в значительной степени зависела от торговли с европейцами. Последнее соглашение в истории торгово-дипломатических и посольских связей между Венецией и мамлюкским государством было заключено в ноябре 1515 года. Оно произошло во время визита в Каир венецианского консула в Александрии, сэра Томмазо Венньера, с целью обсуждения некоторых коммерческих вопросов. Этот период показывает, как внешнеполитические факторы могут влиять на экономические сети, перераспределяя ключевые торговые потоки и вызывая изменения в структуре региональных связей.

Тем не менее, нельзя оправдывать работорговлю как этично допустимую практику. С точки зрения современных норм и ценностей работорговля в любой форме осуждается как аморальное и противозаконное

деяние. Изучение темы работорговли в Крыму остаётся актуальным и важным для понимания исторических, экономических, социальных и политических процессов, происходивших в этом регионе, и их влияния на современное общество. Детальные наблюдения, включавшие как естественнонаучные, так и социальные аспекты, представляли значительный интерес для флорентийских банковских и торговых домов, демонстрируя прагматическую направленность на экономическую и геополитическую информацию.

2.4 Религиозный аспект папских миссионеров в Центральной и Восточной Азии XIII-XV веках

В начале XIII века миссионерская деятельность считалась обязательной среди монашеских и других религиозных орденов. Францисканцы, как и другие католические ордена, считали своим долгом нести идеи Христа в другие страны и континенты. Основатель Ордена Франциск разделил монахов на пары и отправил с таким напутствием: «*Идите, несите мир людям, проповедуйте покаяние. Ваше число умножится и будет продолжать умножаться до конца мира»* [89, с. 308]. Поэтому среди монахов так много было путешественников, которые не только занимались миссионерством, но и описывали новые земли и народы там проживающие. Их путешествия стали источником ценной географической информации о мире.

Границы между торговлей, дипломатией и миссионерской деятельностью зачастую были размыты, поскольку итальянские купцы активно поддерживали католические миссии на территории Монгольской империи, продвигая тем самым как духовные, так и материальные интересы [87]. В частности, францисканские миссионеры сыграли ключевую роль в распространении латинского влияния, одновременно выполняя функции передачи информации и разведки в пределах монгольских владений [223].

Сближение торговых и миссионерских интересов наглядно проявляется в деятельности таких фигур, как Бенедетто I Дзаккария, который, помимо дипломатической и военной службы, обеспечил получение концессий на стратегически важные гавани, включая Айас, напрямую связав итальянскую торговую экспансию с распространением христианских институтов вдоль Шёлкового пути [223]. Политика религиозной терпимости, проводимая монголами, значительно облегчала передвижение подобных акторов и способствовала трансляции научных и технических знаний по всему евразийскому пространству [227]. В результате итальянские купцы, дипломаты и миссионеры получили возможность действовать в условиях религиозного плюрализма, включая тесное взаимодействие с постепенно исламизирующимся Ильханатом, что расширяло их влияние и доступ к информации.

В это время впервые европейцы достигли Тибета, а точные отчёты о странах и народах Средней Азии и Дальнего Востока стали доступны благодаря монгольским завоеваниям. Купцы и католические миссионеры, представляя интересы папы и европейских правителей, отправлялись в

дипломатические миссии к монгольским ханам в Каракоруме или к императорскому двору в Пекине.

Глобализация в XIII веке была связана с расширением международной торговли, культурного обмена и распространением религиозных идей, что привело к укреплению связей между различными регионами мира. В важном векторе этого процесса средневековой глобализации выделяются четыре посланника, привозившие в Европу удивительные вести о таинственных землях и морях Востока. Они, будучи молодыми по возрасту, осуществляли путешествия по восточным странам с целью проповеди и просвещения «раскольников» и «язычников», стремясь привести их к «истинной вере». Их направляли в путь по указанию пап и глав францисканского и доминиканского орденов, а их сопровождали агенты итальянских торговых домов.

Монгольские завоевания в XIII веке также играли важную роль в расширении географических знаний европейцев. Эти события способствовали развитию сложных торговых и культурных связей между Европой и Востоком, что сыграло свою роль в формировании мира, который мы знаем сегодня.

Например, если в начале XIII века в Европе преобладало мнение, что христианский мир охватывает большую часть земного шара *Orbis terrarum*, то уже в 1332 году некто, известный как Псевдо-Бурхардт, автор анонимного проекта крестового похода против Египта, считал, что *«мы, истинные христиане, не десятая и не двадцатая часть населения земли»*. Он утверждал существование антиподов без страха быть признанным еретиком и смутьяном, принимая как неоспоримую аксиому тот факт, что Азия намного превосходит Европу в размерах и заявляя о существовании антиподов.

Он полагал, что Азиатский континент простирается значительно дальше на север и что его приполярные области населены. Формирование разветвлённой системы связей между Западной Европой, Средним и Дальним Востоком происходило в контексте монгольских завоеваний XIII века и отражает ускоренное изменение представлений о мире и способов его познания в течение сравнительно короткого исторического периода. Выяснилось, что католические христиане составляют лишь малую долю населения мира. Купцы и католические миссионеры, представляя интересы папы и европейских правителей, отправлялись в дипломатические миссии к монгольским ханам в Каракоруме или к императорскому двору в Пекине.

В ноябре 1247 г. хронист XIII века Салимбене лично встретился с Плано Карпини — первым францисканцем, достигшим Монгольской империи. Он характеризовал его как образованного, остроумного и разностороннего человека. По словам Салимбене, Карпини зачитывал свой труд о татарах и других землях, отвечая на вопросы слушателей [153]. Книга была издана Языковым в 1825 г. и использовалась Чоканом Валихановым, который неоднократно обращался к описаниям Карпини в своих работах. Интерес к эпохе монгольских завоеваний проявлял и Адольф Янушкевич: в письмах друзьям он писал о намерении искать следы «великого возмутителя

спокойствия» в казахских степях и просил прислать ему сочинения Рубрука и Плано Карпини, а также: «выписки из их путешествий к чингисханской резиденции». Эти экспедиции имели важное политическое и экономическое значение, учитывая контроль монгольской верхушки над ключевыми торговыми путями и военными ресурсами. Монахи и торговцы, благодаря своему статусу, легче проникали во внутрь и безопасно проводили свои миссии.

Говоря о роли генуэзцев в истории Крыма, чаще всего вспоминают, что генуэзцы были очень успешными торговцами, но забывают, что с генуэзцами в колонии прибыли христианские миссионеры — главным образом из ордена францисканцев. Францисканцы вели миссионерскую деятельность среди местного тюркоязычного населения. Они сделали перевод Библии на татарский (кипчакский) язык и составили известную достопримечательность кипчакского языка — Codex Cumanicus, латино-персидско-половецкий словарь. Он отражает разнообразие тогдашних тюркских диалектов. Тесные связи генуэзских торговых колоний и точек орденских миссионеров четко наглядны, если составить карту францисканских миссий.

Они находятся в узловых пунктах транзитных путей Передней Азии. В 1318 году папа Иоанн XXII основал католическую Кафскую епархию во главе с францисканским кустодом. Далее были созданы диоцезы в Воспоро, Херсонесе, Чембало и Солдайе. Присутствие данных итальянских опорных пунктов, наряду с миссионерскими монастырскими центрами, наглядно свидетельствует о глубине экономического и религиозного проникновения в пространство Монгольской державы, а также о возможности оказывать значительную финансовую поддержку нищенствующим орденам [223].

Изучение природы отношений между генуэзскими торговцами и орденскими миссионерами возможно на основе анализа генуэзских нотариальных актов и документации, представленной кустодиями восточных викариатов и настоятелями монастырей, основанных францисканцами и доминиканцами в Крыму. Первым стоит упомянуть Джованни Монтекорвино (рис.).

Он, так же, как и Плано Карпини, был членом францисканского ордена и его последователем в деле распространения католической веры. Его путь пролегал по суше до Ормуза и по морю через Индийский океан. Его поездка была довольно успешной — Монтекорвино построил в Пекине первую католическую церковь и стал архиепископом пекинским [89, с. 164]. Джованни, как следует из составленных им писем на родину от 8 января 1305 и 13 февраля 1306 годов, за 12 лет своей жизни в Китае, изучил местный язык, перевёл на китайский и монгольский Новый Завет и Псалтырь, выкупил из рабства полторы сотни мальчиков, выучил их греческому и латыни для пения псалмов и гимнов в двух храмах Пекина [154].

Ещё один францисканец, Арнольд Кёльнский, присоединился к нему несколько лет до написания писем. Папа Климент V, впечатленный успехами католической веры на другом конце континента, направил в помощь Джованни семь францисканских епископов с поручением возвести его в

архиепископский сан в 1307 году. Их имена сохранились, и это были Андре из Перуджи, Андреуччио Д'Ассизи, Джерардо Альбуини, Никола да Банция, Ульрих фон Сейдридсдорф, Перегрино Кастелло и Гильельмо да Вилланова [155]. Трое из них достигли Китая, ещё трое отправились из Рима в 1312 году. Джованни приписывается основание миссии в Сямэньской гавани напротив Формозы (современного острова Тайвань).

По францисканской традиции утверждается, что примерно в 1310 году Джованни Монтекорвино посмертно обратил в христианство третьего монарха Юаньской династии Хайсана Хана (императора Вуцзона), однако это вызывает сомнения [156]. Тогун-Темур, последний император Китая из династии Юань, отправил послольство к Бенедикту XII в Авиньон в 1336 году. На данный момент, продолжалось так называемое «авиньонское пленение пап», отчего центр католичества был перенесён во Францию. Посольство возглавил генуэзец Андреа ди Нашио, служивший при монгольском императоре, и сопровождался ещё одним генуэзцем, Андало ди Савиньоне [157, с. 314]. Эти письма от монгольского правителя гласили, что прошло восемь лет (с момента смерти Монтекорвино), и им не хватало духовного наставника, которого они искренне желали.

Папа ответил на письма и назначил четырех духовных лиц своими легатами на двор хана. В 1338 году папа послал в Пекин общим числом 50 духовных лиц, в их числе был и Джованни Мариньольи. Каноник Одорико Порденоне был одним из последних европейцев, посетивших престарелого миссионера Монтекорвино в Китае. Лорен Арнольд отмечает, что обилие привезённых товаров и вещей в флорентийских и римских церквях, во времена Пакс Монголика, демонстрирует что францисканцы имели свободный доступ к китайскому рынку через Великий Шелковый Путь [161].

Среди ряда известных францисканцев был Одорико да Порденоне, совершивший путешествие на Азиатский Восток и оставивший замечательные заметки об этом путешествии. С 1318 по 1330 год Одорико Порденоне, также известный как Одорико Фриульский, совершил длительное путешествие по Азии в роли миссионера. История его «Путевых заметок» также запутана, как и сама жизнь Одорико. Очень долгие годы европейцы зачитывались произведением Порденоне, но под другим названием и именем, так как текст заметок был украден и издан мошенником как «Приключения Сэра Джона Мандевиля». Так же непроста и жизнь монаха Одорико Порденоне. «Ни одна дата жизни Одорико Порденоне не подтверждена с абсолютной точностью, за исключением даты выпуска его «Мемуаров» (Memoirs; 1330) и, вероятно, даты смерти (1331 г.)» — отмечает Д.В. Дубровская [161, с. 151].

Наиболее полные сведения даёт историк ордена францисканцев отец Жером Голубович. Он считает, что датой рождения Одорико Порденоне является 1265 год, в 1280 году в пятнадцать лет, он стал монахом Ордена францисканцев. Одорико, выросший в итальянской провинции Удине, присоединился к францисканскому монастырю и начал свою миссию в 1316 году. Не имея формального образования, он столкнулся с мифами и

преувеличениями в ходе своих путешествий, но его труды содержат и важные реальные факты, что делает его исторически значимым. Всего Порденоне совершил два путешествия на Восток, первое в 1296 году, второе – в 1314 году [162, с. 152].

С этого дня начинается долгое миссионерское путешествие по морю и суше в сторону Китая из Венеции, достигнув затем Трапезунда на Черном море. Он касается Персии и Месопотамии, Индии — где он благоговейно собирает мощи своих братьев, замученных в 1321 году в Тане, Шри-Ланки, Индонезийских и Филиппинских островов, Вьетнама. В Пекине в течение трёх лет, встречаемый своим братом Джованни да Монтекорвино, основателем католической миссии в Поднебесной и первым патриархом всего Востока, он возвещал Евангелие и крестил. Он возвращается на родину по «Шелковому пути» (Китай, Тибет, Памир, Афганистан, Туркестан, Персия, Армения) с послушанием зайдя к Папе Римскому в Авиньон и прося отправить на Восток других миссионеров.

В.Н. Садченко отмечает, что Одорико в Италии пользовался уважением и авторитетом, о чём свидетельствуют три упоминания имени Одорико в юридических актах как участника и свидетеля. Участвовать в правовых сделках в XIV веке, позволено было только уважаемым людям. Однако упоминаемые юридические акты датированы 1316, 1317 и 1318 годами, что опровергает утверждение Жерома Голубовича о дате начала второго путешествия Одорико. Следует согласиться с мнением В.Н. Садченко, что *«Одорико провёл приблизительно одиннадцать лет, с 1318 по 1329 гг., путешествуя и проповедуя христианство в Индии и Китае»* [159, с.35]. За три года работы в Китае францисканец обратил в христианство много местных жителей, которые называли его *«раббан-ата»* [160, с. 220]. Но, по мнению Генри Юла, Одорико не слишком стремился «к проповеднической и аскетической практике», его в большей степени привлекало путешествие «по странным землям» [163, с. 35]. Действительно, если почитать его «Путевые заметки», то там мало упоминаний о духовной миссии, но много описаний чудес и удивительных обычаев. Начинаются заметки со слов «*я, брат Одорико из Форо Юлио, могу поведать вам о множестве чудес, а чудеса эти сподобился я увидеть и о них наслышался, когда по доброй воле прошёл через море и побывал в странах неверных (ad partes infidelium), дабы споспешествовать спасению душ»* [163, с. 170]. На основании записей можно определить, где же был Одорико. Из Европы он отправился в Персию, где провёл семь лет. Его маршрут начался от Константинополя и пролегал вдоль традиционных караванов, достигая Тебриза через Эрзурум. Тебриз впечатлил путешественника красочными базарами и роскошными дворцами. Одорико добавил Тебриз в список самых впечатляющих городов мира, отмечая его стратегическое расположение на крупных торговых путях, которые привлекали товары со всех концов земли.

Путешественники посетили и город Кашан, расположенный в Центральном Иране, известный не только производством высокохудожественной керамики, но и впечатляющими архитектурными

руинами. Самарканда и Бухары, которые продолжают оставаться впечатляющими даже сегодня. Из Кашана путешественники направились на юг в город Персеполь на юге Ирана, который был построен в 5-6 веках до нашей эры и славился своей роскошной резиденцией древних шахиншахов и рельефами, изображающими завоевания Ахеменидов.

Дальнейший путь привел его в Багдад, традиционный центр торговли Ближнего Востока, а затем в порт Ормуз на берегу пролива, соединяющего Персидский и Оманский заливы в Аравийском море. Ормуз был ключевым торговым узлом между странами Ближнего и Среднего Востока и Индией. В этом шумном и живописном восточном городе Одорико обратил внимание на строение лодок, отмечая, что их скрепление через шпагат и верёвки. Путешественник сказал: «На одном из кораблей я плыл сам, и там не было ни одного куска железа». Затем его путь лежал в Индию, здесь, узнав о мученической смерти монахов, убитых местным правителем, он выкопал их останки и взял с собой в город Зайтон, где построил два монастыря и предал мощи земле.

Одорико Порденоне прибыл в район Бомбея на лодке весной 1321 года. По его наблюдению, Индия, которую изначально считали островом, в действительности представляла собой территорию, серьёзно опустошённую татаро-монгольскими нашествиями. Францисканские миссионеры пытались осуществлять проповедь здесь, однако безрезультатно. В стране сосуществовало множество различных религий, включая ислам, который активно поддерживали фанатические правители, а также брахманизм с его строгими ритуалами и многочисленные формы анимизма и идолопоклонства. В Индии, Одорико встретился с обычаем сжигания вдов и мёртвых. Христианское (несторианское) сообщество в этом регионе подвергалось гонениям. Вскоре он покинул их и двинулся на юг, а затем вдоль Малабарского побережья, известного своей торговлей перцем. Арабы экспортировали этот продукт в Аден.

На Малабарском побережье Одорико снова встретился с древними несторианскими центрами, но и здесь он убедился в бесполезности своих миссионерских усилий. Всегда интересующийся природными ландшафтами, он заметил в местном лесу много хищников и обезьян. Путешественник обогнул южный край полуострова Индостан на 700-местном корабле. По пути он посетил Цейлон (Шри-Ланку), прежде чем отправиться в индийский портовый город Мадрас. Коромандельское побережье, где расположен Мадрас, привлекало арабских, китайских и других торговцев, вывозивших травы, рубины и жемчуг. Местное население также находилось под властью монголов и платило им дань с 1270-х годов. Одорико увидел прах Апостола Фомы Неверующего, где, как ревностный христианин, собирался поклониться ему. Интерес представляет история Одорико, который живо описывает обычаи и повседневную жизнь того времени. На вершине мощей христианского святого возвышался храм с изображениями индуистских богов, включая колоссальную статую божества, покрытую золотом и

драгоценными камнями, с красивым ожерельем, установленным на ценном троне.

Далее путешественник пишет: «Язычники поклонялись этому богу, лежали перед ним в пыли и пронзали его острым оружием, чтобы удовлетворить его; другие, вставая на колени, вылезали из своих домов и приближались к огромному идолу, принося в жертву все драгоценности. Раз в год идола славы везут на колеснице, впереди шла Богородица, паломники издалека, больные и певцы, ревнители бросаются под колеса повозок и гибнут» [163]. Во время этого путешествия Одорико посетил острова Цейлон, Яву, Суматру и Борнео, где до него не было ни одного европейца.

После 50-дневного путешествия из Мадраса Одорико достиг Великих Зондских островов, где был первым европейцем, вспомнившим о Суматре. Одорико отметил, что он перестал видеть полярное сияние из-за заслонки Земли. Он преодолел Суматру по Восточному морскому пути и, наконец, достиг порта Семаранг на Яве, где увидел пышную тропическую природу и экстравагантность построек местных правителей. Борнео (Калимантан) является самым большим островом в группе Больших Зондских островов, куда часто отправляются монахи.

Одорико подробно описал саговую пальму, из которой получают густой желатиновый сок, используемый для производства муки и других продуктов. Он также упомянул о духовых ружьях (духовых трубах со стрелами), которые местные жители используют во время охоты. Порденоне отправился из Борнео в Индокитай, хотя пребывал там недолго. Это было ещё одно далёкое морское путешествие.

Из Вьетнама францисканец направился в Китай, где в ходе поездки побывал в следующих городах: Кантон (Гуанчжоу), Чуанчжоу, Ханчжоу и Янчжоу. Наконец, венецианец высадился на территории современного Китая, вероятно, в области современного Макао. Сразу после высадки он заметил богатство местности хлебом, вином, рисом, мясом, рыбой и другими продуктами.

По берегам широкой извилистой реки в Жемчужном рукаве дельты Сицзян она поднимается в Кантон, один из старейших городов страны и главный порт. Долины Жемчужной реки и реки Сицзян являются густонаселёнными сельскохозяйственными районами. Три года Одорико пробыл в Пекине. Сведения о его миссионерской работе содержатся в письме францисканского монаха Жозе Марии Вилы, написанном 28 февраля 1892 года: *«проповедовал нашу священную религию по следованию всего своего пути до Пекина, и где он находился три года»* [159, с.40].

Путешественник из далёкой Европы рассматривал Венецию как образец большого города, но был удивлён размером Кантона, который, по его мнению, превышал Венецию втрое. Он сравнил другие города южного Китая с итальянскими. Величайший город мира, Хиленфо (именно так Порденоне произносил слово Ханчжоу) находится, как и Венеция, у берега залива. Окружность города составляет сотню миль и включает более двенадцати тысяч мостов. В то время этот торгово-ремесленный центр Китая был

известен своим шёлком. Одорико, описывая Хиленфо (Кантон), подчёркивает его огромные размеры, активное судоходство и множество мостов. Не меньший интерес у него вызывает Ханчжоу — город с колоссальным периметром и двенадцатью тысячами мостов, масштабы которого произвели на путешественника особенно сильное впечатление [159, с. 38]. Это действительно были крупнейшие города для XIV века, торговые и ремесленные центры. Рассказывает Одорико о природе, животных и птицах, поразивших его воображение. Так, он описывает распространённый в Китае способ лова рыбы с использованием бакланов, растение ротанг, наделяя его некоторыми свойствами бамбука, говоря о тростнике «ростом с дерево» [161, с. 193].

На побережье Южного Китая Порденоне заинтересовался уникальным способом ловли бакланов, крупных водоплавающих птиц. Баклана опускают в воду на веревке, он ныряет и ловит рыбу, но не может проглотить ее через узкое кольцо на шее. Когда птица поднимается на поверхность, добыча фактически вырывается из её горла. Одорико, продвигаясь через крупные города Южного Китая, включая Нанкин, достиг Хуанхэ по Великому каналу. Он отмечает, что река протекает через центр страны и, когда разливается, наносит столько же урона, сколько разлив реки По в Ферраре. В конце своего путешествия вдоль Гранд-канала (Даюньхэ), Одорико Порденоне добрался до Ханбалыка (современный Пекин).

Трехлетнее пребывание в Пекине позволило ему открыть для себя много нового о Китае, о чем не было упоминаний даже в знаменитых сказаниях Марко Поло. Порденоне подчеркивает, что в культуре, которую он наблюдал во время своего пребывания, для мужчин длинные ногти считались признаком благородного происхождения, а для женщин — маленькие стопы. В связи с этим, при рождении девочек, матери аккуратно подвязывали им ноги, чтобы они не росли. Его труды также впервые описывают методы навигации по Большому каналу.

В Фучжоу Одорико видел огромных петухов и больших белых кур, которые вместо перьев имели шерсть, на Цейлоне встречались ему птицы с наростом над клювом (птица «о двух головах»), вся эта живность употреблялась в пищу и была жирна и вкусна. Также им было отмечено, что в Китае использовали в пищу змей и улиток, приготавливая из них праздничные блюда [159, с.38]. Одорико описал китайский обычай бинтовать ноги девушек, чтобы они остались маленькими, о моде на длинные ногти мужчин, как признак знатности и красоты.

Последователи Конфуция, даосы, буддисты, мусульмане, христиане и представители других религиозных групп собирались перед троном Богдыхана в Пекине для молитвы, что свидетельствует о религиозной терпимости в то время. Однако, Одорико приходит к пониманию, что данные церемонии скорее всего были психологической уловкой самого великого хана. Императоры Юань, в период своего пика, умело использовали представителей покорённых народов в своей армии и администрации, дифференцируя их по языку, происхождению и вере, чтобы обеспечить свою

политическую стабильность. Подлинные записи собраний его двора отличаются своим качеством и детализацией, придавая особое внимание каждому слову и действию Богдыхана.

Также отмечается, что рабская толпа при дворе послушно подчинялась указаниям епископа. Хан живёт в столице только зимой, летом переезжая на север в Монголию, в северную столицу — Шанду.

Порденоне обладает информацией о системе управления государством, организованной монгольскими правителями, которые разделили империю на двенадцать частей, обеспечивая стоянки и гостевые дома по всей территории.

Когда передавались срочные сообщения, гонец не пользовался лошадью, а предпочитал быстрых дромадеров. Подъезжая к пункту доставки, курьер сигнализировал, и следующий гонец немедленно покидал отель, чтобы продолжить маршрут. Именно поэтому доклад для великого хана не доставлен в срок. Вестниками новостей послужили бегуны, которые могли воспользоваться стоянками каждые три мили. (Посланники часто носили пояса с колокольчиками, звон которых обозначал, что они в пути.)

Много внимания путешественник уделил обычаям людей, которых он встречал. Одорико рассказывал: *«А у идолопоклонников этого царства есть отвратительный обычай: когда кто умирает, его сжигают, а если была у него жена, то жгут и жену вместе с покойником-мужем и говорят — жена должна и на том свете сопровождать своего мужа. Впрочем, если вдова имеет детей, то она может, если того пожелает, сохранить жизнь»* [161, с.179] Но есть в его описаниях явный вымысел, пересказ сказок. Например, описывая остров Никоверан, Одорико называет его большим: *«в окружности он добрых две тысячи миль, и у мужчин и у женщин здесь собачьи морды»* [161, с. 185]. Но Никоверанские острова - это целая группа мелких островов и конечно без необычных звероподобных людей.

Рассказывает Одорико и об острове Дандин, населяя его людоедами: *«И на этом острове живут скверные люди, ибо пожирают они сырое мясо и прочую стервятину. И есть у них отвратительный обычай — отцы поедают детей, а дети отцов, жены мужей и мужья жён»* [161, с. 187]. О людоедстве, надо признать, рассказывали и другие путешественники, посетившие Индонезию, так что подобные рассказы заставили многих усомниться в том, что он действительно побывал в описываемых местах.

Я.М. Свет считает, что Одорико никогда не был на Никобарских, островах, но по остальным местам пребывания путешествующего монаха у него сомнений нет. О людоедстве, надо признать, рассказывали и другие путешественники, посетившие Индонезию, так что монах несколько сгустил краски, но не саму суть вопроса. Рихард Хенниг причину явных вымыслов видит в том, что автору заметок «недоставало критического подхода к материалу», но у Одорико нет сознательных вымыслов и лжи. Всё, что автор видел сам, является достоверным, а вот, что слышал, явный вымысел.

Пешель считает, что Одорико был «самым доверчивым из всех известных нам путешественников» [162, с. 189]. Удивительно, но самые разные учёные дают Одорико крайне противоположные характеристики. Сэр

Генри Юл считал Одорико: «человеком с невысокими моральными качествами и интеллектуальными способностями».

В отличие от критических характеристик, Джулиано Бертуччоли и Федерико Мазини называли Одорико «исключительно одарённым» человеком. При этом большинство биографов склоняется к тому, что он отличался доверчивостью, наивностью и открытостью. Иные оценки значительно строже: Оскар Рональд Дэзорн отмечал отсутствие у Одорико чувства юмора, тогда как Розмари Цанэки характеризовала его как «самоуверенного, высокомерного и крайне нетерпимого автора» [159, с. 35–36].

Сегодня сложно сказать, каким на самом деле был Одорико Порденоне, но только увлекающийся и одарённый человек мог посетить такое количество земель и оставить замечательные воспоминания об этом. Сами воспоминания известны под несколькими названиями, которые упоминаются отечественными и иностранными авторами:

1) «Путевые заметки» — В.Н Садченко;

2) «Чудеса света» — Рихард Хенниг;

3) «Мемуары» — Д.В. Дубровская;

4) «Приключения Сэра Джона Мандевиля» — плагиат по запискам Одорико Порденоне.

Следует отметить, что из записок о путешествии Одорико невозможно установить конкретный маршрут обратного пути, так как воспоминания остались незавершёнными из-за его болезни. Достоверно известно, что обратное путешествие домой проходило через Центральную Азию, включая Монголию и Тибет, и длилось пять лет с 1325 по 1330 годы. Установлено, что Одорико попал из Китая в Тибет, следуя через провинции Шаньси, Шэньси и Сычуань. Размах местности оказался огромным, а климат крайне суров. Он описывал, что местные жители обитали в чёрных войлочных палатках, что указывает на их кочевой образ жизни. Одорико проявлял интерес к тибетской культуре и религии.

Ламаизм, северная ветвь буддизма, в значительной степени перекликался с местными обычаями и был сходен с шаманизмом. Многое из увиденного вызывало у него разнообразные чувства. Например, он поражался тому, что тибетцы не соблюдали христианские обряды погребения, а использовали священную птицу — грифа — в своей пище. По предположениям британского исследователя Бейкера, Одорико, возможно, посетил Лхасу, столицу Тибета, и если он не был первым европейцем, ступившим на её почву, то, по меньшей мере, он был первым, кто описал этот город.

Особенно ценным является описание Тибета, куда доступ европейцам был запрещён до 1904 года. Одорико рассказал, что жители Тибета «живут в шатрах из чёрного войлока». Столица называется Гота [Лхасса] выстоена из белого камня и все улицы вымощены камнем, что очень красиво и богато. *«Никто в этом городе не осмеливается пролить кровь человека или даже животного из благоговения перед идолом, которому здесь поклоняются. В*

этом городе живёт Обасси [далай-лама] — так называют они на своём языке местного папу. Он глава всех идолопоклонников и по своему усмотрению распределяет доходы страны» [162, с.191].

Точных сведений о возвращении Одорико домой из Тибета нет. Из-за ранней смерти он не успел об этом рассказать. Считается, что он прошёл через Кабул (Афганистан), затем Хорасан (северный Иран), Тебриз , а оттуда тем же путём в Венецию. Через четырнадцать с половиной лет он вернулся на родину, изможднный и больной. В Падуе в мае 1330 Одорико продиктовал одному из монахов отчёт о своих путевых наблюдениях и приключениях, а в начале 1331 отправился к папе с незаконченным отчётом.

Путь из Тибета в Италию по предположению Рихарда Хеннига мог проходить через Бадахшан, Хорасан, Тебриз и Армению. В Италию Одорико Порденоне вернулся больным и изнурённым, но смог продиктовать свои воспоминания монаху-францисканцу, пока не скончался в 1331 году в монастыре в Удине. После смерти монаха-путешественника начинается новая часть приключений Одорико.

В жизнеописании Одорико Парденоне сообщалось о его праведной жизни, «он постоянно постился хлебом и зачастую — водой», отшельником жил в лесу перед началом своего путешествия. Особо отмечались его праведные деяния во имя веры, так, приводится информация о крещённых им 20000 язычников за всё время путешествия [163]. Особо обращается внимание на сложность проповедования христовой веры. Когда войлочных идолов бросали в костёр, те при помощи дьявольской силы выбирались из него, но когда монахи окропляли пламя святой водой, демоны сразу изгонялись, а идолы сгорали. Услышав как злой дух вопит: *«Глядите, как изгоняют меня из дома моего», идолопоклонники изъявляли желание креститься»* [164].

Но, очевидно, составить данное жизнеописание возникла необходимость гораздо позже, нежели брат Одорико вернулся в Италию, после кончины путешественника. Д.Е. Бобрышева считает, что вначале история путешествий Одорико произвела намного большее впечатление «на мирян его родной земли, чем на его братьев-францисканцев». Благодаря вмешательству главного судьи города похороны Одорико были отложены и состоялись намного позже в присутствии горожан, «патриарха Аквилеи и всех местных сановников» [89, с.312].

Кунстман пишет: «Современники в своих воспоминаниях отмечали, что память об Одорико чтится как память о святом, хотя римский престол канонизировал его несколько позднее» [162, с. 192]. В монастыре, в присутствии многих он был похоронен как святой под алтарем, и позднее беатифицирован, то есть был причислен к лику святых. Действительно по всей Италии, а затем и за её пределами распространялась слава об Одорико как о святом и знаменитом путешественнике, «но только четыре столетия спустя папская власть формально санкционировала его беатификацию. Его бюст был установлен в Порденоне в 1881 г.» [89, с.312].

Следует отметить, что записки о путешествии Одорико Порденоне многими в последующие периоды воспринимались с недоверием. В XVIII веке в таких развитых странах, как Франции и Англии существовало мнение, что он не посещал описываемых стран, а просто выдумал их. Основанием для сомнения являлись фантастические, приукрашенные рассказы о некоторых землях и их обитателях.

С другой стороны достоверные факты, перемешанные с выдумкой, привлекали многих читателей к рассказам средневекового путешественника. Можно сказать, что Одорико Порденоне был незаурядным человеком, любознательным и наблюдательным. Он оставил очень ценные воспоминания о странах Азии, островах Океании. В силу неграмотности, воспоминания об увиденном в далёких землях, ему пришлось диктовать уже после возвращения домой в Италию.

Одорико первым описал столицу Тибета и представил ценные сведения о городах Китая, назвав Гуанчжоу самым большим городе мире, в три раза больше Венеции. Его рассказы об обычаях народов, флоре и фауне были правдивы и вызывали большой интерес у европейцев. Его имя вполне обосновано стоит в одном ряду с великими путешественниками Средневековья.

Мало что известно о ранних годах Джованни де Мариньолли, который сменил Джованни Монтекорвино в Пекине. Он получил образование в Болонском университете, около 1315 года вступил во францисканский орден во флорентийском монастыре Санта-Кроче.

Позже он был профессором богословия в Болонском университете. В годы своего пребывания на святом престоле Папа Иоанн XXII, настроенный против францисканцев, останавливался в монастыре Санта-Кроче. Маршрут Джованни Мариньоли в его миссии в Китай был сложным и насыщенным, охватывающим множество территорий и культур.

Его путешествие началось в Авиньоне, где в декабре 1338 года он был назначен главой дипломатической миссии Папы Бенедикта XII в империю Юань, и продолжилось через Средиземное море, Ближний Восток, Центральную Азию и наконец достигло Китая. Мариньоли отправился из Авиньона, где находилась папская резиденция. Авиньон в то время был важным центром католической церкви, в период «авиньонского пленения пап». Его путь пролегал через Италию, где он вероятно посетил города Флоренцию и Венецию, крупные торговые и культурные центры. 10 февраля 1339 года, Мариньоли остановился в Неаполе, где получил роскошный приём и дары от короля Сицилии — Роберта.

Джованни де Мариньолли в 1339 году морским путём достиг Константинополя, важного торгово-культурного центра и ключевого транзитного пункта на пути в Азию. Здесь он был принят императором Андроником III и по поручению папы Бенедикт XII участвовал в обсуждении перспектив церковной унии. Далее маршрут Мариньолли пролегал через Тану и степные районы к ставке Узбек-хана в Новом Сарае, где до 1340 года осуществлялась дипломатическая миссия и передача папских посланий.

В период правления Узбек-хана столица Золотой Орды: Сарай, утвердилась как крупный центр транзитной торговли на Шёлковом пути. В сопровождении монгольской охраны Мариньолли продолжил путь через Ургенч, Самарканд и Бухару, достигнув Алмалыка на Тянь-Шане, где провёл около года. Эти города являлись важными узлами евразийской торговли и культурного обмена. Алмалык стал главным центром христианской миссии в Центральной Азии, однако нестабильная политическая обстановка, внутренние конфликты и перевороты, привела к гибели миссии под руководством епископа Ришар. Год спустя Мариньолли, посетивший эти земли, описывал попытки возрождения христианской общины следующим образом:

«...Прибыли в Армелек (Алмалык), что в Средней Империи. Здесь мы построили церковь, купили участок земли, вырыли колодец, справили мессы и многих окрестили, проповедуя невозбранно и открыто, невзирая на то, что за год до этого епископ и шесть братьев приняли, во имя Христа, мученическую кончину (в Алмалыке). То были: брат Рикардус, епископ, бургундец родом, брат Франческо из Александрии, брат Пасхалий, испанец (а был он пророком, и виделись ему разверстые небеса, и предсказал он своё и своих спутников мученичество и гибель от истока татар Сарая и разорение Армалека, и смерть императора спустя три года после их мученической кончины), брат Лоренцо из Анконы, брат Петр, один индийский брат, их драгоман, и Гилоттус, купец» [164, с.197].

По свидетельству Я. М. Света, переводчика хроники Мариньолли, один из миссионеров незадолго до своей гибели отправил в Европу письмо со сведениями о Поволжье, Кавказе, закаспийских областях, Мавераннахре и Семиречье. Сам текст этого письма до нас не дошёл, однако даже косвенные упоминания подобных сообщений подчёркивают необходимость их дальнейшего изучения. Фрагментарные данные, оставленные путешественниками XIII–XIV вв., прошедшими Ближний и Средний Восток, могут оказаться значимыми для уточнения истории контактов и взаимодействий древних племён и народов на территории современного Казахстана.

Маршрут Мариньоли продолжался через пустыню Гоби, Джунгарию и южную Монголию, а также населённые пункты, такие как Кашгар (современный Китай), прежде чем он достиг границ Монгольской империи в конце 1341 года. Пересекая монгольские территории, Мариньоли направился к Пекину (Ханбалыку), столице Юаньской династии. В Ханбалыке (Пекин) Мариньолли был тепло принят при императорском дворе ханом Тогон-Тэмуром (Шуньди) из династии Юань, но особых успехов в переговорах с монголами не добился [99].

Он находился при дворе несколько лет, занимаясь миссионерской деятельностью и поддержанием контактов между Римом и монгольским правителем. Правление Тогон-Тэмура, вступившего на престол в 1333 году, характеризовалось внутренней нестабильностью и борьбой придворных группировок; на раннем этапе власть осуществлялась при участии регентов

Баяна и Токты. Период относительной стабильности вскоре сменился междоусобными конфликтами, ослабившими центральное управление.

При дворе Тогон-Тэмура находился также Ибн Баттута, что свидетельствует о сохранении открытости династии Юань к внешним контактам. Одновременно усиливалось влияние конфуцианства и китайских культурных традиций среди монгольской знати. В целом правление Тогон-Тэмура стало продолжительным, но противоречивым этапом, ознаменованным политическими изменениями и постепенным ослаблением имперской системы. Осени 1346 года пришла пора для Мариньолли отправиться из Китая в южную Индию. Путешествие было проделано частично по суше, а частично по морю, начиная от Зейтона 26 декабря. Весной 1347 года он достиг города Килон на Малабарском побережье, следуя маршруту, известному по путешествиям Марко Поло.

В Килоне Мариньолли нашёл сообщество латинских христиан и пробыл среди них год и четыре месяца. За это время он не только оказывал духовную поддержку местным верующим, но и украшал их церковь религиозными изображениями.

В знак памяти о своём времени в Килоне, Мариньолли возвел мраморную колонну, венчанную крестом, на котором были выгравированы гербы Папы и Мариньолли на индийском и латинском языках.

Эту колонну видел в Кайлоне в 1662 году голландский священник Филипп Бальдеус [166]. После Килона путь миссионера привёл в 1348 году в Милапур, а затем в страну Сабу, отождествляемую ныне с Суматрой. Из Шебы в 1349 или 1350 году путешественник отправляется на Цейлон, оттуда на Коромандельское побережье Индии и снова в Сайлон. Из этого порта Мариньолли морем прошёл по Персидскому заливу, следуя через Ормуз, Багдад, Мосул, Эдесса, Алеппо и Дамаск в Иерусалим. Затем, посетив Египет и Кипр, в 1353 г. он направился через Неаполь и родную Флоренция в Авиньон.

Здесь он рассказывает Папе о своём путешествии и передаёт ему послание Узбек-хана. Папа Иннокентий VI признал заслуги флорентийца, назначив его епископом Бизиньяно (на юге Италии). По-видимому, однако, Мариньолли так и не приступил к своим обязанностям, ибо во время церемоний коронации в Риме в 1353–1354 годах он был удостоен чести императора Священной римской империи Карла IV и доставлен ко двору в Праге в качестве своего духовника.

Джованни де Мариньолли, францисканский монах и путешественник, поддерживал тесные связи с Карлом IV, что сыграло значительную роль в его церковной и интеллектуальной карьере. После возвращения из Китая в 1353 году Мариньолли вновь оказался в окружении Карла IV, уже короля Богемии, и пользовался его покровительством. По распоряжению императора он участвовал в составлении чешских хроник, завершённых около 1360 года и известных как Chronicon Bohemiae. Этот труд, насыщенный воспоминаниями о дальних путешествиях, представляет ценность для изучения средневековых

представлений о странах Центральной, Восточной и Южной Азии; однако он был надолго забыт и опубликован лишь в XVIII веке.

Сочинение Мариньолли «Путешествие на Восток» является важным источником по истории его миссии, хотя отличается меньшей конкретностью по сравнению с трудами других путешественников. Обобщённый характер описаний, возможные заимствования из более ранних сочинений, в частности работ Марко Полоа, а также влияние миссионерских и дидактических задач требуют критического подхода к тексту и осторожной интерпретации содержащихся в нём сведений. Некоторые географические и хронологические ошибки также подрывают доверие к его описаниям.

Существует путаница в названиях мест и датах событий. Вместо цельной картины, отдельные фрагменты его путешествий были включены в различные главы богемских хроник. Эти фрагменты, хотя и экранизированы, не вошли в основной текст киноматериалов, а стали дополнениями к главам, в основном не связанным с путешествиями Мариньолли и странами Востока.

Например, глава «О сотворении мира» содержит краткое описание миссии Мариньолли к великому хану, глава «О рае» включает информацию о четырёх великих реках мира, а глава «Надёжность наших предков» содержит сведения об индийских и китайских тканях и других предметах [167]. Хотя некоторые критики относятся к «Путешествию на Восток» Мариньолли крайне скептически из-за его необычного способа представления географического материала и низкой продуктивности содержания, а также сомнительной доходности проекта, критика автора не всегда оправдана. Тем не менее, некоторые из нападок на него, хотя и не лишены оснований, но являются слишком строгими и несправедливыми.

Записки Джованни де Мариньолли, несмотря на критическое отношение в историографии, сохраняют значение как источник по истории путешествий и миссионерской деятельности XIV века. Они отражают уровень знаний, мировоззрение и интеллектуальные горизонты своего времени и требуют осторожного анализа с обязательным сопоставлением с другими свидетельствами. По сравнению с более известными путевыми сочинениями, такими как труд Марко Поло, Джованни Монтекорвино, псевдо-Бурхардта или Журдена де Северака, записки Мариньолли обладают меньшей фактической насыщенностью, однако представляют интерес как отражение восприятия мира «рядовым» образованным человеком позднего Средневековья.

Они отражают уровень знаний и мировоззрение эпохи, соотносимые с интеллектуальной средой времени Джованни Боккаччо и Франческо Петрарки[168]. Как автор литературного произведения, он часто цитирует первоисточники, однако, чтобы избежать непонимания со стороны читателя, он использует литературный приём в виде отрывков, который помогает удержать внимание читателя и избежать нежелательного влияния восточной экзотики.

Особое внимание уделяется описанию Цейлона, где, если отбросить библейские аллюзии и заменить их более местными, можно увидеть реальную

флору тропического острова, а также проникнуть в обычаи буддийских монахов и результаты их деятельности.

Во многих цейлонских фрагментах Мариньолли перекликается с цейлонскими очерками российского путешественника И. П. Минаева [169]. Глубочайший интерес исследователя вызывает вопрос: в какой мере идеи Мариньолли характерны для самого императора Карла?

По-видимому, важные темы и мотивы, затронутые в работе Мариньолли, нашли свое отражение в хронике под влиянием взглядов и предпочтений императора. Карл IV был непосредственным заказчиком хроники и активно участвовал в её редактировании, можно с большой долей вероятности предположить, что «Богемская хроника» Мариньолли является не только остроумным изложением истории чехов, но и важнейшим документом выражающий идейную и историософскую концепцию самого императора.

Конечно, Карл не является автором (или соавтором) хроники, но в направлении мысли Мариньолли, образов, на основе которых строится повествование, явно просматривается влияние имперской и придворной идеологии.

Вероятно, Карл IV внёс существенный вклад в содержание и структуру хроники, ориентируясь на свои собственные представления и интересы, что сказалось на общей концепции и характере работы. Первый чешский король, ставший императором Священной Римской империи, считал, что не только он сам, но и его королевство избраны Богом для величайшей миссии — спасения христианской вселенной, что находит своё политическое выражение в идее Священной Империи.

Эта идея Карла стала тем семенем, из которого выросла идеологическая концепция Мариньолли, расширившая роль Королевства Богемия до глобального уровня и превратившая его в «рай всех рая». Идеологическая концепция Мариньолли оказала непосредственное влияние на чешскую придворную интеллигенцию и, следовательно, на гуситское мессианство XV века, имеющее одну из важнейших основ в идеологии двора Карла IV.

Поэтому роль «Чешской хроники» Джованни Мариньолли ни в коем случае нельзя недооценивать, как это было принято в чешской историографии, которая полагалась лишь на недостоверность изложенных в ней данных, ибо они имеют реальное идейно-культурное значение для памятника наука ещё не оценена [169].

Доминиканский монах, и убеждённый приверженец католической традиции, Рикольдо да Монтекроче жил в период острого противостояния христианского и исламского миров. Рикольдо родился около 1243 года в Монте-де-ла-Кроче, недалеко от Флоренции, Италия. Он вступил в орден доминиканцев и получил отличное образование, характерное для монаха того времени, изучая богословие и философию, что отразилось на его дальнейшем стиле письма и схоластической аргументированности своих тезисов.

В 1267 году, он вступил в ряды ордена братьев-проповедников во Флорентийском конвенте Санта-Мария-Новелла. Доминиканцы, к которым

принадлежал Рикольдо, активно занимались миссионерской деятельностью и полемикой с еретиками и представителями других религий, что определило его будущие интересы и путешествия.

Доминиканский орден в определённой степени, конкурировал с францисканским. А после 1272 занимался преподаванием в иных конвентах Тосканы, в том числе, в Пизе, при церкви Санта-Катерина. Его работы, такие как «Contra Legem Sarracenorum» («Против закона сарацин») и «Confutatio Alcorani» («Опровержение Корана»), а также приписываемый ему «Christian Fidei Confessio facta Sarracenis» представляют собой попытку доказать превосходство христианской веры над исламом и очевидную пропаганду католической веры. В данных трудах Рикольдо полемизирует с исламом, излагая критику мусульманских верований и практик. Эта работа была популярна в средневековой Европе и использовалась в богословских дискуссиях.

Вопреки враждебному отношению Рикольдо да Монтекроче в адрес пророка Мухаммеда, в его трудах заметно конкретное знание канонов ислама и содержание Корана. Критика Рикольдо, хоть и не лишена предвзятости, но демонстрирует знание фактов о богословских принципах ислама. Доминиканец также не повторяет грубых ошибок других средневековых богословов, выступающих против ислама.

Монтекроче признает Мухаммеда как создателя отдельной религии, а не добавляет его в список христианских еретиков, как было принято раньше [170, с. 59-68]. Также, Монтекроче подвергал критике и другие конфессии, соперничающие с христианством. Его позицию можно было назвать, в определённой степени, ориенталистской и антисемитской, по современным стандартам, что естественно было нормой мышления в контексте Высокого Средневековья. В книге «Contra errores Judæorum» (Против ошибок Евреев) он выступает против третьей авраамической религии — иудаизм, а также обряды и традиции еврейского народа.

Не оставил Рикольдо без внимания и восточные народы и их верования, включая буддизм и индуизм, абсолютно чуждые авраамическим конфессиям. Его книга буквально называется «Libellus contra nationes orientales» («Против восточных народов»), а третий и последний из его трудов в данной сфере это «De variis religionibus» («О других религиях»). Все три трактата были написаны им после возвращения в Европу. В 1360 г. сочинения Рикольдо были переведены на греческий язык византийским богословом Димитрием Кидонисом. В XV веке с этого перевода появился частичный русский вариант, который позднее вошёл в Великие четьи-минеи митрополита Макарий и был помещён под 31 июля под названием «Сказание о сарацинской вере» [171].

Перу Рикольдо принадлежит также отдельные богословские трактаты. В соавторстве с Джованни из Пистойи, в 1285 году, он опубликовал труд в защиту учения выдающегося христианского богослова Фомы Аквинского. Позже он написал комментарии к труду Петра Ломбардского — Libri sententiarum. Сочинения доминиканского монаха Рикольдо да Монтекроче

были ориентированы на апологию христианства и полемику с исламом, что отражало конфессионально-политический контекст конца XIII века. Вместе с тем его труды содержат детальные и аналитически выстроенные описания мусульманского мира, которые способствовали более глубокому пониманию исламской культуры и религии в европейской среде и активно использовались теологами и миссионерами.

Высокая оценка его интеллектуальной и миссионерской деятельности со стороны руководства доминиканского ордена обусловила разрешение на паломничество в Святую Землю и направление его с миссией на Восток. В конце XIII века Рикольдо предпринял путешествие, охватившее регионы от Византии до Персии и Ирака; после прибытия в Акру он продолжил путь через Галилею в направлении Тивериадского озера. По возвращении в Акр, он осуществил посещение множества священных мест, включая Яффу, Иерусалим, Иордан и Мертвое море.

Затем он продолжил свой путь вдоль береговой линии, проходя через города Триполи и Тортоса на север в Киликию [169]. От порта Айяс в Киликии он начал своё путешествие в Иран, преодолевая горные хребты Тавра, проходя через Сивас и Эрзерум. В течение нескольких месяцев он проповедовал христианство в Тебризе, центре правления Хулагуидов, и смежных территориях, после чего отправился в Багдад, пройдя через Мосул и Тикрит. В Месопотамии (современные Ирак и Сирия) Рикольдо посетил Багдад, тогдашний центр Аббасидского халифата.

В Багдаде он наблюдал за исламской культурой, научными достижениями и религиозной жизнью мусульман. В Багдаде доминиканец погрузился в изучение арабского языка, учитывая предыдущий неудачный опыт использования переводчиков в Малой Азии. Для того, дабы делать предметную полемику с мусульманами, он штудировал Коран и другие тексты по исламскому богословию. В этих местах он изучал исламскую культуру и религию, встречался с мусульманскими учёными и теологами.

В 1290 году Рикольдо начал работу над переводом Корана на латынь, однако остаётся неясным, был ли этот процесс завершён. В это время он получил известие о захвате Акры мамлюками, сопровождаемом появлением христиан-рабов из Палестины, направленных на продажу в Ирак. Это стало дополнительным источником скорби для него из-за гибели доминиканцев в Акре. Впоследствии Рикольдо вынужден был покинуть Багдад и заняться работой погонщика верблюдов из-за усилившихся гонений на христиан и иудеев после восшествия на престол ильхана Газана в 1295 году.

Тем не менее, вскоре репрессивные меры были отменены. В Восточном регионе Рикольдо вступил в противоречия с несторианами и активно выступал против них в их церкви. Рикольдо обратился с этим вопросом к несторианскому патриарху Яхбаллахе III, который согласился с ним в том, что учение Нестория, а именно диофизическую природу Христа, является еретическим. Данный жест, мог в теории привести к слиянию Римско-Католической церкви и Восточной церкви.

Однако Яхбаллаха был отвергнут его собственными последователями, и Монтекроче не удалось распространить католическую версию христианства среди несториан [172, с. 411]. Монгольские власти разрешили ему строительство церкви, но запретили проповеди в общественных местах. Проведя около тринадцати лет на Востоке, Рикольдо вернулся во Флоренцию примерно к 1301 г., где занял пост субприора, а с 1315 г. стал приором конвента Санта-Мария-Новелла.

Его Liber peregrinationis («Книга странствий», ок. 1288–1291) представляет собой типичный для Средневековья путеводитель для миссионеров и паломников, отличающийся живыми описаниями восточных земель. В дневнике путешествия по Палестине (1288–1289) автор сочетает подробные сведения о святых местах с личными наблюдениями и впечатлениями.

Рикольдо да Монтекроче оставил весомый след в истории христианства, как автор первого упоминания о подлинном маршруте Иисуса Христа на гору Голгофа, получившее известность как Путь Скорби, или же Via Dolorosa [173]. В 1294 году, тот упоминал о «пути, по которому Христос восходил, неся крест», а также особый ритуал шествия паломников по улицам Иерусалима.

Во второй части сочинения Рикольдо описывает свои странствия по Персии и даёт характеристики быта, обычаев и верований тюрков, монголов, курдов, евреев и восточных христиан — несториан и яковитов. Центральное место при этом занимает критика ислама и Корана. Интерес к этой части обеспечил её быстрый перевод на итальянский и французский языки; текст также использовался при создании Новой хроники Джованни Виллани.

Отдельное место занимает цикл Epistolæ de Perditione Acconis («Плач о падении Акры», ок. 1292) — пять писем, написанных как отклик на взятие Акры. Потеря города стала для современников, включая самого Рикольдо да Монтекроче, символом окончательного краха крестового проекта на Востоке. В европейском сознании падение Акры означало не только утрату последнего христианского оплота в Леванте, но и потерю стратегических торговых путей, усилив ощущение глубокого кризиса христианского мира.

Христиане воспринимали падение Акры как поражение не только в военном, но и в религиозном плане, подчёркивая неспособность сохранить и защитить священные места христианства от «неверных» исламских захватчиков. Рикольдо находит объяснение провала в том, что государства крестоносцев Утремера прекратили получать достаточную поддержку от других христианских стран, так как идея мученичества за Иерусалим уже не приносила моральное удовлетворение [174]. Было ясно, что обращение ханов не могло не повлечь за собой, по крайней мере в долгосрочной перспективе, обращение их подданных.

Стратегия на союз с монголами и «Жёлтый Крестовый поход» не оправдалась. В этот период папский престол активно осуществлял миссионерскую деятельность, в основном в монгольско-персидском царстве, где правили преемники Хулагу. Постоянные конфликты с мусульманами

заставляли монголов искать союзников среди христиан. Для пап монгольские правители персидского происхождения казались самыми ценными союзниками во время крестовых походов, и поэтому на обращение их были направлены значительные ресурсы.

Восточные и китайские монголы также были объектом внимания папства, однако их удалённость от запада и театра крестовых походов привели к менее энергичным усилиям со стороны пап в их обращении. А погодя, с началом процесса дробления и падением авторитета великих ханов, эти попытки почти прекратились [175, с. 121]. Однако латинская миссия среди восточных татарам не смогла извлечь выгоду из этого. Отсутствие папских интриг или их менее активное проявление позволили латинской пропаганде принести здесь гораздо больший успех, чем в Персии [178, с. 67].

Латиняне пытались найти причину просчёта их политических замыслов; так, Рикольдо де Монтекроче утверждал, что христианизация татар осуществлялась через их государей и государыней и что Запад отнёсся к принятию исламского закона Ильханом Газаном (1295–1304) как к событию чрезвычайной значимости для христианского мира.

Политика «*cujus regio, ejus religio*» («чья страна, того и вера») не стала политикой тюрко-монголов. Переходя в ислам, Ильханы приказывали монголам следовать за ними. Главным препятствии в распространении истинной христианской веры среди татар, по мнению Рикольдо де Монтекроче были бахсы — шаманы и знахари, носители традиционных обрядов тюркских кочевых народов.

Преследования против иудеев и христиан, которые были предприняты Наурусом, советником новообращённого мусульманина ильхана Газана, в ходе которых определённое число монахов христиан было умерщвлено, другие были принуждены к отступничеству, а третьи, более множественные, сосланы (благодаря «снисходительности государя», как выразился Рашидаддин), нанесли христианству и иудаизму в государстве Хулагуидов очень чувствительный удар. Но сомнительно, что Рикольдо да Монтекроче пострадал от данных репрессий.

Довольно скоро притеснения по религиозному признаку были отменены, как чрезмерное действие. После завершения своих путешествий Рикольдо вернулся в Италию, где продолжил свою работу в доминиканском ордене, посвящая себя литературной и миссионерской деятельности. Косвенным образом, но записки Монтекроче оказали сильное воздействие на итальянскую литературу, благодаря потенциальному знакомству миссионера с классиком и поэтом Данте Алигьери — другим прихожанином конвента Санта-Мария-Новелла [179].

Данте, по-видимому, мог быть знаком с Рикольдо да Монтекроче ещё до его отъезда на Восток и, вероятно, знал о его миссии. Доминиканец, судя по его сочинениям, не рассматривал крестовые походы как эффективный путь решения религиозных проблем, отдавая предпочтение мирному диалогу. Этот подход мог отразиться в словах, которые Данте Алигьери вкладывает в уста Фома Аквинский, рассказывая о наставлении святого Франциска египетскому

султану аль-Камилю. Труды Рикольдо да Монтекроче, вероятно, служили для Данте важным источником представлений о Востоке и исламе [180, с. 49].

Рикольдо да Монтекроче стал ориентиром для последующих миссионеров, демонстрируя модель активного взаимодействия с представителями иных религий и культур. Его сочинения получили широкое распространение в Европе, были переведены на несколько языков и сохранились в значительном числе рукописных и печатных версий, что свидетельствует об их устойчивом интересе и значимости.

В историографических и пропагандистских текстах, посвящённых крестовым походам, татаро-монголы Ильханата и Золотой Орды занимали заметное место в период с конца XIII до середины XIV столетия. При этом образ Ильханов формировался преимущественно в позитивном ключе — их рассматривали как потенциальных и желанных союзников христианских держав. В противоположность им «северные татары» Золотой Орды воспринимались как серьёзная угроза крестоносным инициативам, а также как наиболее надёжные партнёры основного противника крестоносцев — Мамлюкского Египта.

Характерно, что в сочинениях пропагандистов крестовых походов проявляется двойственное отношение к процессам исламизации среди татаро-монгольских элит: с одной стороны, опасения вызывало распространение ислама в их среде, с другой — утверждалось, что обращение в ислам приведёт к ослаблению их военной силы. Примечательно, что именно в период усиления исламизации в Золотой Орде и Ильханате во второй половине XIV века наблюдается постепенный упадок их военно-политического могущества. Этот процесс, в свою очередь, создал благоприятные условия для укрепления позиций османов в Малой Азии и на Балканах и подготовил почву для формирования новой исламской державы, простиравшейся на трёх континентах, — Османской империи.

Комплексное изучение политических, экономических и религиозных аспектов позволило выявить внутреннюю динамику отношений между итальянцами и монгольскими правителями. Политический компонент выражался в стремлении Папского престола и итальянских республик наладить союзные отношения с монголами, рассматриваемыми как потенциальных союзников в борьбе против исламских государств. При этом монгольская дипломатия опиралась на идею верховной власти хана, что ограничивало возможности реального равноправного союза. Тем не менее достигнутые соглашения позволили создать основу для функционирования итальянских торговых и миссионерских миссий в регионе.

Экономическая составляющая взаимодействия приобрела исключительное значение. Генуэзские и венецианские колонии в Причерноморье и Центральной Азии стали ключевыми узлами транзитной торговли между Европой и Востоком. Именно итальянцы внедрили в евразийский контекст новые формы кредитно-банковских операций, вексельное обращение и методы страхования торговых рисков.

Однако экономическая активность сопровождалась конфликтами, связанными, прежде всего, с работорговлей, центром которой стала Каффа. Работорговля, обеспечивавшая спрос со стороны Мамлюкского султаната, одновременно подрывала доверие между итальянцами и местными правителями, создавая очаги напряжённости. Религиозный аспект дополнял политический и экономический. Францисканцы и доминиканцы фиксировали уникальные сведения о быте, языке, культуре и религиозных практиках народов Центральной Азии, тем самым закладывая основы будущих этнографических исследований.

Несмотря на ограниченный миссионерский успех, их деятельность имела долговременное значение для формирования европейских представлений о Востоке. Совокупность политического, экономического и религиозного измерений показывает, что итальянско-монгольские контакты представляли собой комплексную систему взаимодействий, где прагматические интересы превалировали над идеологическими устремлениями.

Иллюстративный материал содержится в Приложении Б.

3 ПОСЛЕДСТВИЯ ИТАЛЬЯНСКО-МОНГОЛЬСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ И НАУЧНАЯ ЦЕННОСТЬ ЭКСПЕДИЦИЙ

3.1. Восприятие держав монголосферы через записки итальянских путешественников

В данной главе рассматриваются представления о монголах и государствах системы Pax Mongolica. Марко Поло, в частности, оказал значительное влияние на Колумба, который использовал его записи при планировании своего путешествия в Америку. Среди основных факторов, способствовавших этому, были начало Ренессанса на Западе и самостоятельное развитие средневековых государств, созданных на месте Монгольской империи на востоке. Это означает, что народы Запада и Востока начинают узнавать друг друга заново или заново. Человечество пережило столько подобных процессов, чтобы узнать друг друга. Это были Великие географические открытия в мировой истории, «освоение» Востока западными путешественниками и такие масштабные процессы. Среди западных стран, пытавшихся овладеть потусторонним миром, активно действовали средневековые итальянские государства.

Несмотря на свой небольшой государственный характер, они познакомились с «жизнью» крупнейших государств и народов очень отдалённых регионов. Для этого он установил контакты в различных сферах. Наиболее основными сферами связей являются торговля, характеризовались посольскими и религиозными связями. Одной из ветвей связей, установленных средневековыми итальянскими государствами со странами Востока, были Ильханат, Мамлюкский султанат, Золотая Орда и государство Тимуридов.

В какой бы период ни был, в изучении мировой истории не утратили своей актуальности вопросы, касающиеся связей между итальянскими республиками и странами Востока в Средние века. Причины этого характеризуются изменением исторических взглядов и научных концепций, в основном связанных с течением времени. Также необходимо рассмотреть сложившуюся историю на основе новых материалов и дополнить её другими аспектами.

В качестве одного из них можно указать, что торговые отношения и взаимные посольские отношения итальянских морских республик и государства Мамлюков являются не только межгосударственными связями, но и историческими факторами, связывавшими два континента, и, что наиболее важно, одним из направлений средневековой дипломатии. Описывая, что в Средние века и Раннее Новое время международная дипломатия также занимала своё место, современные исследователи даже называют её своего рода общим ключом к средневековому Востоку и Западу. В основном западные исследователи убедившись в том, что в Средние века международная дипломатия имела свойственный ей характер, он указывает на то, что в то время она была главным ключом к межгосударственному богатству.

Любопытна интерпретация Марино Санудо Торселло, автора сочинения «Книга тайн верных креста». Источники по монгольской истории, на которые он опирался, во многом восходят к трудам армянского принца Хетума, известного также как Хетум Патмич («Хетум Историк») [181].

В «Цветнике историй стран Востока» Хетум подробно описывает поездку своего дяди — киликийского царя Хетума I (1226–1270) — в Каракорум в 1254 году. Очевидно, что именно этот текст оказал заметное влияние на Санудо, который высоко оценивал осведомлённость армянского автора в восточных делах. Заимствования из Хетума привели и к некоторым преувеличениям, прежде всего в вопросе распространения христианства: так, Мункэ (Манго) и Хубилай у Хетума и Санудо представлены как христиане [182, с. 236]. Деятельность итальянских путешественников XIII–XV веков привела к значительным итогам, которые оказали глубокое влияние на Европу и мир в целом.

История о принятии ханом Мункэ христианства, пересказанная в «Книге тайн верных креста» Марино Санудо, представляет собой пример политического и религиозного мифа, направленного на укрепление идеи сотрудничества между христианским Западом и монголами. Этот сюжет имеет важное значение для понимания средневековой дипломатии, а также для анализа христианских представлений о «дружелюбных» монголах как потенциальных союзниках в борьбе с мусульманским миром.

В XIII веке монгольская экспансия достигла своего апогея, охватив обширные территории от Восточной Азии до Восточной Европы. Для европейских монархов и папства Монгольская империя представляла как угрозу, так и возможного союзника против общих врагов, особенно мусульманских государств на Ближнем Востоке. Армянский царь Хетум I активно взаимодействовал с монголами, стремясь заручиться их поддержкой в борьбе против мусульманских соседей. Его поездка в Каракорум в 1254 году стала важным дипломатическим событием, интерпретированным в европейских источниках как попытка сближения монголов с христианским миром.

Семь требований, которые, согласно латинской традиции, Хетум I якобы предъявил хану Мункэ, отражали не только интересы армянского царства, но и более широкие ожидания христианского мира. В их числе фигурировали обращение монголов в христианство, установление вечного мира (pax perpetua) между татарами и христианами, освобождение духовенства от налогов, поддержка крестовых инициатив на Ближнем Востоке, устранение багдадского халифа, а также гарантии безопасности и территориального восстановления Армении [182, с. 265–266].

В изложении Марино Санудо Мункэ якобы принял данные условия, за исключением требования о принудительном обращении подданных в христианство, что подчёркивает идеализированный и во многом программный характер данного нарратива [182, с. 237]. Это согласие могло быть представлено как пример гибкости монгольской политики, которая традиционно была веротерпимой и прагматичной. Однако в действительности

такие заявления, скорее всего, были адаптированы европейскими авторами для укрепления идеи о возможной монголо-христианской коалиции.

Распространение легенды о крещении Мункэ отражало попытки христианских авторов осмыслить взаимодействие с иной культурой через религиозные категории. Монгольский хан изображался как разумный правитель, готовый признать превосходство христианской веры, что должно было вдохновить европейских правителей на сотрудничество с монголами. Источники не подтверждают обращение Мункэ в христианство; данная версия, по-видимому, относится к сфере латинской пропаганды, направленной на обоснование идеи крестового похода и поиск потенциальных союзников.

Интерпретация этого сюжета у Марино Санудо Торселло и ряда других авторов демонстрирует характерное для средневековой дипломатической мысли переплетение политических целей с мифологизированными и преувеличенными нарративами.

Легенда о «семи прошениях» царя Хетума и крещении Мункэ отражает механизм адаптации образа монголов к западноевропейским религиозно-политическим ожиданиям. В этом же контексте завоевание Багдада в 1258 году войсками Хулагуа и гибель халифа аль-Мустасима интерпретируются не как самостоятельное решение монгольского правителя, а как следствие реализации политических замыслов Хетума, что подчёркивает условность и идеологическую направленность подобных реконструкций.

Изложение истории крещения хана Мункэ, несмотря на её сомнительность, нашло место в трудах армянского интеллектуала и принца Хетума, а также в трактате Марино Санудо Торселло. Эта легенда, приукрашенная и далёкая от реальности, тем не менее оказалась востребованной среди современников, воодушевлённых идеей возрождения крестоносного движения.

Этот текст содержит мотив «обратной конспирологии», который демонстрировал европейской аудитории утешительный нарратив. В нем утверждалось, что действия могущественных восточных правителей, например, победоносный поход монгольского хана на Багдад в 1258 году, якобы происходили под влиянием менее значимых христианских монархов. Такой подход позволял европейцам воспринимать себя активными участниками межкультурного взаимодействия, где установление личных связей с правителями Востока могло стать инструментом манипуляции или влияния.

Представление о предполагаемом обращении монгольского правителя в христианство под влиянием армянского царя, по-видимому, сформировало интеллектуальный фон, в рамках которого Георгий Трапезундский позднее выдвигал проекты христианизации султана Мехмеда II, тогда как в описании мусульманских держав эпохи Санудо центральное место отводилось иранскому Ильханату, что объяснялось как стремлением автора осмыслить возможности альтернативных торговых маршрутов через Евразию в обход Египта, так и спецификой круга доступных ему источников.

Санудо, активно использовавший труды Хетума, уделял внимание Ильханам, так как их царская семья находилась в вассальной зависимости от

Хулагуидов. В его представлении монгольская система «Pax Mongolica», распавшаяся в его время на несколько конкурирующих государств, возглавляемых ветвями Чингизидов, обладала значительным потенциалом для европейской торговли и политики. Особое внимание Санудо уделял Хулагуидам, что связано с их контролем над важнейшими торговыми маршрутами, а также их длительным противостоянием с Египтом и Золотой Ордой.

В своих записках он называл всех монгольских правителей императорами, используя этот термин для адаптации ханского титула к европейскому контексту. Исходя из этого, его работы не только отражали особенности монгольской политической системы, но и подчёркивали значение Хулагуидов как ключевых игроков в международной торговле и дипломатии того времени. Такой подход Санудо демонстрирует не только его осведомлённость о политической и экономической значимости региона, но и попытку создать воодушевляющий образ сотрудничества христианского мира с Востоком. Сюжет падения Багдадского халифата под ударами монгольских войск получил отражение в сочинении Марино Санудо Торселло «Книга тайн верных креста». Обращаясь к событиям 1258 года, автор фиксирует их следующим образом:

«*В том же году татары завладели землей Арсасидов и всей Персидой, а в Бальдаке они обезглавили калифа Бальдакского*» [182, с.221].

Разгром Аббасидского халифата, как и уничтожение крепости Аламут, традиционно связывается с деятельностью монгольского военачальника Хулагу — сына Толуя и брата Хубилая. Однако в изложении Санудо личность предводителя этих событий остаётся не обозначенной по имени. Вместе с тем венецианский автор не ограничивается кратким упоминанием о гибели халифата. Ранее в тексте он уже обращается к версии Хетума, согласно которой взятие Багдада войсками Хулагу рассматривалось как часть предполагаённого соглашения между царём Киликийской Армении Хетумом и великим ханом Мункэ.

Соответствующий пятый пункт данного соглашения Санудо передаёт следующим образом:

«Он (Манго, как Мункэ назван у Санудо) должен был приказать татарам, находившимся в Турции, двинуться на уничтожение Бальдака и его калифа, поскольку там находились исток и глава заблуждения нечестивого Махумета» [182, с.236].

В данном фрагменте Санудо выстраивает идеологическую аналогию между неизбежностью разгрома Багдада и собственной программной задачей — ликвидацией Египта как ключевого политического и религиозного центра исламского мира. К этой теме он возвращается в другом разделе своего сочинения, где история падения Багдада излагается более развернуто и дополняется подробностями, касающимися судьбы халифа.

«Халао (Хулагу), расположив гарнизон в царстве персов, отправился в провинцию Армении, именуемую Саларк, и отдыхал там весь срок летней жары в неге и покое. С приходом же зимы он призвал тридцать тысяч татар

из царства Турции, двинулся осаждать Бальдак и со всех сторон окружил его. Калиф багдадский же, поняв, что повсюду окружен, ведь был он малой доблести, а народ, ему подвластный, был робок, изнежен и не приспособлен к ратному делу, решил отправить к Халао посланников просить мира. Халао притворился, что благосклонно принял их слова, и сказал, что якобы очень жаждет встречи с самим калифом. Когда это было ему обещано, он привёл с собой внутрь города вооружённые войска и захватил власть. [Это случилось в] 1258 году. В горло пленному калифу он повелел залить жидкое золото, укоряя его за алчность, ведь тот, обладая в изобилии несметными сокровищами, удерживаемый лишь сребролюбием, отказался их потратить ради собственного блага. А после смерти калифа Халао овладел всей областью. И была у него жена-христианка Дотускатон, которая происходила от тех самых трёх царей, что пришли вслед звезде поклониться Христу. Она добилась от своего супруга, чтобы храмы сарацинские были разрушены, а омерзительнейшему Махумету все перестали поклоняться; и оказались сарацины под самым тяжким рабством» [182, с. 238].

Санудо использует известный дидактический сюжет не столько для пересказа, сколько для моральной оценки образа халифа, в котором концентрируются приписываемые «сарацинам» пороки — высокомерие, алчность, трусость и склонность к роскоши. Показательно и его отношение к Докуз-хатун, супруге Хулагу и покровительнице христиан: несмотря на традиционную критику несториан, в контексте борьбы с мусульманами автор практически игнорирует конфессиональные различия среди иранских христиан. Краткие упоминания о падении Аббасидов и казни халифа аль-Мустасима (1242–1258) тем самым становятся элементами сконструированного Санудо образа мусульманского мира. Примечательно, что в описаниях этих событий Санудо отходит от данных Хетума, на которые он полагался в других частях своего труда. Возможно, это связано с желанием автора более самостоятельно интерпретировать события в рамках своей идеологической концепции.

История падения Багдадского халифата и гибели последнего халифа аль-Мустасима широко обсуждалась в средневековых источниках. Ближайший соратник короля Франции, Людовика IX, Жан де Жуанвиль изложил эти события в жизнеописании своего государя, опираясь на рассказы купцов, услышанные им под Сидоном (Сайеттой) в 1258 году. По их свидетельствам, во время осады Багдада Хулагу, именуемый «королём татар», прибег к обману: под видом переговоров о династическом браке он склонил халифа направить в монгольскую ставку около 120 представителей городской знати, где те были умерщвлены. После этого халиф был захвачен в плен, заключён в железную клетку и умер от голода.

«И потом [король татар] спросил, голоден ли он [халиф]. И халиф ответил, что да; и это было неудивительно. Тогда король татар приказал принести ему большое золотое блюдо, наполненное украшениями из драгоценных камней, и сказал ему: «Тебе знакомы эти драгоценности?» И халиф ответил, что да: «Они были моими». И тот спросил, любит ли он их. И халиф ответил, что любит. «Раз ты их любишь,— произнёс король

татар,— то возьми из них сколько хочешь и ешь». Халиф ответил ему, что не может, ведь это не пища, которую едят. Тогда король ему сказал: Теперь ты видишь, в чем было твоё спасение. Если бы ты раздал свои сокровища… воинам, то оказался бы защищён от нас» [183, с. 586–587].

Схожим образом описывал злосчастную кончину «бодакского калифа» Марко Поло, также приводя диалог между халифом и Алау (Хулагу):

«Приказал Алау заключить калифа в ту самую башню с казною и запретил давать ему есть и пить. «Калиф, — говорит он ему потом, — ешь своё богатство, сколько хочешь, полюбилось оно тебе сильно, и не будет тебе никогда никакой еды!» Умер калиф через четыре дня после того, как посадили его в башню» [46].

Повести о падении Багдада и гибели халифа аль-Мустасима, подобные версиям Хетума, Марко Поло и изложению в «Книге тайн верных креста», воспринимались прежде всего как назидательные сюжеты, что обеспечило им широкое распространение в средневековой книжной традиции. Византийские, армянские и латинские хроники уделяли внимание ключевым аспектам: жадности халифа и его трагическому концу, что перекликалось с судьбой римского полководца Марка Лициния Красса, погибшего от рук парфян. Например, такие источники, как записи Рикольдо де Монтекроче или анонимного автора-тамплиера из Тира, утверждают, что аль-Мустасим был казнён, когда ему в горло вливали расплавленное золото, что стало метафорой наказания за его алчность. Эта версия оказала влияние на трактат Марино Санудо Торселло, который представил халифа как правителя, неспособного управлять ресурсами своего государства и не уделявшего внимания укреплению армии, что привело к его гибели. Санудо использовал эту историю, чтобы подчеркнуть моральный урок: жадность и неразумное распоряжение богатством ведут к катастрофическим последствиям.

Центральный символизм, построенный вокруг «пищевого кода», усиливал назидательный смысл этого анекдота. Однако исторические источники разнятся в описании обстоятельств смерти аль-Мустасима. Рашид ад-Дин, официальный историограф Ильханов, писал, что халифа казнили 20 февраля 1258 года в деревне Вакф, вместе с его сыном и приближенными, не уточняя способа казни. Данная версия вступает в противоречие с распространённым преданием о гибели халифа в багдадской сокровищнице среди накопленных богатств. В трактате Санудо, напротив, подчёркивается, что казнь произошла в самом Багдаде, что придаёт описываемым событиям дополнительное символическое значение.

В сочинениях Рашид ад-Дина аль-Мустасим изображается как слабый и малодушный правитель, неспособный противостоять монгольскому вторжению. Его встреча с Хулагу-ханом, сопровождавшаяся пышным пиром победителя, служит иллюстрацией морального и политического краха халифа, который в историографической традиции нередко трактуется как закономерный итог его личных качеств.

«Он [Хулагу] повелел призвать халифа и сказал: «Ты-де хозяин, а мы гости, покажи-ка, что у тебя есть для нас подходящего». Халиф понял смысл

этих слов, задрожал от страха и так перепугался, что не мог припомнить, где ключи от хранилищ»[70].

В мусульманских исторических сочинениях XIV века, начиная с трудов Абдуллаха Вассафа, современника Марино Санудо, утвердилась версия, согласно которой побеждённый халиф был завернут в ковёр и лишён жизни в соответствии с монгольским обычаем, запрещавшим проливать царственную кровь [184, с. 293]. Эту же традицию воспроизводит и багдадский автор Ибн ал-Фувати [185]. Как отмечал иранист Гай Ле Стрейндж, «к несчастью, до нас не дошёл ни один нарратив, оставленный очевидцем данных событий» [184, с. 295]. Однако текст Санудо поднимает несколько значимых аспектов, касающихся восприятия, истории и трансформаций Ильханата, а также интерпретации событий в латинском и восточном дискурсах.

Версия о казни последнего багдадского халифа аль-Мустасима расплавленным золотом, часто приводимая западными авторами, может рассматриваться в контексте алхимической традиции. Этот акт символизирует тщетность стремления к бессмертию и власти через материальные средства. Рашид ад-Дин сообщает, что ильхан Аргун (1284–1291), внук Хулагу, стремился продлить свою жизнь с помощью особого средства, приготовленного для него бахши [186, с.450–451], — «месивом, в котором были ртуть и сера» [70].

Упоминание о неудачных опытах ильхана Аргуна с снадобьями бессмертия из ртути и серы также отражает интерес к алхимии, характерный как для западных, так и для восточных традиций. Истории о золоте, алхимии и неудачах правителей могли широко распространяться через торговые маршруты, объединяя Восток и Запад в едином культурном пространстве. Этот фольклор служил не только развлечением, но и средством передачи моральных и философских уроков. Аргун, по версии Санудо, является примером правителя, покровительствовавшего христианам.

Однако о его увлечении буддизмом, известном из персидских хроник, в трактате Санудо не упоминается. Это говорит о целенаправленном акцентировании христианских аспектов его политики в латинских источниках.

Несмотря на провалы в алхимических экспериментах, Аргун рассматривается как активный реформатор, что укрепляет его позитивный образ в западных описаниях. Увлечение буддизмом при ильхане Аргуне (1284–1291 гг.) и его преемниках оказалось кратковременным. Однако оно демонстрирует религиозную пластичность монгольских правителей в поиске инструментов легитимности и власти. Истории подобного рода активно распространялись через купеческий фольклор, усиливая мифологизацию этих сюжетов.

«В 1282 году Абаге наследовал его брат Тангодомор [Текудер], крещённый в детстве, но ставший сарацином. Он предпочитал именоваться Махумет Хаам и склонял тех татар, кого мог, угрозами и посулами к подражанию себе. И бесчисленное множество их, что ясно видно ныне, сделались сарацинами. Он преследовал христиан и разрушал церкви до основания. Сговорившись с султаном Вавилонии, он пообещал всех христиан

или обратить в свою секту, или вырезать. О его злодеяниях его брат и племянник, сын Абаги, звавшийся Аргон, сообщил великому хааму Кобиле [Хубилаю], который осудил это, поскольку следовал пути своих предков. Услышав об этом, Махумет разгневался, убил брата и заточил Аргона в крепости. Он приказал знатным приближенным тайно умертвить племянника, а голову доставить ему. Но Аргон был спасён от опасности с помощью некого вельможи, которому его отец Абага оказал милость. После преследования Махумета Аргон схватил его и приказал убить у себя на глазах, это было исполнено по его приказу в 1285 году. Великим императором татар ему было пожаловано звание хаама. Он был внешне прекрасен, силён сложением и благоразумен в действиях. Он восстановил христианские церкви, и цари Грузии и Армении, отвернувшиеся от Махумета, вновь стали ему покорны. Когда же дошла до него просьба об освобождении Святой Земли, он ответил, что желал бы иметь мирные договоры со всеми соседями, так что [освобождение] может последовать за завершением этого дела. Но, по его завершению, он скончался на четвёртом году царствования в 1289 году 41, а наследовал ему брат Куэгато (Гайхату, 1291–1295), который шесть лет жил, как дикий зверь. Необузданный в обжорстве и роскоши, он был задушен своими же» [182].

Принятие ислама монгольской правящей верхушкой происходило в условиях внутреннего сопротивления и сопровождалось серьёзными социальными и политическими сдвигами. Показательным в этом отношении является правление Газана, первого ильхана, официально провозгласившего ислам государственной религией. В трактате Санудо эта история подана как двойственная: с одной стороны, он наносил ущерб христианским общинам, с другой — позднее оказывал им поддержку. Санудо выдвигает тезис о том, что борьба за власть и конфликты внутри монгольской элиты зачастую перерастали в религиозные преобразования, что, вероятно, служило инструментом для укрепления легитимности правителей.

Противоречивый образ Газан-хана отражает сложности процесса исламизации Ильханата. Санудо признаёт его заслуги в поддержке христиан и его борьбу с Мамлюкским султанатом, а также убийстве многих мусульманских сановников, в ходе своей борьбы за власть, но одновременно осуждает разрушение церквей.

После смерти Абу Саида Бахадур-хана государство Хулагуидов начало стремительно распадаться. Этот процесс сопровождался усилением исламских традиций, что подчёркивает окончательный переход элиты к религии большинства населения [187, с. 372]. Санудо акцентирует внимание на том, что исламизация сопровождалась экономическим и политическим упадком, что, вероятно, также отражало его идеологические предвзятости.

Марино Санудо Торселло связывал обращение монгольских правителей в ислам преимущественно с внешнеполитическими обстоятельствами, прежде всего с давлением Мамлюкский султанат. В его интерпретации гонения на христиан в период исламизации объяснялись влиянием египетского султана,

что позволяло представить исламизацию Ильханата как навязанную извне, а не результат внутренней эволюции.

Одновременно Санудо рассматривал Хулагуидов как серьёзную военно-политическую угрозу для мамлюков, особенно на сирийском направлении, и стремился представить Ильханат потенциальным союзником христианского мира. Такая трактовка исламизации Ирана носит выраженный идеологический характер и была ориентирована на обоснование христианских геополитических интересов.

Он детализирует историю религиозных изменений, подчеркивая внешнее давление и сопротивление исламизации, чтобы показать Ильханат в свете возможного восстановления христианских союзов. В целом, трактат Санудо, наряду с арабскими и персидскими источниками, предлагает многогранное восприятие трансформаций Ильханата, сочетая исторические факты с идеологическими интерпретациями и культурными мотивами.

Санудо справедливо выделяет постоянную конфликтность между Хулагуидами и Джучидами из-за контроля над Кавказом. В 1319 году Узбек-хан организовал масштабный поход против Хулагуидов, однако под Дербентом его войско понесло серьёзные потери и было вынуждено прекратить наступление. Повторная попытка вторжения в 1325 году также оказалась безуспешной: силы Узбека были остановлены хулагуидским полководцем Чобаном [188, с. 541–542]. Этот эпизод стал показателем военной мощи Хулагуидов, которые смогли перенести боевые действия на территорию Золотой Орды.

Санудо видел иранских «татар» (монгольскую элиту Хулагуидов) в качестве важных союзников в возможной антимамлюкской коалиции. Его план включал стратегию торговой блокады султаната, что ослабило бы экономическую мощь Египта. На следующем этапе он предлагал вторжение крестоносцев с моря в ослабленные владения мамлюков. Санудо подчеркивал важность дипломатических отношений с Хулагуидами.

Он рекомендовал «задобрить» их дарами, речами и приветствиями, чтобы заручиться их поддержкой в крестовом походе. Согласно его плану, монгольские войска должны были нанести удар по сирийским территориям султаната, нубийские и эфиопские копты должны были атаковать с южных границ,одновременно предполагалась морская высадка крестоносцев.

«Они [нубийские христиане] обрушатся на врагов из своей страны, а татары — из своей на страны Семо [Шам] и Сирию. Посему будет полезно добиться дружбы татар и обходительно задобрить их как дарами, так и сладостными речами, также и взаимными приветствиями» [182].

Санудо правильно определил основные геополитические императивы Хулагуидов, включая их конфликты с Джучидами и мамлюками. Это свидетельствует о его хорошем понимании региональной политики. Однако его предложение о союзе с монгольскими элитами для крестового похода отражает скорее идеологическое видение, нежели реалистичность.

Несмотря на определённые эпизоды сотрудничества монголов с христианскими государствами, разногласия между религиями и культурами

делали такой союз маловероятным. Внешняя политика Хулагуидов была многоплановой и включала как военные конфликты с соседями, так и дипломатические манёвры. Санудо видел в них потенциал для поддержки христианских интересов, но его предложения носили больше теоретический характер, основанный на идее объединения против Мамлюкского султаната.

Санудо исходил из представления о том, что татары первоначально почитали единого Бога и творца мира. В описании монгольских завоеваний эпохи Угэдэя и религиозных воззрений покорённых народов он преимущественно опирался на свидетельства Плано Карпини. Францисканец Джованни Плано Карпини, посетивший хана Гуюка в 1245–1247 годах, отмечал, что татары *«веруют в единого Бога, которого признают творцом всего видимого и невидимого»* [43].

При этом, несмотря на подобные представления, монголы в европейской традиции продолжали восприниматься как противники и угнетатели христиан. Венецианский автор оценивал традиционную монгольскую религию с культом Неба выше идолопоклонства, которое, по его мнению, было заимствовано и навязано извне, противопоставляя её исламу, неоднократно характеризуемому им как «идолопоклонство». Показательно, что область Тарс (Tarsa), населённую уйгурами, монголы XIII–XIV веков обозначали как «христианскую» — от персидского tarsak [189, с. 540].

Однако Карпини и Санудо связывали этот экзотический топоним с понятием «идолопоклонство», не упоминая ни буддизм, ни манихейство, ни тенгрианство. При этом они обходили стороной факт распространения несторианского христианства, которое уйгурские миссионеры успешно продвигали среди монгольских и тюркских кочевников в XI–XII веках.

В другой части труда Санудо упоминается несторианское христианство в Индии и области пресвитера Иоанна, но связь с регионом Тарс здесь отсутствует. Монголы заимствовали уйгурский алфавит, и в этом вопросе краткие сведения Санудо соответствуют исторической реальности.

Идея о схожести культа Неба с христианским монотеизмом появилась в Европе с первых попыток осмыслить монгольскую культуру. татары верят в единого Как отмечает А.Г. Юрченко, образ Монгольской империи, принесенный францисканцами в Европу, отразил политический миф самой империи о создании мирового государства под санкцией Неба [185, с.16–23]. Спустя десятилетия после монгольских завоеваний, венецианец Марино Санудо продолжал интерпретировать традиционную религию монголов как веру в «единого Бога».

Санудо рассматривал ильханов как потенциальных союзников в будущих крестовых предприятиях. Он последовательно апеллировал к реальным и предполагаемым примерам обращения монголов в христианство, стремясь убедить папу римского в возможности религиозной переориентации государства Хулагуидов в сторону католицизма. На этом фоне заметна активизация торговой деятельности венецианцев, генуэзцев и пизанцев на иранских рынках во второй половине XIII — начале XIV века. [190, с. 494]. Генуэзцы, опередив своих конкурентов, основали колонию в Тебризе — новой

столице и ключевом торговом центре, восстановленном при Газан-хане [191, с.194].

В первой четверти XIV века позиции итальянских торговых республик в регионе заметно укрепились. Генуэзцы пользовались особым доверием ильханского двора: именно их консулы нередко возглавляли дипломатические посольства в Европу, включая миссии к папе римскому и светским правителям [192, с. 58]. Венецианцы включились в торговую и представительскую деятельность позднее; первым известным их агентом стал Пьетро Виньоли, составивший завещание в Тебризе в 1263 году. Значительным шагом стало заключение в 1320 году послом Микеле Дельфино договора с ильханом Абу Саидом, называемым в официальных документах Венеции «император Монсаит» [193, с. 173–176].

Заключённое соглашение закрепляло за венецианскими купцами торговые привилегии, включая судебную автономию, а также предусматривало учреждение консульской должности в державе Хулагуидов. При этом в «Книге тайн верных креста» Санудо сознательно умалчивает о заметной активности генуэзцев в Персии. Это, возможно, связано с его стремлением сохранить нейтральность и дистанцию от внутрисредиземноморских конкурентов.

В то же время генуэзское влияние на торговлю региона усиливало интерес Санудо к Ирану в контексте его планов крестового похода. В отличие от ильханов, правитель Золотой Орды Узбек (1313–1341) в его изложении предстает как противник церкви, сопоставимый с египтянами. В этой связи Санудо последовательно отстаивал необходимость морской блокады между Мамлюкским султанатом и Золотой Ордой, стремясь не допустить формирования политического союза, враждебного христианскому миру. Тем не менее, итальянские города-государства также поддерживали коммерческую деятельность и с мамлюкским государством.

Историк, арабист Алессандро Риццо, проводивший обширную работу по внешней политике и дипломатии Мамлюкского султаната, опубликовал научную работу по связям мамлюков с флорентийцами [194, 5–10]. Флорентийские торговцы десятилетиями путешествовали по основным торговым центрам Египта и Сирии, посещая другие восхищались работами западных общин и встречали их с необычайными эмоциями.

В 1422 году он приобрёл порт (Порту-Пизано) и основал свой собственный торговый флот [195]. По словам Алессандро Риццо, объем торговли Флоренции с мамлюкским Египтом и Сирией был выше чем с Венецианской республикой и никогда не сравнится с другими державами, такими как королевство Арагон [196].

В следующем году флорентийцы по просьбе мамлюкского султана заключили ещё одно соглашение со своим постоянным консульством, предусматривающее ведение торговой деятельности в Александрии [197]. Среди европейских историков учёные, занимающиеся историей арабо-мусульманского мира, проводили различные исследования. Среди них особенно ценными считаются исследования голландского историка Малики

Деккиче. Историк занимался изучением дипломатии средневековых арабских стран и остановился на внешней политике мамлюков [198].

Есть основания полагать, что сведения о принятии Узбеком ислама под влиянием бахритского султана Санудо мог услышать от купцов, находясь в Египте или Сирии. Примечательно, что в 1930-е гг. Историк А. Поляк выдвинул трактовку, которая по масштабу предполагаемых связей между мамлюкским Египтом и Золотой Ордой отчасти напоминает взгляды средневекового венецианского дипломата. Однако выводы Поляка принципиально иные: он не видел в Египте самостоятельного участника отношений и описывал его скорее как зависимую территорию — своего рода «колонию» землевладельческих и торговых кругов Золотой Орды [199].

В отличие от Поляка, Марино Санудо Торселло интерпретировал влияние Египта как своеобразную «мягкую силу», которая распространялась на значительные регионы. Это видение стало основой его антимамлюкского трактата, в котором он подчёркивал угрозу и масштаб египетского влияния, чтобы обосновать необходимость активного противодействия со стороны европейских держав. Исторические свидетельства, связанные с исламизацией Золотой Орды при Узбек-хане, указывают на сложное переплетение политических, религиозных и культурных факторов.

Мамлюки, хотя и играли заметную роль в укреплении связей между Египтом и Золотой Ордой, не могут считаться главным инициатором принятия Узбеком ислама. По версии Бадр ад-Дина ал-Айни, одного из наиболее влиятельных мамлюкских сановников и историков, переход хана Узбека в ислам был обусловлен главным образом воздействием его ближайшего окружения. Решающее место в этом процессе он отводил Кутлуг-Тимуру, родственнику Узбека и его доверенному советнику, чьё влияние, по словам автора, стало ключевым фактором принятия новой веры. Ал-Айни характеризует эту фигуру следующим образом: *«Взял с него слово, что если он (Узбек) вступит на престол, то сделается мусульманином и будет придерживаться ислама. Сев на престол, он действительно принял веру Аллахову и устроил себе соборную мечеть, в которой совершал все пять молитв в установленное для них время»* [41].

Под руководством султана ан-Насира контакты между Египтом и Золотой Ордой заметно интенсифицировались. Этому способствовали регулярные дипломатические обмены и династические браки, игравшие существенную роль в системе межгосударственных связей. В египетской хронистике, в том числе у ал-Айни, Узбек изображался как образцовый мусульманский правитель, последовательно проводивший политику укрепления и распространения ислама в пределах своего государства [200, с. 74–78].

Однако эти описания были значительно идеализированы. Современные исследования, в том числе работы А. Г. Юрченко, показывают, что уровень исламизации повседневной жизни в Золотой Орде при Узбеке был ограниченным. Государственные праздники, правовая практика и иные элементы общественной жизни сохраняли традиционные монгольские черты, что позволяет говорить о частичном, но не тотальном характере исламизации

общества [201, с. 9]. В латинском восприятии эпохи поздней Pax Mongolica монгольский мир осмысливался через привычные западноевропейские категории политического порядка.

Так, латинские авторы, включая Марино Санудо, обозначали правителей государств Чингизидов титулом «император», что отражало стремление встроить монгольские державы в европоцентричную модель универсальной монархии. В интерпретации Санудо система монгольских государств рассматривалась как положительный фактор, обеспечивавший порядок и соответствовавший представлениям о наднациональной имперской власти.

В трактате Санудо монгольское пространство представлено как арена глобального конфликта между христианством и исламом. Главным противником христианского мира в этом контексте выступал Мамлюкский султанат, а ключевая цель крестоносного проекта заключалась в сдерживании влияния мамлюков.

Монгольские государства, особенно Ильханат, в Европе нередко воспринимались как потенциальные союзники в борьбе с исламским миром. Санудо предлагал использовать конфликт между Мамлюкским султанатом и Ильханатом, чтобы ослабить позиции мамлюков. Он также подчёркивал, что мамлюки расширяют влияние не только силой, но и через дипломатию и брачные союзы, поэтому их экспансию следует сдерживать. Традиционную монгольскую веру, связанную с культом Вечного Неба, Санудо и другие западные авторы трактовал как близкую к идее единого Бога.

Позже, по их мнению, эта вера была «искажена» под влиянием покорённых народов, включая исламские и идолопоклоннические традиции. Западные хронисты стремились вписать монгольскую культуру в рамки своего христианского мировоззрения, находя в ней элементы, якобы схожие с христианством. Санудо и его современники отмечали признаки скрытого соперничества в мамлюкско-монгольских отношениях.

Например, предложение Узбека о заключении династического брака между египетским султаном ан-Насиром и золотоордынской царевной могло восприниматься как хитрый ход, направленный на укрепление влияния мамлюков через союз с Золотой Ордой. Это подтверждало тезис Санудо о необходимости сдерживания «гибкого» влияния исламского мира.

Несмотря на явный идеологический уклон, трактаты типа «Книги тайн верных креста» демонстрируют попытку осмыслить глобальные связи и противоречия в Евразии.

Авторы рассматривали монгольскую империю как возможную платформу для достижения своих целей, не игнорируя сложную картину внутреннего устройства её государств. Латинский дискурс эпохи конца Pax Mongolica представлял собой сложное сочетание прагматизма, идеологии и утопических идей. Монголы, будучи внешне чуждыми европейскому миру, воспринимались одновременно как угроза и как возможные союзники в борьбе с исламским Востоком.

3.2 Торговая и миссионерская деятельность итальянских путешественников в Центральной Азии в XV веке на примере Катерино Зено

Сокращение европейских путешествий в Центральную Азию в XV веке было обусловлено совокупностью политических, экономических и технологических факторов. Усиление нестабильности, связанной с османской экспансией на Ближнем Востоке и в Восточной Европе, а также падение Константинополя в 1453 году существенно затруднили сухопутные маршруты и подорвали функционирование Шёлкового пути. Одновременно открытие морских путей в Индию и Восточную Азию сделало океанскую торговлю более безопасной и выгодной, что привело к смещению интересов европейцев от внутренних районов Евразии. Дополнительную роль сыграли технологические изменения, включая развитие навигации и книгопечатания, способствовавшие переориентации исследовательской активности на иные регионы мира.

Основанный на его глубоких знаниях арабского языка, венецианский торговец Никколо Конти начал свои путешествия из Дамаска в 1424 году, стал важным источником информации для папского двора. Его основной целью были коммерческие интересы, и благодаря этому он успешно исследовал прибыльные регионы Азии. Маршрурт начался в Дамаске, он отправился в Ормуз, а затем морским путем достиг порта Камбей в Северо-Западной Индии. Необходимо добавить, что Венецианский торговец Никколо Конти с 1419 года проживал в Дамаске (Сирия), где изучал арабский язык. В 1424 году он начал свои путешествия с коммерческими целями по Азии.

Из Дамаска Конти отправился в Ормуз и морским путём пересёк в Северо-Западную Индию, в порт Камбей. Посетив несколько городов в этом регионе, он отправился на юг вдоль всего западного побережья Индостана, посетил Шри-Ланку, после чего морским путём прошёл вдоль всего восточного побережья Индии до устья Ганга. Из Бенгалии он направился на восток, пересёк безлюдные горы, отделяющие Индию от Северо-Западного Индокитая, достигши «очень большой реки — Дава» (Иравади) [12, с. 27–28]. Спустившись вдоль неё до устья, Конти вернулся морем в Камбей, откуда продолжил свой путь на запад, посетив остров Сокотра, Аден, один из северных портов Эфиопии, гавань Джидда в Аравии (порт Мекки), а также через Египет и Триполи вернулся в Италию в 1444 году [179, с.28].

Проезжая через этот регион, Конти посетил несколько городов, после чего продолжил свой путь на юг вдоль западного побережья Индостана, даже заходя на Шри-Ланку. Даже несмотря на серьёзный грех его отречения от веры, папа прощает ему и поручает своему секретарю, известному гуманисту Поджо Браччолини, записать его рассказы на латыни.

Эти рассказы получили название «Четыре книги об изменчивости судьбы». Уже в XV веке поток торговых миссий значно ослабеет, чего не скажешь о миссионерах, которые «углублялись» в материк, проповедуя в более южных и восточных регионах. В этот период особую роль в установлении торговых и дипломатических связей играл город Самарканд, расположенный на

ключевом торговом маршруте из Китая в страны, примыкающие к Средиземному морю и Индии [180, с. 164].

В XIV-XV веке, до итальянских городов-государств дошли новости о новом завоеватели из Великой Степи, по имени Тамерлан (неправильно искажённое европейцами имя Тимур-ленг, или Тимур-хромец). Его считали самым могущественным правителем на земле; многие европейские государи мечтали о привлечении его в союз в борьбе против мусульман в Европе и Северной Африке.

Этот интерес стал особенно ярким у кастильского короля Энрике III, который в начале XV века отправил два посольства к Тимуру в его столицу Самарканд. Одно из посольств возглавил Руй Гонсалес Клавихо, который вел подробный дневник своего трехлетнего путешествия (1403–1406 гг.), впервые опубликованный в 1582 году под названием «История великого Тамерлана». Руй Гонса́лес де Клавихо был испанским дипломатическим посланником, отправленным королём Кастилии Энрике III в 1403 году ко двору великого завоевателя Тимура (Тамерлана) в Самарканд. Целью миссии было установление дипломатических и торговых связей между Кастилией и Тимуридской империей.

О биографии Клавихо до его миссии к Тамерлану известно немного. Родился в конце XIV века, был уроженцем Мадрида и занимал должность придворного хрониста. Энрике III стремился установить союз с Тимуром против мусульманских государств, а также наладить торговые отношения с богатой Тимуридской империей. В записях Руй Гонсалеса де Клавихо о поездке испанского посольства в Самарканд в 1403–1406 годах содержатся ценные сведения о торговле Тимуридов с зарубежными странами. Этот дневник представляет собой важный источник информации о состоянии Ближнего Востока и Средней Азии в начале XV века, а также содержит новые географические данные, дополняющие информацию Марко Поло о Средней Азии и соседних областях Северного Ирана.

Большинство сведений основаны на личных наблюдениях Клавихо и являются достоверными; однако некоторые сведения, полученные от местных жителей, могут быть неточными, например, утверждение о том, что река Амударья впадает в море Баку, то есть в Каспийское море. Автор отмечает, что каждый год, особенно в июне, июле и августе, в Самарканд сходятся большие караваны верблюдов, перевозящие разнообразные товары [153, с. 43]. Город ведёт активную торговлю, приносящую значительный доход царю.

Ежегодно сюда приезжают купцы из Малой Индии, привозящие много пряностей, в том числе такие ценные товары, как гвоздика, мускатный орех, кинамон, манна и другие, которые не везут в другие порты, например, в Александрию. Кроме того, в Самарканд поступает значительная часть шелка, произведённого в Гиляне, и в других местах, которые затем отправляют его в различные направления, включая Дамаск, Турцию и другие регионы. Также в город поступает шёлк из земли Хамахи (Шемахи), где производится значительное количество этого материала, привлекая к себе купцов из различных стран, включая венецианцев и генуэзцев.

Основная цель миссии Клавихо была достигнута — установление дипломатических связей и обсуждение возможного союза и торговли между Кастилией и Тимуридской империей. Тимур, чьи завоевания почти полностью исчерпали следы христианства, родился в 1336 году, став наследником одного из эмиратов джагатайской династии. С самых ранних лет он выражал амбициозные планы, мечтая стать новым Чингизханом [202, с. 235]. Начиная править на небольшой территории недалеко от Самарканда, он стремительно расширил свои владения, завоевав значительные территории.

При поддержке мусульман Тимур захватил Самаркандское ханство и получил средства для начала своих великих завоеваний. В кратчайшие сроки практически все среднеазиатские ханства оказались под его властью. В 1376 году он завоевал Дешт-и-Кипчак и передал ханский престол Тохтамышу. В 1379 году он получил признание власти над Хорасаном, а в 1384 году — над Гератом [202, с. 237]. Усиливаясь с каждым годом, Тимур продолжал расширять границы своей империи. В течение 1380-х годов он завоёвывает большую часть Персии, Грузии, и к 1392 году возвращается в Самарканд для отдыха и приготовлениям к новым завоеваниям.

В свою очередь, стремясь объединиться с европейскими правителями против османского султана Баязида, Тимур также установил дипломатические контакты с палеологами, правителями Константинополя, Генрихом IV в Англии, венецианцами, генуэзцами Галаты, императором Трапезунда, Карлом VI во Франции и Мартином I Арагонским и Каталонским. В 1402 году Генрих III отправил двух послов — Пайо Гомеса де Сотомайора и Эрнана Санчеса де Паласуэлоса — на Пасху. В ответ Тимур послал своего посланника Мохаммада Кази (или, возможно, Хаджи Мохаммада) с подарками, включая двух женщин, захваченных из гарема Баязида.

Генрих ответил отправкой второго посольства, в состав которого входил и сам Клавихо. Клавихо отправился в Самарканд примерно спустя столетие после знаменитого путешествия Марко Поло, описанного в его произведении «Как можно прийти к Центральной Азии». Путь от Испании до Самарканда пролегал через семьдесят градусов долготы, преимущественно на запад, практически параллельно сороковой параллели. Посольство, двигаясь усердно, но без лишней спешки, добралось до Самарканда менее чем за пятнадцать месяцев, хотя существовали многочисленные задержки, включая пяти месячную остановку в Константинополе.

Клавихо прибыл в Самарканд на фоне празднования победы Тимура, который устроил триумфальный приём в своём лагере на Балканах. Кроме того, Тимур инициировал самостоятельные контакты с целью найти союзников против Османской империи, включая обмены с Карлом VI Франции, Генрихом IV Англии, генуэзцами и венецианцами. Посольство отправилось из порта Санта-Мария недалеко от Кадиса 22 мая 1403 года, с целью присоединиться к Тимуру в Грузии. 24 октября испанцы прибыли в Константинополь, где были гостеприимно встречены императором Мануэлем.

Они пробыли там до 20 марта 1404 года, после чего отправились в Трапезунд, где прибыли 11 апреля. Вслед за Тимуром, уже покинувшим

Грузию, они отправились в Самарканд через различные города и провинции, в конечной точке своего путешествия они привезли послания Тимуру. В Самарканде послы были проведены по мечетям и так называемому «Крестовому дворцу», где им представили спальню Тимура [203, с. 121–122].

Несмотря на его физическую слабость, которая не позволяла ему ездить верхом на коне и заставила его передвигаться на носилках, Тимур постоянно следил за строительством зданий. Он присутствовал на всех пиршествах, употребляя в пищу обильные порции жареной лошади и пьянствуя с рассвета до заката, часто продолжая это и в течение всей ночи, о чем неоднократно упоминалось. Система правосудия вышла из-под контроля, и Клавихо отмечает, что среди татар было считалось почётным быть повешенным, а не обезглавленным, что противоречило обычаям в Испании.

На фестивалях исполняли трюки четырнадцать слонов, которых Тимур привёз из своего индийского похода в 1399 году, и появление слонов, которых, вероятно, не видели в Испании, было подробно описано. В общем, послы были встречены очень щедро, и управление Тимура как в мирное, так и в военное время было детально изучено и оценено наблюдательным посланником.После некоторых сложностей, связанных с восстанием Джаханшаха Барласа, они вернулись в Испанию в начале 1406 года [203, с.195].

Основным источником сведений о путешествии Руй Гонсалес де Клавихоа является его дневник, в котором зафиксированы маршрут, хронология передвижений и наблюдения за посещёнными регионами. Особую ценность представляют описания архитектуры, а также сведения о населении, хозяйстве и политической организации. Достоверность изложения подтверждается сопоставлением с персидскими источниками, при этом записки Клавихо содержат ряд конкретных деталей, отсутствующих в придворных хрониках, что делает их важным источником по истории Тимуридыов и их культурного наследия. Дополняют дневник сообщения о событиях, полученные автором из официальных кругов во время миссии.

Он описал, например, ссоры между византийским императором Мануилом и его племянником Иоанном, а также начало карьеры Тимура и его борьбу с Баязидом. Хотя в Европе эпохи Возрождения был значительный интерес к Тимуру, отчёты Клавихо и других путешественников редко использовались в популярных исторических рассказах о его жизни. Тем не менее, в конце 18–19 веков точность их работы стала оцениваться выше, и они стали широко использоваться историками.

Рукописи работ Клавихо относительно редки. Два экземпляра XV века сохранились: один в Национальной библиотеке Мадрида, вероятно, копия использованная для первой публикации, а второй — в Британской библиотеке. Они широко изучались и переиздавались, включая переводы на английский, русский и другие языки.

Последующие походы Тамерлана включали в себя нападения на Грузию и Чёрное море, а также вторжение в Россию и поход в Индию, где он одержал победу при Дели, а также поход против османского султана Баязета, который был пленен при Ангоре в 1405 году. Хотя Тимур планировал завоевать Китай,

его намерения прервала смерть. Его завоевания были известны своей разрушительностью. Историки едины в своём описании жестокостей, сопровождавших его походы.

Например, в Персии ему приписывают трагические события, такие как приказ об истреблении 3000 человек и строительство стены из 15000 человеческих трупов. Он также прославился созданием пирамид из человеческих голов, в одном случае, при взятии города, каждый солдат должен был предоставить голову противника. Жестокость и разрушение, характерные для Тимура, могли, конечно, нанести ущерб процветанию христианства, но, вероятно, не привели бы к его полному уничтожению, если бы они равномерно распределялись между всеми, подвергавшимися атакам его войск.

Если бы Тимур относился к религиям с равнодушием или терпимостью, возможно, это тоже бы ослабило воздействие на христианство. В действительности многие великие завоеватели были лишь поверхностно заинтересованы в религии, приспосабливая свои религиозные убеждения к политическим целям, и не являлись ярыми сторонниками или врагами какой-либо религии. Чингисхан, к примеру, был подобного рода лидером.

В начале своих завоеваний Тимур не делал различий между религиями: для него было важно лишь различие между покорными и непокорными. Впрочем, даже среди христианских авторов были те, кто не видел в Тимуре угрозы для христианства и даже превозносил его дружественное отношение к христианам. Иезуит Катру упоминал, что Тимур «знал христианскую религию, любил её, покровительствовал ей всегда, хотя и не исповедовал её никогда» [175, с. 71].

Подобные оценки представляются недостаточно обоснованными и, по-видимому, связаны с враждебным отношением Тимура к туркам и его стремлением к поиску союзников в Европе. Война с Баязидом, начатая по обращению византийского императора, могла восприниматься христианами как освобождение от мусульманского давления, что способствовало формированию представлений о благосклонности Тимура к христианству. Аналогичное впечатление создавали и его контакты с западноевропейскими правителями, включая переписку с французским королём. Тимур не имел особых причин покровительствовать христианам, которые восточные земли были мирным и небольшим меньшинством.

Напротив, для него было крайне выгодно поддерживать мусульман, которые составляли подавляющее большинство и были гораздо более успешными в распространении своей религии. Исторические данные подтверждают, что Тимур сделал многое для распространения ислама, практически истребив христианство на востоке [180, с. 26–27]. Несториане сообщают, что Тимур начал враждовать с христианами после попытки последних обратить одну из его жён в христианство. С тех пор он систематически преследовал и истреблял христиан без пощады. В Грузии он совершил ужасные жестокости и насильственно принудил многих грузинских князей к переходу в ислам, а также подверг преследованию простых людей. Его враждебность к христианам ещё усилилась после войны с Баязетом.

По словам Гонзалеса де Клавиго, посланника короля Кастилии в Самарканд на закате правления, причиной этого стало поведение греков и генуэзцев во время войны с Баязетом. Они обещали Тимуру помощь, но не сдержали своего слова и дали возможность остаткам бойцов Баязета спастись и перебраться на другой берег. В результате Тимур начал относиться к христианам как к людям, противостоящим его господству. Заслуги Тимура перед исламом были настолько велики, что мусульмане провозгласили его святым.

Однако полное уничтожение христианства нельзя свести только к гонениям со стороны Тимура. Хоть христианство и подвергалось гонениям, не менее сильным, чем те, что исходили от Тамерлана, но не исчезло из-за них. Если после Тимура пропали все географические следы деятельности латинских миссионеров, то это, вероятно, произошло по другим причинам, связанным с самим Тимуром [180, с. 31–33].

Почему христианство, проповеданное латинскими миссионерами, не смогло продолжить существование в Татарии независимо от внешних поддержек и преследований? Главной причиной неудачи миссионеров была их непрочность, неспособность прочно утвердить основы евангельского учения.Труды латинских миссионеров в монгольской империи, особенно на востоке, представляют собой пример того, что могло бы сделать средневековое латинское миссионерство в своём лучшем проявлении [204, с. 404]. За исключением немногих личностей, они часто подчинялись политике пап и потому добивались плохих результатов.

Они скорее выступали как политические агенты папы, занятые политическими переговорами и доставкой писем своего государя. Их деятельность сосредотачивалась в основном вокруг владетельных особ, с надеждой обратить их в христианство и использовать их власть для распространения христианства. Однако они мало обращали внимания на массы народа. Когда они обращались к низшим классам, часто оказывалось, что им не хватало умения сделать их истинными христианами [204 с. 405–406]. Их неопытность сталкивалась с трудностями при обращении мусульман, и они редко добивались успеха в этом деле. Даже те, кто получил образование в лучших школах латинского миссионерства того времени, испытывали трудности [202, с. 241].

Они имели доступ к Священному Писанию и некоторым нравоучительным книгам на татарском языке, но их усилия не приводили к значительным результатам. Миссионерская деятельность латинян на Востоке дала ограниченные результаты. Христианское присутствие среди монгольских и тюркских обществ носило поверхностный и нестабильный характер, что объясняется недостаточной подготовленностью миссионеров и политически обусловленным характером папской миссии. После тамерлановских войн возможности для возобновления и укрепления христианских общин использованы не были, что стало одним из факторов их окончательного ослабления. К концу XIV века латинская миссия среди татар достигла

наивысшей активности, однако её цели и практические итоги оставались неясными.

Несмотря на успехи некоторых миссионеров, как Франциск де Подио, их усилия не всегда были успешными и не всегда находили поддержку со стороны папы. Например, в 1371 году минорит Франциск де Подио, как сообщает Ваддинг, действовал успешно среди татар и, по его утверждению, обратил в христианство до 10 000 человек. В 1391 году он обратился к папе Урбану V с просьбой о помощи, и папа определил отправить ему на помощь 24 монаха, однако неизвестно, было ли это выполнено. В 1374 году папа Григорий XI послал в центральную Азию епископа Илию малого с множеством доминиканцев, но о его деятельности там нет никаких сведений [205, с.607–608].

Отклонение миссионеров от отправки в Татарию, их предполагаемого места назначения, вероятно, было вызвано страхом перед жестокостями Тамерлана. Кроме того, папы продолжали назначать епископов на кафедры, учреждённые в монгольской империи в XIV веке, но они оставались титулярными и никогда не решались проникнуть в Татарию. В XV веке папы иногда отправляли миссионеров к татарам, но их число было незначительным, и их деятельность оставалась незамеченной.

Отсутствие интереса со стороны латинян к судьбе своих миссий среди татар окончательно уронило эти миссии. В это время западная церковь была охвачена великим расколом, вызванным стремлением римских пап освободиться от влияния французских королей и вернуться в Рим из Авиньона. Церковь была занята внутренними распрями и борьбой за власть, что отвлекало её внимание от миссионерской работы. Папы сражались друг с другом за власть, а соборы, такие как пизанский, констанский и базельский, сталкивались с реформационным духом.

Подобные обстоятельства не позволяли ожидать деятельной поддержки миссий среди татар со стороны пап. Латинская церковь была так зависима от папы, что любое нарушение в её центре отражалось на ней самой разрушительным образом [204, с. 410]. Реформационные движения в Германии, возглавляемые Лютером, выдвинули энергичные протесты против папского абсолютизма, оказав серьёзное воздействие на папский престол и отвлекая его внимание от восточных миссий. Кроме того, появление новых обстоятельств, таких как открытие Америки в конце XV века, привлекло внимание миссионеров к новым землям и народам, оставив миссии среди татар без должного внимания и поддержки.

Папы предоставляли новооткрытые земли христианским королям с условием распространять христианство там, что стимулировало миссионеров отправляться в Америку с надеждой на успешное распространение веры при поддержке светской власти. Все эти факторы привели к уменьшению внимания к миссиям среди татар и, в конечном итоге, к их полному уничтожению [204, с. 412–413]. Тимур, чьи завоевания стёрли следы христианства среди татар, родился в 1336 году и был сыном одного из джагатайских эмиров.

Он был амбициозным с молодости и стремился стать новым Чингиз-ханом. Поддерживаемый мухаммеданами, он смог значительно расширить свои владения, завладев значительными территориями в Центральной Азии и начав свои великие завоевания [202, с. 256]. В 1376 году Тимур завоевал Кипчак и стал ханом. Его власть распространилась на Хорасан в 1379 году и на Герат в 1384 году. Постепенно усиливаясь, он завоёвывал все новые территории. К концу XIV века его империя охватывала почти всю Персию, Грузию и в 1392 году он вернулся в Самарканд, чтобы подготовиться к новым завоеваниям.

Среди наиболее значимых походов Тимура выделяются экспедиции в Грузию, к Чёрному морю, в пределы Руси и Индию, завершившиеся победой при Дели, а также кампания против османского султана Баязида, взятого в плен в битве при Ангоре [13, с. 610]. После возвращения в Самарканд Тимур намеревался начать поход против Китая, однако его смерть прервала эти планы.

Завоевания Тимура носили крайне разрушительный характер и сопровождались масштабными насилиями и опустошениями, что подробно отражено в свидетельствах современников. Вместе с тем источники позволяют предположить, что данная жестокость была обусловлена прежде всего военной и политической логикой, а не последовательным религиозным фанатизмом, что объясняет сохранение религиозного многообразия в ряде подвластных ему регионов.

Тамерлан, хотя и исповедовал ислам, изначально не проявлял враждебности к другим религиям. В начале своей кампании он разделял людей на две категории: покорных и непокорных, без учёта их религиозных убеждений. Он даже защищал и покровительствовал христианам в первые годы своих завоеваний. Есть утверждения иезуита Катру, будто Тамерлан любил и покровительствовал христианству на правовом поле, но это утверждение недостаточно обосновано [203, с. 293]. Несмотря на эти утверждения, Тамерлан был скорее стратегом, чем религиозным фигурантом. Его враждебность к османским туркам, например, скорее объяснялась политическими амбициями и различиями в сектах ислама, чем его отношением к христианству.

Он вёл переговоры с христианскими лидерами, но скорее всего это было частью его стратегии завоевания, а не проявлением религиозной терпимости [156, с. 614]. Действия, интерпретируемые как проявления благожелательного отношения к христианству — в частности, война с османским султаном Баязидом по призыву византийского императора, — в большей степени объясняются политическим расчётом, нежели религиозной мотивацией. В этот период Тамерлан мог использовать христианских союзников как инструмент достижения стратегических целей. Однако в дальнейшем его политика изменилась: преследования христиан и разрушение церквей свидетельствуют о переориентации на поддержку мусульманского большинства, что, по-видимому, было связано с изменением внутриполитической ситуации и стремлением укрепить собственную власть.

В Грузии он совершил массовые жестокости и принудительно обратил в ислам многих грузинских правителей и простых людей [205, с. 614-615]. Если в начале своего правления Тамерлан проявлял некоторую терпимость к

христианству, со временем его политические и стратегические интересы привели к жестокому преследованию христиан и исламизации завоёванных территорий. Тимур стал ещё более враждебным к христианам после войны с османским султаном Баязидом.

По словам Гонзалеса Клавиго, посланника кастильского короля в Самарканд, Тимур начал видеть христиан как злонамеренных, желающих сорвать его господство. Это стало результатом предательства греков и генуэзцев, которые не сдержали своих обещаний помочь ему в войне, а вместо этого дали возможность остаткам войска Баязета спастись и перебраться в Европу [202, с. 288].

Такие действия разозлили Тимура и усилили его недоверие к христианам. Несмотря на это, не следует сводить уничтожение христианства, распространенного среди татар латинскими миссионерами, только к действиям Тимура. История показывает, что христианство выживало даже при гонениях не меньшего масштаба, чем те, что осуществлял Тамерлан. Следовательно, причины исчезновения христианства в Татарии должны быть иными. Одна из причин может быть связана с самой сущностью христианства, которое проповедовали латинские миссионеры [204, с.554]. Однако это предположение недостаточно обосновано. Необходимо провести более глубокий анализ причин исчезновения христианства в Татарии, учитывая сложные социальные, политические и религиозные факторы того времени.

Причину исчезновения христианства в Татарии нельзя свести к бесплодности почвы, на которую сеялись семена евангельского учения. Человеческое сердце способно воспринимать христианство независимо от национальной принадлежности. Хотя внешние обычаи и обстоятельства могли затруднять доступ христианского учения к душе народа, как только это учение находило вход, никакие препятствия не могли его уничтожить.

Основной причиной может быть непрочное укоренение христианства из-за неумения миссионеров прочно насадить семена евангельского учения. Труды латинских миссионеров в монгольской империи, хоть и представляли собой пример лучшего, что могло сделать средневековое латинское миссионерство, часто не достигали цели из-за политических мотивов.

Миссионеры, скорее чем стремясь распространить христианство, действовали как политические агенты папского правительства, увлечённые политическими переговорами и стремящиеся обратить в христианство владетельных особ. Их деятельность отличалась недостаточным вниманием к низшим слоям общества. При обращении к ним миссионеры нередко демонстрировали неподготовленность к обеспечению полноценного воцерковления. В результате они могли добиться формального крещения, но не достижения подлинного христианского обращения.

Среди мусульман такие попытки чаще всего заканчивались неудачей из-за неопытности миссионеров. Даже высокообразованные миссионеры, такие как Андрей Перузийский, жаловались на невозможность обращения мусульман и на то, что новообращённые не придерживались христианских убеждений. Исходя из этого, складывается вывод, что именно неопытность и политические

мотивы могли стать главными причинами неудачи христианской миссии в Татарии.

Отсутствие эффективной поддержки и правильного направления со стороны папского престола стало основной причиной непрочности и поверхностности, с которой христианство было насаждено латинскими миссионерами на востоке. Это неспособствовало его жизнеспособности и силе, чтобы выжить без внешних помощей и противиться неблагоприятным обстоятельствам. Возможно, христианство смогло бы возродиться, если бы латиняне после тамерлановских разрушений продолжили свою деятельность и оказали помощь христианам.

Несмотря на распад Империи Тимуридов, европейцы не пришли на помощь христианам, хотя могли бы найти в этом выгоду [204, с. 558–559]. Это новый фактор исчезновения христианства среди монголов. В конце XIV века, во время военных походов Тамерлана, миссионерская деятельность латинян среди татар достигла своего пика.

Латинские летописцы утверждают, что несколько миссионеров действовали успешно среди татар в это время, но информация об этом очень смутная. Например, по данным Ваддинга, в 1371 году минорит Франциск де-Подио прибыл к татарам и, по его сообщениям, смог обратить до 10 000 человек в латинство в горах Каспийского региона.

В 1391 году Тамерлан отправляет миссию к папе Урбану V с информацией о своих достижениях и просьбой о помощи. В ответ на это папа решил отправить 24 монаха, однако неясно, было ли это место быть на самом деле [202, с. 291]. Возможно, опасения перед Тамерланом помешали миссионерам отправиться в глубь Татарии. Папы продолжали ставить епископов на кафедры в монгольской империи, но они оставались только титулярными и никогда не решались проникнуть в Татарию.

Одним из путешественников, чьи труды, малоизвестны в Казахстанской историографии и стран ближнего зарубежья это Катерино Зено. Катерино Зено это венецианский купец, аристократ и путешественник XV века, точные даты рождения и смерти которого неизвестны. Он происходил из знатной венецианской семьи и был сыном Драгона Зено, известного купца и путешественника. Благодаря деятельности отца, молодой Катерино имел возможность неоднократно бывать в странах Востока, что способствовало его глубокому знакомству с восточными культурами и политическими реалиями.

Основным достоверным корпусом источников, связанных с деятельностью Катерино Зено при дворе Узун-Хасана, остаются два документа, опубликованные Гульельмо Берчетом в издании La Repubblica di Venezia e la Persia [254]. Это документы XI и XII, представляющие собой дипломатические донесения, написанные Катерино в 1473 году и адресованные венецианскому Сенату. Первый из них описывает начало кампании Узун-Хасана против Мехмеда II, а второй рассказывает про поражение османов при Терджане у Евфрата. Эти тексты имеют характер подлинных дипломатических рапортов: они кратки, лаконичны и в целом свободны от литературных украшений.

В них Катерино сообщает сведения о численности войск, маршрутах и состоянии дел при дворе Ак-Коюнлу. Особенно примечательна деталь о составе османской армии: *«exercito de l'Ottoman, et el detto Ottoman era, con persone da cavalo e a piedi 150m, ben in ordene de chari, bombarde e schiopetieri e fanterie»* [254], где упоминаются артиллерия и ручное огнестрельное оружие: bombarde и schiopetieri, что подтверждает техническое превосходство войск султана уже в середине XV века.

Основным источником о путешествии Зено является труд «De i Commentarii del viaggio in Persia di Messer Caterino Zeno» («Комментарии о путешествии в Персию»), изданный в Венеции в 1558 году его потомком Николо Зено. Поскольку оригинал не сохранился, публикация представляет собой компиляцию на основе бумаг и записок Катерино. Совсем иное впечатление производит труд, опубликованный Николо Зено Младшим в середине XVI века под названием Dei Commentarii del viaggio di Persia di Caterino Zeno.

Содержание «Комментариев» представляет собой компиляцию и частичное копирование из труда Джованни Мария Анджиолелло, венецианца, находившегося при дворе Мехмеда II и принимавшего участие в той же кампании 1473 года. В 1550-е Николо Зено, его племянник, на основе сохранившихся бумаг Катерино написал труд «Dei commentari del viaggio di Persia di Caterino Zeno». Мы не имеем доступа к книге Катерино, это другое произведение, написанное другим человеком «по мотивам» и «на основе».

От Анджиолелло Николо заимствовал описание боевых действий, структуру армий, порядок событий и даже отдельные обороты речи. В результате «Комментарий о путешествии в Персию» не имеет почти ничего общего с реальными донесениями Катерино Зено и представляет собой ренессансную реконструкцию, созданную, вероятно, в целях прославления рода Зено и придания ему той же славы первооткрывателей и путешественников, какую приносили семейные легенды о северных плаваниях Николо и Антонио Зено XIV века.

В предисловии редактор признаётся, что оригинальный журнал путешествия был утрачен, а многие подробности восстановлены по памяти или косвенным сведениям. Тем не менее этот источник остаётся бесценным для изучения взаимоотношений Венеции и Ирана, а также представлений о Центральной Азии в итальянской культуре позднего Средневековья. Наряду с записями Джосафата Барбаро и других венецианских послов, труд Зено вошёл в антологию Дж. Рамузио «Navigationi et Viaggi» (1559) и оказал влияние на европейскую географию и картографию XVI века.

Важно отметить, что данный труд, ещё не водился в научный оборот в казахстанской историографии и историографии стран Ближнего Зарубежья, включая Россию, Украину и прочие страны СНГ. Записки Катерино Зено и анонимного венецианского купца, находящегося в коллекции географа Рамусио, открывает много новой информации об итальянских путешественниках в этот период для отечественной историографии. Уже через несколько десятков лет данный труд полностью исчез из обращения.

Путешествие Зено, проходившее через Трапезунд, Кавказ и Персию, стало не только дипломатической экспедицией, но и актом разведки, частью более широкого стремления Европы понять политическую и культурную географию Востока после эпохи Монгольской империи. В британском издании Travels to Tana and Persia (Cambridge University Press) Зено помещён рядом с Барбаро и Контарини как представитель «итальянской дипломатической школы путешественников XV–XVI вв.».

Кроме политического расчёта, миссия имела и династический подтекст: Катерино Зено был женат на Виланте Криспо, родственнице супруги Узун Хасана, византийской принцессы Феодоры Деспины. Это родство облегчало контакт между дворами.

Он был отправлен ко двору правителя Ак-Коюнлу Узун-Хасана в 1472-м году, из Венеции, в качестве посла. Таким образом, посольство 1471–1474 годов стало частью большой дипломатической кампании Венеции по созданию антиосманской коалиции. Зено действовал как дипломат-разведчик, собирая информацию о путях, армии, ресурсах и политическом положении на востоке. На родину вернулся в 1474-м. Точная дата смерти - неизвестна, «где-то в 1490-х». До этого успел написать книгу о своём путешествии на Восток [206].

Катерино Зено был хорошо принят монархом; и, будучи поддержанным в его аргументах своей тётей, Королевой Деспиной, ему удалось склонить Узуна Хасана поднять оружие против турок. Супруга Катерино, Виолента Зено, была племянницей по материнской линии одной из жён Узун-Гасана, Деспины-хатун (в девичестве Феодоры Конмин) [207]. Деспина-хатун, испытывавшая личную неприязнь к османам из-за падения Трапезундской империи, активно содействовала Зено в выполнении дипломатических задач.

Итальянский географ Джованни Баттиста Рамузио пересказал слова анонимного венецианского купца: *«В то время в Требизонде царил царь по имени Калло Джоаннис, и он был христианином и имел дочь по имени Деспина Като, очень красивую, и было распространено мнение, что не было в то время прекраснее: и по всей Персии была распространена слава о её великой красоте»* [208, с.139].

Даже после того, как Дзено вернулся в Венецию, семья Деспины-хатун проявляла интерес и делала записи о своих детях. Помимо того, что он написал о месте захоронения Деспины Хатун, он также сделал записи о её религиозных убеждениях:

«Деспина была одной из самых религиозных женщин своего времени и поэтому продолжала свою прекрасную веру в христианство. Каждый день он организовывал таинство Святой Вечери по методам Римской Церкви и сам участвовал в нем с великой преданностью. Хотя её муж принадлежал к другой религии и был враждебно настроен по отношению к религии своей жены, он никогда ничего не говорил ей по этому поводу и не заставлял её оставить свою религию. Что действительно удивительно, так это то, как они сочетаются друг с другом».[208]

Зено прибыл в Персию в период обострения отношений между Османской империей и Ак-Коюнлу и сумел достичь целей своего посольства.

Он стал свидетелем и хронистом знаменитого сражения при Отлукбели (1473), подробно описав ход битвы. Однако поражение войск Узун Хасана и отсутствие обещанной венецианской поддержки привели к ослаблению доверия к Зено со стороны персидского двора. Впоследствии Узун Хасан направил его в качестве своего посланника к европейским монархам: королям Венгрии и Польши, с целью создания антиосманской коалиции.

В письме Катерино Дзено, отправленном из Персии в Венецию 9 февраля 1472 года, наряду с сообщениями, переданными Иосафатом Барбаро, содержатся сведения о планируемой отправке до ста специально обученных воинов для оказания военной поддержки союзникам Венеции на Востоке.

В последующем письме, датированном ноябрём 1472 года, Дзено подробно сообщает о составе и оснащении двух кораблей, на борту которых находились два инженера, шесть крупных пушек весом по 400 фунтов, десять пушек по 50 фунтов, десять бронзовых и железных шпингардов, тысяча бочек с порохом, десять тысяч длинных железных копий, около трёх тысяч ядер, три тысячи лопат, две тысячи кирас и тысяча ручных пищалей (schioppetti)[254].

Согласно письму, всё это вооружение и снаряжение должно было быть доставлено представителям государства Ак-Коюнлу в назначенное место близ Трапезунда. Письма Дзено, адресованные в Венецию, а также переведённые на итальянский язык послания Узун Хасана содержат ценные сведения о военных действиях против Османской империи. В них упоминается, что полководец Ак-Коюнлу Юсиф Мирза и Пир Ахмед из рода Караманогулларов, действуя преимущественно в районе Токата, разорили значительные области Малой Азии и нанесли ряд поражений османским войскам.

Однако принц Мустафа (ум. 1474) и анатолийский бейлербей Давуд-паша (ум. 1498) сумели остановить продвижение туркменской армии, угрожавшей Бурсе, при поддержке огнестрельного оружия. Из других писем известно, что ещё до Юсифа Мирзы армия Ак-Коюнлу под командованием некоего Амир Омара-бея совершила нападение на Токат, но была разбита шехзаде Баязидом и вынуждена отступить к Диярбакыру.

В то же время в ряде источников упоминаются имена Омар-бека и Амир-бека, предположительно обозначающие одно и то же лицо, хотя Дзено в своём повествовании называет «Амарбея Джусултана Ниченицу», что вызывает сомнение в их тождестве. Из содержания писем Дзено следует, что данный командующий обладал значительным военным опытом и возглавлял армию численностью до ста тысяч человек, среди которых часть воинов была экипирована по образцу итальянской кавалерии, а остальные носили кожаные или шёлковые доспехи [254].

Несмотря на достигнутые договорённости, отправленные в Мерсин оружие и боеприпасы не дошли до адресата, поскольку османские власти предприняли меры для предотвращения транспортировки. Вследствие этого войска Узун Хасана оказались лишены огнестрельного вооружения, что существенно ослабило их в предстоящих кампаниях.

Возвращение Зено в Европу оказалось чрезвычайно трудным: вследствие перехода под османский контроль как караманских земель, так и

причерноморских путей, он был вынужден продвигаться через северное Причерноморье и вернулся в 1474 году. Дзено подвергся опасности пленения османами и настолько истощил свои финансовые средства, что вынужден был оставить одного из своих слуг в рабстве, чтобы продолжить путешествие.

После возвращения в Европу он предпринимал попытки заключить антиосманский союз с польским королём Казимиром IV, императором Священной Римской империи Фридрихом III и венгерским королём Матьяшем Корвином, однако эти дипломатические усилия не увенчались успехом. Тем не менее 20 апреля 1474 года Матьяш I посвятил его в рыцари, признав заслуги в деле укрепления союзных связей.

В Венеции Дзено был представлен как «великолепное домино Катерино Дзено», огласивший ответное послание Узун Хасана и завершивший тем самым важный этап в истории венециано-восточных дипломатических контактов. Отчёт о путешествиях Зено в коллекции Рамузио. был подготовлен из писем Зено, как Редактор так и не смог получить копию Книга Зено.

«Его преподобию Монсиньору Даниэле Барбаро, избранному патриарху Аквилеи, Франческо Марколини, смиренный слуга. Преподобнейший сеньор мой, публикуя комментарии о всех персидских войнах, происходивших со времён Узун-Хасана и далее, вместе с путешествием достопочтенного кавалера мессера Катерино Зено, совершённым по поручению Его Сиятельства как посла от этого славнейшего владычества к названному царю Персии — он был первым, кто отправился в столь далёкое и трудное посольство. А также с описанием открытия островов Фрисландии, Эсландии, Гренландии, Эстотиландии и Икарии» [207].

По возвращении Зено предпринял попытку распространить сведения о своей миссии и путешествии. Его оригинальные заметки, вероятно, были утрачены, однако сохранившиеся письма и отчёты, адресованные друзьям и правительственным кругам Венеции, позволили Джованни Баттиста Рамузио реконструировать текст и издать его в составе сборника «Navigationi et Viaggi».

Произведение состоит из двух частей: первая описывает посольство, путь в Персию, отношения с Узун Хасаном и битву при Отлукбели; вторая посвящена последующим событиям: упадку государства Ак-Коюнлу, становлению державы Сефевидов и формированию османо-сефевидских отношений. Вот так Зено описывал войско Ак-Коюнлу перед битвой при Отлукбели.

«Они насчитывали сто тысяч всадников, считая также слуг, сопровождавших своих господ. Часть из них была вооружена и снаряжена в итальянском стиле; часть имела доспехи из особо прочной, вываренной кожи, способной выдержать любой сильный удар так, что человек под ней не ощущал никакой раны. Другие были облачены в тончайшие шелка, с куртками, набитыми столь плотным материалом, что стрелы не могли их пробить. Были и такие, кто носил позолоченные кирасы и кольчуги, и имел при себе такое множество наступательного и оборонительного оружия, что было удивительно смотреть, как ловко и умело они пользовались им в сражениях. Даже их слуги прекрасно ездили верхом, носили начищенные железные доспехи

и, вместо щитов, к которым привыкли мы, имели небольшие круглые щитки, которыми прикрывались, сражаясь тончайшими ятаганами. Всего господ было сорок тысяч, все храбрые воины, а слуг — шестьдесят тысяч; никогда прежде не видано было столь прекрасного конного войска в каком-либо другом войске» [254].

В комментариях комплементарно описывается и султан Мехмед II, вопреки его вражде с Венецией и Ак-Коюнлу. Путевые записки Катерино Зено имеют значительную историческую ценность. Они не только раскрывают восприятие Османской империи венецианской дипломатией, но и дают редкие сведения о внутреннем устройстве и политике государства Ак-Коюнлу. Особое значение имеют наблюдения Зено о личности Узун Хасана, придворных нравах и международных отношениях эпохи. Как непосредственный свидетель битвы при Отлукбели, Зено оставил одно из наиболее подробных её описаний, что делает его труд важным источником для изучения османо-иранских отношений второй половины XV века.

«Я думаю, что всем людям чрезвычайно нравится новизна событий, и что разнообразие деяний великих царей особенно привлекает тех, кто занимается историей. Поэтому я посчитал достойным делом — к предыдущему рассказу добавить также повествование о других персидских войнах, которые произошли после смерти Узун-Хасана, чтобы из этих нескольких глав можно было увидеть, сколько превосходных вещей следовало бы написать о тех временах.Эти цари, если бы между ними существовали такие же порядки, как в политии древних, и если бы у них были литераторы, которые собирали бы их деяния и передавали бы их памяти потомков, то ничем иным им не следовало бы жаловаться, кроме того, что среди них нет учёных и изящества в науках. Ведь если бы они соединили славу оружия со славой книг, несомненно, одно поддерживало бы другое, и они стали бы гораздо более блистательными, чем деяния наших государей. Ибо кажется, что прекрасные дела, описанные словами, словно обогащают стиль и делают его особенным среди других; и в то же время изящный стиль помогает самим этим деяниям предстать во всей их красоте и сиянии среди прочих. Переходя теперь к своему повествованию, скажу, что после смерти Мехмеда Завоевателя Узун Касан (или Жак-Касан) прожил недолго и умер в ночь Богоявления 1478 года. Он оставил после себя четырёх сыновей от одной матери и одного — от принцессы Деспины, дочери императора Трапезундского. Однако в ту же ночь, когда умер отец, этот последний сын был убит тремя своими братьями. Между тремя оставшимися вскоре вспыхнула великая вражда и ревность из-за стремления каждого к престолу. Второй брат убил старшего и сам занял трон»[208].

В 1873 году труд был переведён на английский язык под заглавием Travels to Tana and Persia (издание Hakluyt Society), а позднее переведён на персидский под названием Sefernameha-yi Veniziyan der Iran Менучехром Эмири.

«…И мы продолжили путь через эту страну, называемую Арсинга́н, которая является частью Малой Армении, и, приблизившись к Евфрату

неподалёку от Малакии, прошли восемь дней пути. Здесь мы увидели двадцать верблюдов-дромадеров, которых привели люди господина Узун-Хасана. Эти дромадеры были весьма быстры и сильны, с белыми шкурами, ибо, как говорят, только белых можно приручить для езды. Они несли всадников, вооружённых луками и стрелами; одни были в белых, другие — в чёрных одеждах. Первым шёл всадник с белым флагом, за ним другой с зелёным, третий с красным, а за ними все остальные под своими знамёнами. Некоторые несли хлеб, мясо и вино. Когда мы достигли лагеря Узун-Хасана, нас встретили люди турецкого господина, которые были вежливы и хорошо воспитаны, говорили с нами спокойно и мягко. Мы дивились быстроте их животных. Переправившись через Евфрат, мы двигались вдоль его греческого и латинского берега и увидели, как Узун-Хасан готовил свои силы к встрече с турками. Было много гравия и сухих мест, где войско устраивало стоянку. Узун-Хасан имел большое войско и трёх сыновей — первого звали Калул, второго Угурлу-Мехмед, третьего Зейнал. Были там также правители Караманов, Персии, Парфии, Албании, Грузии и Татарии. Когда Узун-Хасан увидел лагерь турецкого султана, он удивился его размерам и сказал по-персидски: "Baybacce benederid" — что означает: "Посмотрим, чья сила окажется больше — его или моя"»[208].

По этой причине географические детали в этих путешествиях не так явно, как в другие, а Рамузио в своей книге поместил повествование Зено после нескольких других, хотя в дате он был первый. Он дополнен наброском персидского история после посольства господина Катерино, предпринятая из других источников, таких как Йосафат Барбаро и Анджело Контарини, которые также преуспели, как Зено в исследовании Центральной и Восточной Азии. Счёт их путешествий составит отдельное произведение. Вторым автором в этом сборнике является Джованни Мария Анджолелло, состоявший на службе у турок, и участвовавший в их походе против персов из государства Ак-Коюнлу.

Анджолелло родился около 1451-1452 г. в Виченце, и в 1472–1481 годах принял участие в походах османских войск против Персии и на Балканском полуострове [209].Его биография и литературное наследие остаются предметом дискуссий, поскольку достоверно установлено лишь немного фактов. Происходя из знатной семьи, Анджиолелло в юности участвовал в обороне Негропонта, осаждённого османским султаном Мехмедом II.

В 1468 году, он был порабощен турками, а затем доставлен в Константинополь, где сначала служил наследнику, принцу Мустафе, а затем Великому Сералю [210, с.7]. Под сералем имеется ввиду устаревшее название, султанского дворца Топкапы. Он кратко описывает возвышение Узуна Хасана, и даёт полное описание турецкого вторжение с турецкой точки зрения и подробности марша.

«О государе Узун-Хасане. Его нашли, и он никогда не отдыхал, напротив, был чрезвычайно усерден в чтении книг, которые держал перед собой открытыми; и когда к нему приблизилась ярость солдат, он был убит, и вместе с ним — его жена. Когда об этом узнал турецкий государь, ему было весьма досадно, ибо ему сообщили, что тот был великим философом. Затем

мы продолжили путь через земли Арзинджана, что является частью Малой Армении, и, переправившись через Евфрат неподалёку от Малатии, совершили этот переход за восемь дней, поскольку войско уже стояло лагерем; около девятого часа мы увидели, как к нам приближаются двадцать дромедариев, которые следовали впереди господина Софии и султана. На этих дромедариях сидели люди, чрезвычайно утомлённые и закутанные в белые ткани, поскольку иначе они не смогли бы выдержать жару от столь сильных животных, которые при быстром беге сильно раскачивают седоков. Некоторые из этих двадцати людей были белыми, некоторые — чёрными. Первый держал в руке стрелу, на конце которой был прикреплён белый платок; остальные все имели перед собой корзины с хлебом и варёным мясом, которое ещё было тёплым. Прибыв к шатру турецкого государя, не слезая, они воткнули стрелу с платком в землю; знак был тотчас понят, ибо к этому часу они уже прошли почти двадцать миль. Получив оттуда ответ, не произнеся ни слова, они вставили другой платок в ту же стрелу и, отправившись обратно, показались нам словно вихрь перед глазами — столь удивительна была скорость этих животных. Когда Великий Турок прибыл к реке Евфрат, он постановил перейти её и попытаться продвинуться к Асмураду со своими войсками, которые он вёл против персов» [208].

Анджолелло также подтверждает слова других итальянских путешественников о происхождении супруги Узун Хасана и её роли во внешней политике государства Ак-Коюнлу [211, с. 66]. Анджолелло, находившийся непосредственно при армии, называет цифру в 220 тысяч. Катерино Зено в донесении сообщает о 150 тысячах османов и 300 тысячах конных у Ак-Коюнлу, подчёркивая численное превосходство последних и описывая их как хорошо вооружённых, но менее организованных [254]. Его оценки, вероятно, отражают дипломатическую позицию союзника персов и желание объяснить поражение Узун-Хасана не слабостью его армии, а технологическим преимуществом и военной дисциплиной османов.

«Exercito de l'Ottoman, et el detto Ottoman era, con persone da cavalo e a piedi 150m, ben in ordene de chari, bombarde e schiopetieri e fanterie) e 300,000 cavalli ben in ordine armati ... Serenissimo Principe, che questo illustre signore potrà fare un milione di huomini et al presente abbia in campo homini 300,000 ... signore haveva da persone a chavalo 300m»[208].

Далее уже идет фрагмент рассказа Анджолелло о битве при Отлукбели. Анджолелло, находившийся тогда в османском лагере, описывает события с необычайной детализацией и нередко с сочувствием к противнику Узун-Хасану. Стиль сочинения характерен для раннего итальянского гуманизма: документальная точность сочетается с риторикой и античными оборотами.

«Уже наступал вечер, когда турецкий султан, оставшись с сыновьями и остальной армией, собрал свои войска. Узун-Хасан также собрал своих людей, и обе армии стояли друг против друга. Сражение было ожесточённым: многие были взяты в плен, убиты или утонули. Говорят, что погибло до двенадцати тысяч человек. Воды реки были красны от крови. Оба войска отступили, и Узун-Хасан, видя усталость людей и животных, возвратился в свой лагерь,

оставив наблюдателей у переправы. Турки сделали то же самое. На следующий день Узун-Хасан вновь построил войска, но Махмуд-паша, подозревая предательство, отступил в укреплённое место, где вскоре был казнён по приказу султана — его задушили тетивой лука. Турецкий султан, потрясённый поражением, решил сократить своё войско, отпустил некоторых воинов домой и ограничил расходы. Узун-Хасан же вновь собрал силы и продолжил преследование турок. Примерно через десять дней после этой битвы турецкое войско двинулось из Байбурта к армянским горам, отделяющим Великую Армению от Малой. Мы направились тем же путём, и, продвигаясь к Трапезунду, остановились в долине. Это было в августе, примерно на четырнадцатый день. Тогда мы увидели, как турецкий султан поднялся на холмы, чтобы укрепить позиции против персов. Персидские силы под предводительством Узун-Хасана шли по горам и заняли перевал, откуда могли наблюдать турок. Впереди Узун-Хасан послал Даута Бейлярабея из Рума с его войском и другими союзниками из Анатолии. Когда турки и персы сошлись на узкой горной дороге, с обеих сторон раздался гул барабанов и труб, и началась ожесточённая битва»[211].

Различия в численности и характере описаний показывают не столько противоречие, сколько разную оптику авторов. Анджолелло и Нешри писали с точки зрения победителей, фиксируя мощь и порядок войска султана, тогда как Катерино — с позиции наблюдателя, связанного с проигравшей стороной. Его отчёты по своей сути — дипломатические реляции, стремящиеся представить события так, чтобы не подорвать политический престиж союзника Венеции.

Анджиолелло занял должность дафтредара (казначея) при дворе Мехмеда II и входил в число придворных чиновников как в столице, так и в военных походах. Позднее он служил и при султане Баязиде II. После 1483 г. сведения о его карьере становятся отрывочными. Достоверно известно, что он вернулся в родную Виченцу, женился и занимал административные должности; возможно, совершил две миссии от имени Венеции или пребывал в Персии как агент или купец около 1482 г. (после смерти Мехмеда II), а затем в 1499–1515 гг.

Основным произведением, приписываемым Анджиолелло, является так называемая Historia turchesca («Турецкая история»), представляющая собой значимый источник по истории Османской империи и Персии. Существенную часть этого сочинения составляет Breve narratione della vita et fatti del signor Ussuncassano («Краткое повествование о жизни и деяниях государя Узун-Хасана»), впервые изданное в Виченце печатником Леонардо из Базеля в октябре 1490 г. (экземпляры не сохранились), а затем опубликованное Джованом Батистой Рамузио во втором томе его знаменитого сборника Navigationi et Viaggi. В этом издании текст был дополнен продолжением, охватывающим историю Персии вплоть до начала правления шаха Тахмаспа. Вопрос об авторстве и подлинности Narratione остаётся открытым, хотя произведение, безусловно, представляет собой первоисточник; современного критического издания не существует.

Первая часть текста, по-видимому, частично основана на рассказе Йосафата Барбаро о его миссии в Персию (впервые опубликованном в Венеции

в 1487 г.), тогда как структура и источники второй части требуют дальнейшего исследования. Narratione написана от первого лица и представляет собой хронику политических и военных событий в Персии с 1467 по 1524 гг., с особым вниманием к турецко-персидским войнам. В ней описаны личность Узун-Хасана и членов его семьи, кампания в Карамане против османов, завершившаяся поражением Ак-Коюнлу; турецкое контрнаступление, в котором автор участвовал лично (приведено детальное описание обеих армий); персидская кампания в Грузии и смерть Узун-Хасана.

Вторая часть, состоящая из двадцати трёх глав, посвящена началу возвышения Сефевидов: вступлению на престол султана Якуба, борьбе шейха Хайдара и его суфиев против Ростама, гибели шейха Хайдара, рождению, воспитанию, характеру и возвышению Исмаила, его завоеванию Ирака и последующим походам против османов и узбеков, походу в Ширван и взятию, а также османской кампании в Египте и завоеванию Каира. Анджолелло, отмечал неприступность ширванской крепости благодаря её расположению на скалах на территории современного Азербайджана, писал, что Кале-и Бугурт велика как город [269, с. 412].Завершается текст заключительной, вероятно апокрифической, заметкой о смерти шаха Исмаила I и вступлении на престол Тахмаспа. Итальянский гуманист Паоло Джовио использовал Narratione Анджиолелло как источник для характеристик двух первых сефевидских шахов в своём сборнике Gli elogi, vite brevemente scritte d'uomini illustri [270, с. 56].

Вопрос о том, когда именно произошло включение текста Анджолелло в корпус «бумаг Катерино», остаётся открытым. Возможно, Николо Зено Младший, издавая книгу в середине XVI века, сознательно использовал популярные хроники, стремясь реконструировать утраченные сочинения своего предка. Однако нельзя полностью исключить и гипотезу, что сам Катерино мог, при составлении не дошедшего до нас описания своих миссий, опираться на вторичные источники. Тем не менее отсутствие следов подобного текста в сохранившейся венецианской переписке 1473–1474 годов делает первую версию значительно более вероятной.

В итоге достоверными можно считать только подлинные донесения Катерино Зено, опубликованные Берчетом. Книга Николо Зено имеет скорее литературно-генеалогическое, чем историческое значение: она показывает, как в XVI веке формировалась семейная мифология Зено, объединяющая в одно целое реальные дипломатические миссии, фантастические северные плавания и ренессансную страсть к географическим реконструкциям. Что касается самих событий 1473 года, то основными нарративными источниками по ним остаются тексты Анджолелло, на основе которых можно достаточно надёжно восстановить ход кампании Узун-Хасана против Мехмеда II и понять причины его поражения. Это прежде всего технологическое превосходство османской артиллерии и огнестрельного оружия.

Последним, из источников, заслуживающих упоминание, является Джакомо Соранцо. Он служил послом Венеции при дворе Османской империи, где вел наблюдения за внешней и внутренней политикой султана Сулеймана I, уделяя особое внимание военной организации, административной структуре и

дипломатической активности Порты. После возвращения в Венецию Соранцо представил отчёт о своём посольстве - Relazione di Costantinopoli (1544), один из наиболее ценных источников по истории османо-венецианских отношений и политической культуре раннего Нового времени [257]. Его доклад, как и другие relazioni венецианских послов, имел аналитический характер и предназначался для Сената и Совета Десяти, демонстрируя высокий уровень разведывательной и дипломатической культуры Венеции [258]. Он хоть и не покидал пределы Константинополя, сделал такое описание татар, граничащих с Османской империей.

«Татары описаны как чистые кочевники, хотя далее идет упоминание неких земледельцев. Pochi, che malamente lavorano la terra - немногие, что дурно обрабатывают землю. Едят наполовину сырую конину (carne di cavallo, e mezza cruda). Спят на земле и льду (ghiaccio). Полностью лишены любой культуры и человечности (sono in tutto privi di ogni civiltà e umanità), не владеют никакими профессиями (arte). Если что - упомянутая обработка земли/земледелие, это тоже - "arte". Конница весьма многочисленна (assai numerosa), так как синьор татар может выставить около 50 тысяч конных или больше» [259].

В течение XV века папы иногда отправляли миссионеров к татарам, но их было очень мало, и они не достигали своих целей, их действия оставались неизвестными [202, с. 291]. Такое безразличие к судьбе восточных миссий со стороны латинян окончательно их уничтожило, и в конечном итоге всё, что было посеяно, исчезло без следа. Папский престол и всё, что зависело от него в христианстве, находились в такой ситуации, что надеяться на особое внимание к распространению христианства среди татар было трудно.

С конца XIV века до середины XV века западная церковь была поражена глубоким расколом из-за стремления римских пап избавиться от влияния французских королей и вернуться в Рим. В это время на папском престоле часто сидели несколько пап, которые преследовали друг друга, а церковные соборы вели битву за власть. При таких условиях миссиям среди татар не могло быть на надежды на активную поддержку со стороны папы, и они не могли рассчитывать на поддержку, так как всё зависело от папы и центра единства, и любые потрясения в этом центре разрушали всё.

В конце XV века была открыта Америка. Рассказы о неизведанных до этого времени народах, населявших новый континент, и об их богатствах привлекли туда не только искателей золота и приключений, но и миссионеров. Папы даровали новооткрытые земли христианским королям с условием распространять там христианскую веру. Миссионеры с энтузиазмом отправлялись туда в надежде, что при поддержке светской власти они смогут успешно распространить христианство, что было затруднено в мусульманских государствах, где христианская власть не простирается.

Все эти обстоятельства привели к тому, что миссии среди татар перестали получать поддержку из Европы и, в конечном итоге, уничтожились. Однако они возродились позднее, но уже в других условиях. После разгрома Тамерланом, монголы потеряли своё глобальное историческое значение и на

долгое время были практически забыты папским престолом и его миссионерами.

Мощные наследники единой Империи: Золотая Орда, Ильханат, Династия Юань, Чагатайский улус после падения династии Чингизидов либо были полностью уничтожены, либо претерпели значительные изменения в своей структуре и названиях. Монголы были изгнаны из Китая, а в Персии, приняв ислам, они постепенно теряли свою национальную идентичность и сливались с местным населением.

После Тамерлана Чагатайский улус распалось на множество мелких ханств, лишённых политического влияния и практически неизвестных европейцам, поэтому западные миссионеры утратили интерес. Только в начале XVI века значительная орда чагатайских монголо-татар под предводительством султана Бабура двинулась в Индию, где основала могущественное государство, известное европейцам как «Империя великих моголов».

Эта империя, происходящая от тех племён, которые когда-то служили Чингизхану и были известны как татары, привлекла внимание иезуитских миссионеров. Золотая Орда также распалось на несколько меньших ханств: казанское, астраханское, казахское и крымское. Тюркские племена, входившие в состав этих ханств и сохранявшие татарское наименование, оставались вне поля зрения западных христиан как в средние, так и в новые времена [204, с. 475–476].

В истории западных миссий против татар в новое время можно рассмотреть только три случая: миссия иезуитов в Империи великих Моголов, миссия иезуитов в Крыму и миссии протестантов на Кавказе. Уже в начале XVI века западный мир будет потрясён Реформацией, которая привела к разделению христианства на два направления. Это факт, на удивление, не только не угасил дух миссионерства, но, наоборот, усилил и изменил его в лучшую сторону. Особенно заметно стало увеличение миссионерских усилий со стороны Латинской церкви. Новые миссионерские организации не только увеличили число миссий по всему миру, но и улучшили их качество, обеспечивая миссионерам необходимые ресурсы и подготовку к выполнению своих обязанностей.

Как отметил китайский исследователь Донг Шаосинь, христианизация Центральной и Восточной Азии провалилась, во многом из-за устаревших сведений Церкви, которая даже после распада Монгольской империи, воспринимала все население региона как тартаров, что мешало верной идентификации обращаемых народов [212]. В средние века европейцы столкнулись с новыми географическими и культурными открытиями, которые в корне изменили их представления о мире.

27 сентября 1540 года Общество Иисуса получило официальное право на существование. Хотя идея этого общества имела воинственный оттенок, напоминающий крестовые походы, его члены, придерживаясь принципа цели, оправдывали средства распространения веры, включая насилие или войну. Тем не менее, основной целью общества было миссионерство. Оно было создано для того, чтобы совершенствовать христиан в их вере и жизни, а также

распространять христианскую веру через проповедь слова Божьего, духовные упражнения и воспитание тех, кто не знаком с христианством.

Благодаря своей организации и влиянию, иезуиты вскоре почти монополизировали миссионерскую деятельность и распространили латинские миссии по всему миру. Конец XV века это эпоха в история Центральной и Восточной Азии, которая была сопряжена с такими потрясениями, как ослабление Золотой Орды, завоевания Тимура и падение династии Юань.

3.3 Монгольский фактор в трансформации итальянского мировосприятия и художественной культуры XIII–XV веков

Путешественники, такие как Джованни Монтекорвино и Журден де Северак, делили свои наблюдения о далёких землях, таких как Индия, и это оказало значительное влияние на мысль того времени. Интересно, что их описания Индии существенно отличались от современных фотографий и картинок других стран Востока, созданных через несколько десятилетий после них. Европейские путешественники, отправлявшиеся в Центральную Азию в Средние века, могли ожидать встретить различные фантастические существа, включая киноцефалов (людей с собачьими головами), из-за широкого распространения таких мифов и рассказов в их культурном контексте.

Итинерарий (от лат. «itinerarium» — «путеводитель, путевой дневник») — это жанр литературы, описывающий маршрут путешествия, его этапы, остановки и достопримечательности. В итинериариях обычно приводятся детальные описания мест, через которые проходит путешественник, включая географические, культурные, исторические и социальные аспекты. Смысл и употребление итинериариев объясняет святой Амвросий Медиоланский на примере воина, получившего от императора описание своего маршрута: *«Воин, который пускается в путь, не сам себе определяет порядок следования, и не по своему свободному решению выбирает дорогу, не стремится к кратчайшему пути, обещающему удовольствия, не уклоняется от приказаний…»* [213]. Казахстанские исследователи д.и.н. К.Т. Жумагулов и Г.С. Беделова также исследовали данные путевые записки как источник для исследования хозяйственной и торговой системы Улуса Джучи [214].

Путевая литература этого периода оказалась тесно связанной с зарождением этнологии и этнографии, развивавшихся на пересечении колониальной экспансии и интеллектуальных трансформаций эпохи Возрождения. Развитие географических знаний способствовало институционализации жанра путевых записок, который одновременно прославлял новые открытия и способствовал укреплению национальных и общеевропейских идентичностей.

Итинерарии имеют долгую историю, восходящую к античным временам. Итинерарии и путевые сочинения играли ключевую роль в формировании представлений европейцев о далёких землях и культурах. Традиция подобных текстов восходит к античности: в Римской империи они использовались для описания дорожной сети и маршрутов, наиболее известным примером является

Itinerarium Antonini, содержавший перечень станций и расстояний между ними. В Средние века жанр получил дальнейшее развитие, прежде всего в паломнической и миссионерской литературе.

Ожидания европейских путешественников во многом формировались под влиянием античных авторов (Плиний Старший, Геродот, Ктесий), средневековых хроник и христианской литературы, в которых широко присутствовали образы фантастических народов, включая киноцефалов. Эти представления были глубоко укоренены в европейской интеллектуальной традиции и нередко определяли интерпретацию новых наблюдений. Как отмечали Сарделик и Хестер, подобные мифологические элементы стали настолько привычными, что отсутствие их упоминаний могло вызывать недоверие к свидетельствам путешественников [215].

Вместе с тем по мере расширения географических контактов и накопления эмпирических данных мифологизированные представления постепенно утрачивали своё значение. Авторы XIII–XIV веков всё чаще стремились к фиксации реальных этнографических, культурных и географических наблюдений, что способствовало переходу от символико-мифологического восприятия Востока к более рациональному описанию. Показательным в этом отношении является труд Марко Поло, который, сохраняя элементы традиционного мировидения, одновременно содержал значительный объём конкретных сведений о маршрутах, народах и хозяйственной жизни Азии.

Таким образом, средневековые итинерарии и путевые тексты выполняли двойственную функцию: с одной стороны, они воспроизводили устойчивые культурные стереотипы и ожидания, а с другой — становились важным инструментом накопления знаний, способствовавшим постепенному вытеснению мифологических образов более точными и систематизированными представлениями о мире.

Ожидания европейских путешественников включали встречи с редкими и экзотическими животными, такими как слоны, тигры и носороги, а также с природными и астрономическими явлениями, неизвестными в Западной Европе. В записях авторов XIV века отражается глубокое удивление масштабами Земли и многообразием населявших её народов, многие из которых не были упомянуты в библейской традиции. Эти наблюдения фиксировали расширение географического горизонта и постепенный пересмотр устоявшихся представлений о мире [216].

Особое место в формировании позднесредневекового и ранненововременного восприятия монголов занимает труд 1605 года Джакомо ди Пьетро Лукари «Обильная аннотация анналов Рагузы» (Copioso ristretto degli Annali di Ragusa), в котором автор предпринял попытку осмыслить историю Рагузы в широком международном контексте, включая Монгольскую империю, Золотую Орду. Лукари опирался на сочинения Марко Поло, Хайтона из Корикоса и ряд менее известных источников.

Несмотря на наличие значительного числа фактических ошибок и мифологизированных элементов, обусловленных как дефицитом

первоисточников, так и распространёнными в Европе стереотипами о Востоке, труд Лукари представляет историографический интерес. Он стал одним из первых южнославянских авторов, обратившихся к роли татар в мировой истории, хотя его сочинение до настоящего времени не издано в критической редакции и не переведено на современные языки.

В его рукописях, продолжается нарратив Марино Санудо о том, как монголы разграбили Багдад, по совету христианской жены одного из ханов. Монголы здесь также сравниваются с античными скифами, побеждают Римскую Империю, завоёвывают половину Индии, а первенец великого хана становится государем Китая. Образы нескольких ханов, таких, как Чингисхан, Хулагу, Хубилай и Угэдэй перемешиваются в одну загадочную фигуру, сравнимую с загадочным Иоанном Пресвитером. Несмотря на ошибки, труд Лукари ценен для изучения представлений о Востоке в средневековой и раннемодерной Европе. Его летопись показывает, как формировалось восприятие монголов и татар в сознании европейцев, а также служит источником для анализа формирования исторической памяти в Дубровнике того времени. Также, необходимо отметить и кулинарное влияние данных путешествий.

Уникальная пищевая культура Монгольской империи, описанная в записках путешественников, оказала большое влияние на гастрономические изыски Европы. Особое внимание уделяется социально-политической роли пищевых практик: коллективная охота и масштабные пиры (хурилданы) служили инструментом сплочения военной элиты и демонстрации власти. В ходе экспансии монголы творчески ассимилировали кулинарные традиции покоренных народов (китайские чайные церемонии, персидские пряности), создавая синкретическую «имперскую кухню».

Любопытная историко-кулинарная теория, упомянутая Марком Картрайтом, прослеживает происхождение современного гамбургера от монгольских военных практик: воины Чингисхана якобы хранили сырую говядину под седлом для размягчения во время походов, что позднее, через посредничество татарских племён, трансформировалось в «тартар-стейк», а затем и в гамбургский бифштекс в европейской кулинарной традиции [217].

Монгольская пищевая система, сочетавшая практичность кочевого быта с утончёнными заимствованиями оседлых культур, стала важным элементом культурного обмена вдоль Шелкового пути и предвосхитила многие явления глобализированной кухни современности. Однако, также необходимо отметить, что помимо литературы и кухни, данное взаимодействие также повлияло и на живопись. Чрезвычайно высока роль восточных минеральных пигментов в становлении живописной традиции европейского Ренессанса.

Научные исследования убедительно свидетельствуют, что развитие живописных техник в эпоху Возрождения находилось в прямой зависимости от доступности специфических минеральных пигментов, основным источником которых выступали регионы Центральной Азии. Особое значение в этом контексте приобретает лазурит, месторождения которого в европейском ареале отсутствуют. Основные центры добычи данного минерала, как установлено

археологическими исследованиями, располагались в районе Бадахшана (современный Афганистан), где разработка месторождения Сари-Санг велась уже в раннем Средневековье.

Первые документально зафиксированные случаи использования лазурита в качестве пигмента относятся к VII–IX векам н.э., что подтверждается настенными росписями буддийских храмовых комплексов. Марко Поло в своих путевых заметках 1271 года приводит важные свидетельства о технологических процессах обработки данного минерала [46]. Технологический анализ показывает, что процесс получения ультрамарина из лазурита требовал сложной многоступенчатой обработки, включавшей около 50 последовательных операций, при этом выход чистого пигмента не превышал 10% от исходной массы сырья [218].

Экономические исследования ценовых показателей того периода демонстрируют, что стоимость ультрамарина на европейских рынках нередко превосходила цену золота аналогичного веса. Венецианская республика, как ключевой посредник в торговых отношениях между Востоком и Западом, играла определяющую роль в распространении данного пигмента в Европе [219]. Архивные документы XIV века содержат многочисленные свидетельства его применения в книжной миниатюре, где ультрамарин использовался в сочетании с киноварью (сульфидом ртути) и сусальным золотом.

Последующее развитие живописных техник в период Высокого Возрождения, включая творчество таких мастеров как Тициан Вечеллио и Рафаэль Санти, было обусловлено в значительной степени доступностью этого пигмента. Историко-искусствоведческий анализ позволяет утверждать, что без стабильных поставок лазурита через восточные торговые пути становление цветовой палитры европейской станковой живописи происходило бы по иному технологическому сценарию. Унификация евразийского пространства в XIII–XIV вв., осуществлённая Монгольской империей, значительно усилила взаимопроникновение различных цивилизаций, содействуя формированию единой мировой истории посредством активного материального, личностного и интеллектуального обмена [220, с. 405].

Если говорить об искусстве эпохи Юань, то сохранившиеся памятники живописи, скульптуры и архитектуры позволяют представить художественные вкусы и стилистические особенности монгольского мира XIII–XIV веков. По наблюдению Джона Джозефа Сондерса, именно через францисканцев, поддерживавших тесные контакты с монгольским двором, элементы восточного искусства проникли в Европу. Так, влияние монгольской эстетики можно увидеть в творчестве Джотто ди Бондоне и его учеников: на одной из их картин Святой Франциск изображён в одежде, напоминающей монгольскую — буквально «завёрнутый в шёлк» [255, с. 275]. О положительном воздействии Чингисхана и его преемников на развитие европейской культуры и цивилизации пишет и Джек Уэзерфорд [256, с. 312].

Около 1300 года на территорию Италии хлынул поток тканей, происходивших из Монгольской империи, что оказало заметное влияние на развитие местного декоративного и изобразительного искусства. Эти изделия

не только стали образцами для подражания, но и фактически преобразовали итальянский текстильный дизайн, заложив основы новых художественных принципов орнаментации.

С середины XIII до начала XIV века наблюдался активный обмен между правителями Запада и государством Хулагуидов. В период с 1265 по 1308 год происходили регулярные дипломатические миссии, сопровождавшиеся обменом дарами и людьми. Так, известно, что во время юбилейного года понтификата Бонифация VIII (1300) в Рим прибыло около ста монголов в национальных одеждах, что произвело сильное впечатление на современников.

В папских описях 1295 года упоминаются большие партии тканей, обозначенных как panni tartarici («татарские полотна»), которые, по всей вероятности, были дипломатическими дарами из государства Ильханов. Позднее подобные изделия начали поступать в Европу и через торговлю: западные купцы могли приобретать их в Тебризе и в новой столице Султании, основанной Олджейту между 1305 и 1313 годами. До захвата мамлюками армянского порта Айас в 1347 году эти пути оставались важнейшими каналами обмена.

Так называемые «татарские ткани» представляли собой продукт межкультурного синтеза, характерного для эпохи монгольского господства. Исследователь Лорен Арнольд определяет их как nasij — роскошные шелковые ткани с золотым шитьём, производившиеся в мастерских, связанных с монгольскими покровителями.

Особое внимание заслуживает использование подобных тканей в итальянской живописи XIV века. На миниатюрах и фресках изображаются персонажи, облачённые в одеяния из тканей с мелкими орнаментальными мотивами — типичными для монгольских или китайских узоров. Примером служит изображение архангела Гавриила в сцене Благовещения Симоне Мартини (1333), где его одежда украшена густым повторяющимся рисунком восточного типа.

Другой вариант орнамента — плавные, текучие композиции из цветов, виноградных лоз и фантастических существ. Подобная ткань изображена на фоне сцены Коронование Богоматери Джотто (около 1330 года) — одном из первых случаев изображения «татарской» материи в европейском искусстве [255, с. 275]. Сходные китайские флоральные мотивы можно наблюдать и в Короновании Богоматери Паоло Венециано (около 1350 года), где на мантиях Христа и Девы Марии видны узоры восточного происхождения.

В путевых заметках Марко Поло, описывающих его пребывание в землях, известных в европейской картографии того времени как Тартария, фиксируется исключительная способность кочевых народов тонко чувствовать изменения в погоде [46, гл. LXX].

Речь идет о том, что умение читать погоду критично важно для жизнедеятельности тюрков, для жизнедеятельности кочевников: перегонять ли стадо, куда направляться, кого назначать на разведку. Поэтому это умение кочевников было столь же важно, как, допустим, для флорентийца умение отличать ткань сарцинскую от тосканской.

Более того, в эпоху Ренессанса наблюдается проникновение подобных эмпирических методов в инженерную среду. Согласно городским легендам, архитектор Брунеллески в период строительства своего знаменитого купола Дуомо, он забрался очень высоко и пытался мимикрировать под кочевника, который мог бы определить направление ветра [236]. И флорентийские архитекторы именно Ренессанса действительно очень критично относились к изменениям погоды, для них это было важно. И то, насколько будут плотными осадки — это будет влиять на коррозию, на эрозию и это будет влиять на материалы и на то, как будет выглядеть фасад. Ветер очень часто определял устойчивость конструкций, ветер определял положение строительства.

Таким образом, на примере наблюдений Марко Поло прослеживается формирование своего рода «культурного моста». Если в условиях великой степи метеорологические знания выступали жизнеобеспечивающим фактором для кочевого общества, то во Флоренции эпохи Возрождения они трансформировались в прикладной инструмент архитектурно-инженерной мысли, демонстрируя универсальность природного фактора в развитии человеческой цивилизации.

Передача китайских художественных мотивов происходила через посредство монгольских территорий. Так, в XIV веке в ткацких центрах Ирана и Ирака появляются ткани с изображением фениксов, выполненных золотыми и шёлковыми нитями. Во второй половине XIV века подобные композиции переняли итальянские мастера. Эти орнаментальные мотивы, происходящие из китайской традиции, попали в Европу именно благодаря культурным и торговым контактам через Монгольскую империю.

Это время стало переломным моментом, когда сочетание геополитической стабильности и торговой инициативы обеспечило беспрецедентный уровень трансконтинентальных связей [220, с. 80]. Pax Mongolica способствовал процветанию Шёлковых путей, древнейшей системы межконтинентальной торговли, связывавшей Европу и Азию и обеспечивавшей движение товаров, знаний и дипломатических миссий [221]. Межкультурные экономические связи позднего Средневековья оказали существенное влияние на развитие художественных технологий, что находит своё подтверждение в материальных свидетельствах и письменных источниках рассматриваемого периода.

3.4 Роль итальянских путешественников в становлении ориентализма и его влияние на литературу Данте и Петрарки

Тема путешествий и паломничества играет фундаментальную роль в итальянской литературе XIII-XV вв., находя яркое воплощение в «Божественной комедии» Данте Алигьери, поэзии Франческо Петрарки и труде Марко Поло. Многогранное взаимодействие итальянских путешественников с более широким восточным миром, сформировали основополагающие элементы ориентализма, которые впоследствии проникли в литературные произведения. Рассматриваемый исторический период характеризовался заметным ростом

числа восточных путешествий, исходивших из итальянских городов государств, что было обусловлено взаимосвязанными мотивами экономической экспансии, религиозного миссионерства и дипломатической активности [223, с. 27].

Данный период отличался заметным расширением итальянского присутствия в отдалённых регионах Евразии, обусловленным торговыми, миссионерскими и исследовательскими устремлениями, что привело к созданию обширного корпуса путевых записок и отчётов. Эти тексты, как правило, создававшиеся по возвращении путешественников, выполняли не только функцию личных воспоминаний, но и служили важными информационными ресурсами для широкой европейской аудитории, проявлявшей интерес к географически удалённым пространствам. Литературные тексты этого круга, включая отчёты, письма и развёрнутые сочинения, выполняли функцию практических руководств для путешественников и служили авторитетными источниками, а также информировали европейскую публику о незнакомых землях и культурах.

Одним из самых очевидных примеров, это разумеется попытка обратить в христианство персидских Ильханов [224, с. 26]. Эти смелые экспедиции, тщательно зафиксированные в путевых дневниках и торговых записях, обеспечили беспрецедентный обмен товарами, технологиями и идеями между отдалёнными цивилизациями Евразийского континента, что оказало существенное влияние на формирование раннего Возрождения в Европе [225].

Данный сдвиг отражал формирование зачатков этнографического подхода, при котором наблюдения выходили за рамки экзотизации и стремились к аналитическому осмыслению различных обществ и их социальных структур. Текстуализация новых областей знания, особенно характерная для ранних итальянских свидетельственных текстов эпохи Великих географических открытий, придала этим сочинениям особый когнитивный и эстетический статус. В то же время нарративы путешествий способствовали процессу самоидентификации Запада через подчёркивание различий с Востоком — тенденции, ярко выраженной, в частности, в сборниках Дж. Б. Рамузио, популяризировавших «экзотические рассказы» для широкой аудитории.

Подробные наблюдения путешественников предоставили ценную информацию о сложной системе социально-политических отношений, разнообразных религиозных практиках и высоком уровне научных знаний, характерных для азиатских обществ, тем самым расширив европейские представления о космосе и географии [226, с. 357].

Стабильность, обеспечиваемая Монгольской империей, известная как Pax Mongolica, существенно повысила безопасность и доступность этих торговых маршрутов, создав условия для расцвета торговли и культурных обменов [227]. Благодаря монгольской империи, европейцы получили первичные представления о таких местах, как Киото, гора Утай и Чаньянь, которые были финальными точками Великого Шелкового пути [228, с. 17]. Данный исторический этап, занимает ключевое место в истории глобальных взаимодействий, формируя фундамент для последующих

трансконтинентальных связей и определяя траектории развития как Востока, так и Запада [229].

Итальянское влияние, в особенности через фигуры, подобные Марко Поло, выходило далеко за рамки торговли: оно способствовало расширению географических знаний и стимулировало интерес к восточным рынкам, что стало одним из интеллектуальных истоков эпохи Великих географических открытий [230]. Любопытство, разогретое рассказами ранних путешественников, стало движущей силой новых экспедиций, заложив интеллектуальные основы для будущих открытий [231].

В литературе этого периода путешествие осмысляется не только как физическое перемещение, но и как процесс внутреннего изменения, затрагивающий духовные и нравственные измерения личности. Итальянская традиция XIII–XV вв., от Марко Поло до Данте Алигьери, формируется в тесной связи с опытом движения: как реального, так и символического, во времени и пространстве. Именно поэтому Т. Каччи подчёркивает, что значительная часть итальянской литературы может быть осмыслена как литература изгнания, паломничества и странствия, где образ пути превращается в фундаментальный художественный принцип [232, с. 55–64].

Связь литературных мотивов с реальной практикой путешествий проявляется в том, что многие авторы опирались на собственный опыт передвижения или на рассказы современников — торговцев, миссионеров, паломников. Одновременно в художественные тексты проникали мотивы легендарных и символических странствий, которые служили смысловой основой для формирования новых сюжетов и интерпретаций.

В средневековой культуре образ дороги приобретает метафорическое значение, обозначая стремление к познанию, поиску истины и духовному обновлению. Путешествие становится способом осмысления социальных, политических и религиозных процессов эпохи и средством рефлексии над положением человека в мире. В итальянской традиции этот мотив занимает важное место в системе культурных смыслов, позволяя реконструировать ценности и внутренние противоречия общества того времени.

Согласно концепции Э. Дж. Лида, необходимым условием путешествия является процесс «территориализации» и «локализации места», то есть формирование связи группы с определённым пространством и наделение территории устойчивыми культурными характеристиками [233, с. 16]. Итальянские путешественники оставаясь укоренёнными в своих региональных идентичностях, переносили этот опыт в описания дальних восточных земель.

В их повествованиях постоянно присутствует сопоставление «своего» мира с «чужим» пространством. Такая двойная оптика формирует напряжённость между родной культурной традицией и наблюдаемой иной реальностью и становится одним из истоков раннего ориенталистского взгляда. Самосознание путешественника, сохраняющего связь с родным культурным кодом, определяет особую перспективу восприятия Востока.

Локализация пространства в путевых текстах выражалась в стремлении авторов фиксировать природные условия, социальные практики, религиозную

жизнь и повседневность посещаемых регионов. Индивидуализация описываемых мест наполняла повествование конкретикой и делала его значимым как для современников, так и для более широкой европейской аудитории.

Взаимодействие укоренённости в собственной традиции и открытости новым пространствам сформировало особый тип повествования, объединяющий итальянскую культурную перспективу и опыт познания иной реальности. В этой связи, опираясь на подход Эдварда Саида, фигуру путешественника можно рассматривать как ранний прообраз ориенталиста — посредника между культурами, интерпретирующего «чужой» мир через ценностные категории своей цивилизации [234]. В таком ракурсе становятся более заметны параллели между опытом Марко Поло и художественным миром Данте Алигьери, где личное переживание пути соединяется с интеллектуальным освоением культурного пространства.

Оба автора значительную часть жизни провели вне родного города: Марко Поло долгие годы странствовал по Азии, тогда как Данте Алигьери оказался в изгнании и постоянно перемещался между итальянскими дворами, в том числе находясь под покровительством Кан Гранде делла Скала в Вероне. Связи Данте с конвентом Санта-Мария-Новелла позволяют предположить его знакомство с доминиканцем Рикольдо да Монтекроче и осведомлённость о его миссионерских путешествиях на Ближний Восток и в Центральную Азию [235].

По наблюдению Маттео Санте, повествование Марко Поло можно охарактеризовать как «горизонтальное путешествие», ориентированное на описание мира в его пространственном многообразии, без выхода в сферу метафизического или связки с универсальной исторической перспективой. «Божественная комедия», напротив, разворачивает движение по «вертикали», ведущее героя к трансцендентным уровням бытия [236]. Обе эти модели объединяет то, что они синтезируют духовный опыт эпохи, соединяя внешний путь с внутренним поиском. Первоначально выступая в роли источников информации, подобные повествования впоследствии получили новые интерпретации в процессе переводов и культурных переосмыслений, в том числе в контексте раннего ориенталистского дискурса.

Сопоставление, предложенное литературным критиком XIX века Луиджи Фосколо Бенедетто, между «Книгой чудес света», «Божественной комедией» и «Summa Theologica» Фомы Аквинского подчёркивает различие их смысловых горизонтов: если аквинатская традиция сосредоточена на теологии и философии, то тексты Данте и Марко Поло соединяют земной опыт с интеллектуальным постижением мира, направляя читателя к исследованию пространства и воображения [237, с. 2865–2892]. При этом важно учитывать, что в рассматриваемую эпоху единый итальянский культурный канон ещё не сложился: политическая раздробленность Апеннин формировала дисперсную, а не централизованную модель культурного развития.

Поэтому и в период раннего становления традиции в XII–XIII вв., и во время её последующего укрепления в эпоху Возрождения не возникло единого культурно-политического центра. Итальянская культура представляла собой

сеть локальных интеллектуальных сообществ, разделявших общий идеал литературного и языкового единства, но не имевших фиксированной географической опоры.

Как отмечают Джузеппе Муссардо и Гаспаре Полацци, если для Данте решающим жизненным импульсом становилась политика, за которую он заплатил высокую цену, то для Марко Поло определяющим мотивом было любопытство к иным народам и новым мирам. Именно оно побуждало его преодолевать пустыни, горные перевалы и огромные пространства Центральной Азии [238].

Карло Дионисотти подчеркивал, что итальянская литературная традиция не нуждается в отдельной категории «литературы путешествий», поскольку сама по себе формируется как литература странствия, изгнания и паломничества. Региональные привязки авторов смещаются за счёт механизма «языкового переноса», когда локальный опыт переводится в универсальное культурное измерение [239, с. 44].

По наблюдению Джео Пистарино, важную роль в формировании контактов между цивилизациями сыграли генуэзские мореплаватели [240]. На фоне политической раздробленности Италии монгольская империя, посещённая Поло, Рубруком, Одорико и Плано Карпини, воспринималась как противоположность коммунальной системе — как сверхцентрализованная держава. Итальянцы, привыкшие к жизни в условиях множества властных центров, особенно остро переживали опыт движения и пересечения границ. Именно разнообразие локальных идентичностей, по мысли Т. Каччи, определяло притягательность итальянской литературы путешествий [232, с. 55–64].

Кроме того, разнообразие стилистических приёмов и тематических акцентов в путевых текстах формировало множественные способы восприятия Востока, влияя на краткосрочные и долгосрочные представления европейского общества о этих регионах. Классификация этого корпуса источников требует комплексного подхода, учитывающего содержание, контекст создания и влияние нарративов на формирование итальянского национального самосознания через символическое «присвоение» и прославление деяний предков [240].

Данное сложное взаимодействие индивидуальных наблюдений и коллективных процессов конструирования национальной идентичности посредством травелога подчёркивает динамичную связь между эмпирическим знанием и культурной проекцией [240]. Показательно, что избирательная публикация и переинтерпретация раннемодерных итальянских путевых текстов способствовали формированию национальной идентичности в период Рисорджименто, когда ранее «венецианские» или «генуэзские» деяния ретроспективно представлялись как общеитальянские достижения [240].

Подобное переосмысление демонстрирует, как путевые сочинения, изначально информативные или личные, со временем превратились в ключевые тексты национального канона, легитимирующие идею единой нации. Политическая и идеологическая мобилизация этого литературного наследия

наглядно демонстрирует, что исторические нарративы постоянно перерабатываются в соответствии с актуальными задачами национального строительства [240].

Таким образом, данные компиляции не только распространяли географические и культурные знания, но и опосредованно укрепляли европейскую идентичность посредством систематизации образов «Иного». Подобная каталогизация, нередко окрашенная имплицитным евроцентризмом, заложила основы ранних этнологических исследований, одновременно участвуя в формировании риторических стратегий разграничения европейской и неевропейских культур. Путевая литература этого периода оказалась тесно связанной с зарождением этнологии и этнографии, развивавшихся на пересечении колониальной экспансии и интеллектуальных трансформаций эпохи Возрождения.

Космополитизм итальянской литературы о путешествиях отражает попытку компенсировать отсутствие единого культурного и политического центра. Поэзия Данте, с её картографированием пространства, границами и насыщением образами итальянских городов, выступает способом утвердить Италию как целостное литературное пространство ещё до её политического объединения.

Именно в этот период произошёл перелом в европейской картографии и космографии: эмпирические сведения, полученные в ходе экспедиций, начали корректировать традиционные представления Птолемея, способствуя более точному отображению азиатских территорий [241]. По мнению М. Уинтла, карты времён Ренессанса, стали стартовой точки для конструкции всего европейского самосознания [242].

Наряду с этим, формирование сложной системы торговых путей, в первую очередь вдоль Шёлкового пути, превратило их в каналы не только материального обмена, но и передачи религиозных и культурных традиций, что способствовало появлению уникальных форм культурной гибридности [243, с. 140]. По этой причине, Шёлковый путь утратил исключительно экономическую функцию, превратившись в средство культурного и интеллектуального синкретизма, глубоко повлиявшего на системы знаний как Востока, так и Запада [244].

С политической точки зрения описываемые процессы разворачивались на фоне кризиса коммунальной культуры Италии, оказавшейся под давлением внешней экспансии и обострившегося противостояния между папской и императорской властью. Именно в этот период городские республики столкнулись с вызовами, связанными как с французским вмешательством, так и с внутренними политическими конфликтами, что усилило ощущение исторической нестабильности.

В отличие от Данте, для которого политика была ключевой темой, Петрарка искал опору прежде всего в духовной и интеллектуальной сфере. Его понятие patria означало не территорию, а культурное пространство классического гуманизма, выходящее за пределы национальных рамок и придававшее его взглядам выраженный космополитический характер.

Особое место в эпистолярном наследии Петрарки занимает его внимание к судьбам людей, оказавшихся жертвами социальных и политических потрясений. В письмах он с состраданием упоминает о скифских невольниках, привозимых в итальянские города в результате работорговли, связанной с генуэзской деятельностью в Крыму, а также выражает тревогу по поводу войн и смут внутри Золотой Орды, о чём свидетельствует его переписка с архиепископом Гвидо Сетте [126]. Тем самым поэт выводит литературное мышление за рамки локального контекста, превращая его в инструмент осмысления глобальных исторических процессов. Способность видеть мир как взаимосвязанное целое становится одной из основ новой итальянской словесности.

Для Петрарки — и шире, для итальянской литературной традиции — обращение к далёким культурным и интеллектуальным мирам через гуманистическое исследование становилось способом преодоления пространственных и временных границ. В этом контексте литература понималась как форма путешествия, совершаемого одновременно в физическом, духовном и историческом измерениях. По наблюдениям Фалькуччи, Джусти и Трентакосте, именно такой тип «литературы странствия» впоследствии стал одним из оснований формирования национального самосознания и литературного канона Италии XIX века [240].

Однако наряду с этим формировался и особый взгляд на восточные культуры, который постепенно заложил основу для ориенталистских интерпретаций. Контакты между Италией и Востоком значительно расширились в этот период благодаря таким факторам, как торговля, перевод влиятельных текстов, таких как «Тысяча и одна ночь», и непосредственный опыт знакомства с исламской жизнью через раскопки древних памятников [245].

Учёные также отмечают, что путевые заметки и описания, созданные итальянскими путешественниками, часто лишены «романтического» идеализированного ориентализма, характерного для многих британских описаний региона. Вместо этого итальянские нарративы отличаются более прагматичным и менее идеологизированным подходом к изображению Центральной Азии и её народов [7].

Итальянские нарративы и описания представляют собой ценный контраст с часто романтизированными и идеологически окрашенными изображениями региона, встречающимися во многих британских источниках, предлагая более прагматичный и реалистичный взгляд на динамичные взаимодействия между итальянским и исламским мирами в XIII–XV веках. Это первоначальное взаимодействие, отмеченное конфликтами и ограниченным культурным обменом, заложило основу для зарождающегося европейского восприятия «Другого».

Ориентализм как интеллектуальная установка начал оформляться в европейской гуманистической традиции в эпоху Возрождения, хотя его истоки уходят глубже. Толчком к этому стали контакты Европы с Востоком, прежде всего с исламским миром, усилившиеся во время крестовых походов. Важную

роль сыграли и путевые тексты Марко Поло, Плано Карпини, Йосафата Барбаро, Одорико Порденоне и других авторов: их описания закрепили образ Востока как «иного» и одновременно притягательного пространства. Именно на этой почве сформировалась основа ориенталистского дискурса, позднее проявившегося в европейской литературе и культуре.

Развитие географических знаний способствовало институционализации жанра путевых записок, который одновременно прославлял новые открытия и способствовал укреплению национальных и общеевропейских идентичностей. При этом, несмотря на общность целей, индивидуальный опыт и нарративные стратегии путешественников, таких как Джероламо ди Санто-Стефано и Никколо деи Конти, существенно различались, что напрямую влияло на способы репрезентации Востока в европейском интеллектуальном пространстве.

Кроме того, разнообразие стилистических приёмов и тематических акцентов в путевых текстах формировало множественные способы восприятия Востока, влияя на краткосрочные и долгосрочные представления европейского общества о этих регионах. Классификация этого корпуса источников требует комплексного подхода, учитывающего содержание, контекст создания и влияние нарративов на формирование итальянского национального самосознания через символическое «присвоение» и прославление деяний предков [240].

Данное сложное взаимодействие индивидуальных наблюдений и коллективных процессов конструирования национальной идентичности посредством травелога подчёркивает динамичную связь между эмпирическим знанием и культурной проекцией [240]. Показательно, что избирательная публикация и переинтерпретация раннемодерных итальянских путевых текстов способствовали формированию национальной идентичности в период Рисорджименто, когда ранее «венецианские» или «генуэзские» деяния ретроспективно представлялись как общеитальянские достижения [240].

Подобное переосмысление демонстрирует, как путевые сочинения, изначально информативные или личные, со временем превратились в ключевые тексты национального канона, легитимирующие идею единой нации. Политическая и идеологическая мобилизация этого литературного наследия наглядно демонстрирует, что исторические нарративы постоянно перерабатываются в соответствии с актуальными задачами национального строительства [240].

Тем самым становится очевидно, что жанр путевых записок оказался тесно связан с процессами формирования национальной идентичности, эволюционируя от формы эмпирического описания к инструменту политического и культурного самоопределения [240]. При этом нарративы итальянских путешественников зачастую демонстрируют более сложную мотивационную структуру по сравнению с классической колониальной литературой других европейских держав, выходя за рамки прямого империалистического дискурса.

Иллюстративный материал содержится в Приложении В.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей диссертации была предпринята комплексная попытка анализа путешествий итальянских исследователей в Центральную Азию в XIII–XV веках с учётом историко-географического, политического, экономического, религиозного и культурного контекстов. На основе широкого круга источников, включая хроники, дипломатические документы, торговые отчёты и миссионерские записи, а также введённые в научный оборот рукописи Катерино Зено и Джакомо Соренцо, а также с использованием современных историографических исследований, были выявлены следующие ключевые выводы:

1. Историко-географический контекст путешествий итальянских исследователей. Итальянские путешественники XIII–XV веков сыграли важную роль в развитии международных отношений и трансевразийской торговли. Их экспедиции происходили на фоне расширения Монгольской империи, установления дипломатических контактов между Папским престолом и правителями Орды, Юань и Хулагуидов, а также активного развития морских и сухопутных торговых маршрутов. Понятия «Центральная Азия» и «Тартария» в средневековой историографии носили изменчивый характер, формируясь под влиянием европейских представлений о Востоке. Венецианцы и генуэзцы, отправляясь в далёкие земли, воспринимали их сквозь призму античных и библейских представлений. Однако к XV веку, благодаря описаниям путешественников, географическая картина Азии в сознании европейцев стала более точной. Путешествия итальянцев повлияли на европейскую картографию. Включение данных из записок Марко Поло, Николо Конти, Иосафата Барбаро и других путешественников позволило создать более точные карты Востока. Их сведения использовались при составлении карт Фра Мауро и Каталанского атласа.

2. Политические и дипломатические аспекты путешествий. Венецианцы и генуэзцы активно взаимодействовали с монгольскими государствами. Политические интересы Папской области, Венецианской, Генуэзской, Флорентийской республик были обусловлены стремлением установить торговые контакты, гарантировать безопасность маршрутов и наладить дипломатические отношения. Например, Джованни да Плано Карпини (1245-1247) и Вильгельм де Рубрук сыграли ключевую роль в первых контактах Папского престола с монголами. Дипломатические миссии итальянцев были ориентированы на поиск союзников в противостоянии с мусульманскими государствами Восточного Средиземноморья. Папство и итальянские республики рассматривали монголов как потенциальных участников анти-мамлюкской коалиции. Однако конфессиональные различия и сложная внутриполитическая ситуация в Орде и Хулагуидском Иране существенно затрудняли реализацию этих планов. Вместе с тем между монгольскими правителями и итальянскими государствами заключались соглашения, регламентировавшие правовой статус купцов и миссионеров; францисканские и доминиканские ордена получали покровительство и особые привилегии, что

способствовало укреплению христианского присутствия и развитию торговых связей.

3. Экономическое значение итальянских путешествий. Итальянские торговцы создали разветвлённую сеть коммерческих поселений в Причерноморье и Центральной Азии. Генуэзцы основали колонии в Каффе, Солдайе, Тане, Тебризе и Сарае, которые стали ключевыми пунктами транзитной торговли между Европой и Азией. Основные торговые товары включали шёлк, специи, драгоценные камни, меха, рабов, ткани и металлы. Италия поставляла в Азию стекло, оружие, ткани, а также предметы роскоши, востребованные среди восточных элит. Работорговля занимала важное место в экономике генуэзских колоний. Каффа (современная Феодосия) стала одним из крупнейших центров работорговли, поставляя рабов в Мамлюкский султанат. Торговля пленниками, захваченными в Орде, вызывала конфликты с местными правителями и способствовала эскалации напряжённости между итальянцами и татарами.

4. Францисканские и доминиканские миссионеры сыграли заметную роль в изучении Центральной и Восточной Азии, оставив ценные сведения этнографического и лингвистического характера. Джованни да Монтекорвино, ставший первым католическим архиепископом Пекина, перевёл Евангелие на монгольский язык, заложив институциональные основы католической миссии в регионе. Итальянские миссионеры фиксировали религиозные практики, элементы быта, социальную и политическую организацию, а также языки местных народов; в частности, записи Одорико да Порденонеа содержат важные сведения о тибетцах и китайцах. Вместе с тем, несмотря на активность миссионеров, католицизм не получил устойчивого распространения в Центральной и Восточной Азии, что было обусловлено политической нестабильностью, сохранением традиционных верований и сопротивлением местных элит.

5. Культурное и литературное влияние путешествий. Итальянские путешественники повлияли на формирование европейского представления о Востоке. Их записки стали основой для литературных произведений эпохи Возрождения, таких как «Божественная комедия» Данте и труды Петрарки. Записи путешественников отразили процесс изменения образа монголов в европейском сознании. Такое тонкое понимание итальянской перспективы на Центральную Азию способствовало формированию более сбалансированной и глубокой историографии, которая учитывает сложное взаимодействие культурных, политических, экономических и социальных факторов, повлиявших на многосторонние связи между Италией и регионом в этот важный исторический период. Итальянские нарративы и описания представляют собой ценный контраст с часто романтизированными и идеологически окрашенными изображениями региона, встречающимися во многих британских источниках, предлагая более прагматичный и реалистичный взгляд на динамичные взаимодействия между итальянским и исламским мирами в XIII–XV веках. Если в XIII веке монголов воспринимали как варваров, угрожающих христианскому миру, то к XV веку они стали

представляться как партнёры в торговле и политике. Исследования маршрутов путешественников способствовали развитию европейской географии и ориенталистики. Благодаря трудам Марко Поло, Николо Конти и Амброджо Контарини в Европе появился устойчивый интерес к странам Азии, что в дальнейшем привело к поискам морского пути в Индию.

6. Итальянские путешествия XIII–XV веков оказали заметное влияние на трансформацию экономических и торговых связей Евразии. Итальянские купцы способствовали интеграции банковских и кредитных механизмов в международную торговлю, что повлияло на стратегии западноевропейских государств и стимулировало интерес к дальним экспедициям. Опыт сухопутных путешествий обеспечил накопление знаний о ресурсах, политических условиях и логистике дальних маршрутов, создав предпосылки для эпохи Великих географических открытий.

Анализ наследия итальянских путешественников позволяет по-новому оценить роль Европы в процессах средневековой глобализации, выявить механизмы формирования устойчивых торговых маршрутов и культурного обмена, а также уточнить влияние европейского восприятия на политическую и экономическую динамику Центральной и Восточной Азии.

Рассмотренные в работе свидетельства таких фигур, как Марко Поло, Плано Карпини, Бальдуччи Пеголотти, Одорико да Порденоне, Джованни да Монтекорвино, Джованни де Мариньоли, Рикольдо да Монтекроче, Катарино Зено, Амброджио Контарини а также труды Марино Санудо Торселло, дают представление не только о транснациональных связях, но и об их восприятии европейским обществом, что делает данное исследование актуальным в современных условиях глобализации. Важное место среди путешественников принадлежит выходцам из Аппенинского полуострова. На момент XIII–XV вв. естественно не приходится речь об таком образовании, как Италия, однако выходцы из Флоренции, Венеции и Генуи приобрели всемирную известность.

Для европейского путешественника это было путешествие в место, где обитают драконы, знакомство с чуждой и незнакомой культуры, достижения которой так активно изменили сознание европейцев. На основании анализа исследованной литературы, можно сделать ряд выводов по теме итальянских путешественников XIII–XV веков. Во-первых, общественно-политическая ситуация в Европе явно благоприятствовала экспедициям в Центральную Азию.

С одной стороны, эти поездки преследовали задачу изучения нового мощного государства, с другой стороны - задачу установления дипломатических связей. В значительной степени, итальянские путешественники преуспели в своих миссиях. Косвенным результатом стало огромное наследие в виде письменных документов, которые имеют большую важность для науки и представляют художественную ценность для читателей. Выполненное исследование позволило определить:

1) Главную роль в организации сухопутных экспедиций итальянцев играли накопленный в городах-республиках финансово-банковский капитал и коммерческая культура, сформировавшиеся в ходе «коммерческой революции».

2) Выявлены общие черты смешанных миссий (торгово-дипломатических и миссионерских), а также показано, что монгольская политическая конъюнктура («Pax Mongolica», а затем междоусобицы) непосредственно влияли на интенсивность и безопасность караванных путей.

3) Итальянские путешественники внесли вклад в экономическое развитие Центральной Азии, участвуя в распространении банковско-финансовых практик и совершенствовании торговой инфраструктуры, что свидетельствует о взаимном влиянии евразийских обществ. Их экспедиции стали частью широкой торговой сети, ускорив обмен технологиями, культурными моделями и финансовыми инновациями, а накопленный опыт способствовал переходу к эпохе Великих географических открытий.

Путешествия Джованни де Плано Карпини и Марко Поло продемонстрировали практическую осуществимость дальних сухопутных экспедиций, опиравшихся на развитую инфраструктуру Монгольской империи; их маршруты и наблюдения получили отражение в Книга о разнообразии мира.

В XIII–XV веках сформировался значительный корпус европейских, преимущественно итальянских, описаний Центральной и Восточной Азии, появление которого было обусловлено как расширением Монгольской империи, так и активной торгово-дипломатической и миссионерской деятельностью. Эти сочинения сыграли важную роль в формировании европейских представлений об Азии и создали предпосылки для дальнейшего развития межрегиональных контактов.

Научная ценность данного исследования заключается в переосмыслении их вклада в межкультурный диалог. В условиях глобализации этот опыт взаимодействия остаётся актуальным.

Новизна данной диссертационной работы обусловлена тем, что в ней исследуются рукописи Катерино Зено, Джакомо Соренцо, Джан-Мария Анджолелло, Рикольдо да Монтекроче, а также влияние подобных записок на искусство и живопись эпохи Ренессанса. В дальнейшем было бы полезно изучить влияние восточной литературы на произведения европейских путешественников, а также то, насколько существенно эти тексты повлияли на отношение европейцев к странам Центральной и Восточной Азии.

Тем не менее, взгляды глав наибольших торговых домов Венеции обратились на Восток. Их манила Азия, которая могла предложить европейским купцам множество разного, элитного и дорогого товара. Их путешествия продолжили традицию, заложенную Марко Поло, и способствовали расширению представлений европейцев о Востоке в период зарождения ренессансного мировоззрения в Италии. Несмотря на то что имена этих путешественников нередко остаются на периферии историографии, их сочинения отражают важный этап формирования новых политических, экономических и культурных связей между Западной Европой и Восточной Азией.

Анализ их трудов позволяет рассматривать данные путешествия как часть непрерывного процесса познания Востока, начатого в XIII веке и продолженного в последующие десятилетия. В работе проведена

систематизация сведений о политических и экономических контактах итальянских городов-государств с регионами Центральной и Восточной Азии, уточнена роль религиозных мотивов в описаниях путешественников и разработана методология сравнительного анализа источников, объединяющая подходы культурной антропологии, истории международных отношений и текстологии. Полученные результаты демонстрируют механизмы взаимодействия итальянских государств с азиатскими регионами и их влияние на формирование европейского восприятия Азии.

В исследовании выявлено, как религиозные представления путешественников влияли на их интерпретацию увиденного. Освещена роль католической миссии в Азии и её восприятие в контексте монгольской религиозной политики.

На основе проведённого анализа источников были реконструированы предполагаемые маршруты итальянских путешественников, составленные автором под научным руководством доктора исторических наук, профессора К.Т. Жумагулова. Полная схема приведена в Приложении Г.

Рассматриваемые процессы способствовали расширению географического и культурного горизонта европейцев и сформировали предпосылки для интеграции Евразии в общее пространство обмена знаниями, технологиями и культурными практиками. Анализ взглядов итальянских путешественников позволяет по-новому осмыслить механизмы межкультурного взаимодействия и их значение для формирования долгосрочных глобальных процессов.

Теоретическое обобщение материалов диссертации создаёт основу для выдвижения новых интерпретаций итальянских путешествий в Центральную Азию, тогда как дальнейшее изучение архивных источников открывает возможности для более точного понимания взаимосвязанности исторического развития Европы и Центральной Азии и уточнения роли региона в мировой истории. Это, в свою очередь, способствует укреплению национального самосознания.

Исследование будет полезно специалистам по истории Центральной Азии, экономической истории Европы, а также всем интересующимся межцивилизационным действием в эпоху Средневековья. Диссертация раскрывает как непосредственные цели и результаты этих экспедиций, так и их долгосрочные последствия для формирования международных торговых, политических и культурных связей, подтверждая их ключевую роль в развитии средневековой глобализации и европейской ориенталистской мысли.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Жумагулов К.Т. Исследование тюркского мира Евразии по выявленным латинским источникам Biblioteca Apostolica Vaticana и других книгохранилищ Западной Европы // История и культура Великой степи: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Алматы: Шыгыс пен Батыс, 2020. – С. 228–240.

2. Herbermann C., ed. Marco Polo // Catholic Encyclopedia. – New York: Robert Appleton Company, 1913.

3. Moule A.C., Pelliot P. Marco Polo: The Description of the World. – Vol. 1. – London: George Routledge & Sons Limited, 1938.

4. Aigle D. De la non-négociation à l'alliance inaboutie: Réflexions sur la diplomatie entre les grands Mongols et l'Occident latin // Orient moderne. – 2008. – Vol. 88, № 2.

5. Карпов С. П. Как Феникс из пепла: возрождение торговли в Тане после катастрофы 1395 г. // Золотоордынское обозрение. – 2020. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kak-feniks-iz-pepla-vozrozhdenie-torgovli-v-tane-posle-katastrofy-1395-g (дата обращения: 02.06.2025).

6. Жумагулов К.Т. Великая степь в контексте мировой истории (античность и средние века). // «XXI ғасырдағы ұлттық тарихи сана және қоғамның жаңғыруы» атты Елбасы Н.Назарбаевтың «Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру» жалпыұлттық бағдарламасы мен «Ұлы Даланың Жеті қыры» мақаласында қойылған міндеттерді орындауға арналған республикалық ғылыми-практикалық конференция материалдары. – Алматы, 25 қаңтар 2019. – Б.37-49.

7. Levi S.C., Sela R. Islamic Central Asia: An Anthology of Historical Sources. – Choice Reviews Online. – 2010. – Vol. 48, № 2. – P. 48. – DOI: https://doi.org/10.5860/choice.48-1038

8. Gorshenina S. L’invention de l’Asie centrale. Histoire du concept de la Tartarie à l’Eurasie. – Paris: Librairie Droz, 2014. – 702 p.

9. Beckwith C.I. Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present. – Princeton: Princeton University Press, 2009. – P. 504.

10.Hall T.D., Chase-Dunn C., Niemeyer R. The Roles of Central Asian Middlemen and Marcher States in Afro-Eurasian World-System Synchrony // Trinchur G.K. (ed). The Rise of Asia and the Transformation of the World-System. – Boulder, CO: Paradigm Press, 2009. – P. 69–82.

11.Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. – Кишинёв; Казань: Stratum Plus, 2019. – 809 с.

12.Di Cosmo. Black Sea Emporia, 83–108; Mongols and Merchants on the Black Sea Frontier in the Thirteenth and Fourteenth Centuries: Convergences and Conflicts // Mongols, Turks and Others: Eurasian Nomads and the Sedentary World / eds. Reuven Amitai, Michal Biran. – Leiden: Brill, 2005. – P. 391–424.

13. Grossato A. Navigatori e viaggiatori veneti sulla rotta per l'India: da Marco Polo ad Angelo Legrenzi / pref. di Stefano Rosso-Mazzinghi. – Firenze: Leo S. Olschki, 1994. – ISBN 978-88-222-4241-9.

14. Grossato A. L'India di Nicolò de' Conti: un manoscritto del Libro IV del De Varietate Fortunae di Francesco Poggio Bracciolini da Terranova (Marc. 2560). – Padova: Editoriale Programma, 1994. – ISBN 978-88-7123-133-4.

15. Хаутала Р. От «Давида, царя индий» до «ненавистного плебса сатаны»: антология ранних латинских сведений о татаро-монголах / ред. И.М. Миргалеев. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. – 496 с.

16. Черкас Б. Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII–XIV ст.). – Київ, 2014. – 386 с.

17. Favereau M. The Mongol Peace and Global Medieval Eurasia // Comparativ: Zeitschrift für Globalgeschichte und vergleichende Gesellschaftsforschung. – 2018. – Vol. 28, № 4.

18. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. – 3-е изд., доп. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 604 с. – ISBN 9965-441-18-9.

19. Wheelis M. Biological Warfare at the 1346 Siege of Caffa // Historical Review. – 2002. – Vol. 8, № 9. – P. 4–7.

20. Почекаев Р.Ю. Экономические санкции как инструмент политической борьбы в конфликте Золотой Орды с Венецией и Генуей в 1340-х гг. // Rossica Antiqua. – 2014. – № 2. – С. 102–122.

21. Бретшнейдер Э.В. Азия и Европа в эпоху средневековья: сравнительные исследования источников по географии и истории Центральной и Западной Азии XIII–XVII веков / Э.В. Бретшнейдер; послесл. И.В. Кучумова ; Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Ин-та истории АН РТ ; Региональное отд-ние Рус. геогр. о-ва в Респ. Башкортостан. – Санкт-Петербург: Своё издательство, 2018. – 280 с. – ISBN 978-5-4386-1541-5.

22. Дробышев Ю.И. Новый взгляд на «Историю монголов» Иоанна де Плано Карпини // Золотоордынское обозрение. – 2024. – Т. 12, № 1. – С. 28–38. – DOI: https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.28-38.

23. Britannica. Dayak [Электронный ресурс]. – URL: https://www.britannica.com/topic/Dayak (дата обращения: 26.01.2022).

24. Плано Карпини Иоанн де. История монголов: текст, перевод, комментарии / под ред. А.А. Горского, В.В. Трепавлова ; подгот. лат. текста П.В. Лукина ; пер. с лат. А.А. Вовина, П.В. Лукина ; коммент. А.А. Горского, П.В. Лукина, С.А. Масловой, Р.Ю. Почекаева, В.В. Трепавлова. – М.: ИДВ РАН, 2022. – 383 с.

25. Rockhill W.W. The Journey of William of Rubruck to the Eastern Parts of the World, 1253–55, as Narrated by Himself, with Two Accounts of the Earlier Journey of John of Pian de Carpine / tr. from the Latin and ed. with an introductory notice by William Woodville Rockhill. – London: Hakluyt Society, 1900.

26. Aquino I.S. Itinerarium fratris Willielmi de Rubruquis de ordine fratrum Minorum: transformações nas formas de representação do mundo de um viajante

medieval. – Porto Alegre: Universidade Federal do Rio Grande do Sul, Instituto de Filosofia e Ciências Humanas, Departamento de História, 2012.

27. Rodrigues M.U. Os Mongóis – a cavalgada e o eclipse // Nômades e sedentários na Ásia Central. – Porto: Campo da História, 1999. – P. 235–260.

28. Le Goff J. Centro / Periferia // Le Goff J., Schmitt J.-C. Dicionário Temático do Ocidente Medieval. – São Paulo: EDUSC, 2002. – Vol. II.

29. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Восточная литература, 2001. – 752 с.

30. Sultangalieva G. The Place of Kazakhstan in the Study of Central Asia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2015. – Vol. 16, № 2. – P. 345–358.

31. Richthofen F. von. Die Entwicklung der wissenschaftlichen Geographie in Sachsen unter dem Einfluss von Oscar Peschel, Otto Delitsch und Ferdinand von Richthofen / Rainer W. Gärtner. – [S.l.]: [s.n.], 1993.

32. Кун М. Легенды и мифы Древней Греции. – М.: АСТРА, 2013. – 540 с.

33. Калуцков В.Н. Grattez le Russe et vous trouverez le Tartare, или о судьбе одной мифологической страны // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 1. – С. 87–99.

34. Хвальков Е.А. Генуэзская Каффа в XIII–XV вв. – СПб.: Алетейя, 2024.

35. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Италия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1894. – Т. XIII (А).

36. Мишо Г. История крестовых походов : Перевод с французского С.Л. Клячко; с 32 отдельными рисунками на дереве Густава Доре и многими политипажами в тексте. - Санкт-Петербург ; Москва : Издание товарищества М.О. Вольф, 1884 (Санкт-Петербург).

37. Анти С. Архиепископ Петр и Лионский собор 1245 года // Rossica antiqua. – 2011. – № 1.

38. Спасский Б.И. История физики: учеб. пособие для вузов. В 2 ч. Ч. I. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1977.

39. Горский А.А. Плано Карпини, Александр Невский и планы хана Гуюка // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2019. – № 3. – С. 5–11.

40. Campbell M.J.E. Giovanni da Pian del Carpini [Электронный ресурс] // Encyclopaedia Britannica. – 2021. – URL: https://www.britannica.com/biography/Giovanni-da-Pian-del-Carpini (дата обращения: 26.01.2022).

41. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941.

42. Olschki L. Marco Polo’s Asia: An Introduction to His “Description of the World” Called “Il Milione”. – Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960.

43. Watson A.J. Mongol inhospitality, or how to do more with less? Gift giving in William of Rubruck’s Itinerarium // Journal of Medieval History. – 2011. – Vol. 37, Issue 1. – P. 90–101. – DOI: https://doi.org/10.1016/j.jmedhist.2010.12.006.

44. Франкопан П. Шелковый путь: дорога тканей, рабов, идей и религий. – М.: Эксмо, 2015.

45. Иогансон Л.И. Марко Поло, покоритель пространства, и его книга, покорившая время // Пространство и Время. – 2014. – № 1 (15).

46. Книга Марко Поло / пер. со старофранц. И.П. Минаева; ред. и вступ. ст. И.П. Магидовича. – М., 1956. – С. 29–40.

47. Maraini F., Peters E. Marco Polo [Электронный ресурс] // Encyclopaedia Britannica. – 2022. – URL: https://www.britannica.com/biography/Marco-Polo (дата обращения: 26.01.2022).

48. Hoffman D.L. Rusticiano da Pisa // In: Lacy N.J. The New Arthurian Encyclopedia. – N.Y.: Garland, 1991. – P. 392. – ISBN 0-8240-4377-4.

49. Watanabe H. Marco Polo Bibliography 1477–1983. – Tokyo, 1986.

50. Wood F. Did Marco Polo Go to China? // Asian Affairs. – 1996. – Vol. 27, No. 3. – P. 296–304; см. также: de Rachewiltz I. Marco Polo Went to China // Zentralasiatische Studien. – 1997. – Vol. 27. – P. 34–92.

51. Jensen J. The World's most diligent observer // Asiatische Studien. – 1997. – Vol. 51, № 3. – P. 719–728.

52. Haw S.G. Marco Polo's China: A Venetian in the Realm of Khubilai Khan. – Vol. 3 of Routledge Studies in the Early History of Asia. – London: Psychology Press, 2006. – ISBN 978-0-415-34850-8.

53. Jackson P. Stephen G. Haw: Marco Polo's China. A Venetian in the Realm of Khubilai Khan // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. – 2007. – Vol. 70, № 2. – P. 438–440. – DOI: 10.1017/S0041977X07000651.

54. Morgan D.O. Marco Polo in China – Or Not // The Journal of the Royal Asiatic Society. – 1996. – Vol. 6, № 2. – P. 221–225. – DOI: 10.1017/S1356186300007203.

55. Юань ши. Гл. 205. О министрах-злодеях: биография Ахмада / Пер. с кит. и коммент. Ж. де Майи // Histoire générale de la Chine, ou Annales de cet Empire. – Paris, 1777–1783. – Т. 12.

56. Губер П.К. Хождение на восток венецианского гостя Марко Поло, прозванного Миллионщиком / Предисл. Д.Н. Егорова. – Л.: Брокгауз-Ефрон, 1929.

57. Қырымның қырық батыры туралы жыр. – Қолжазба. – III бөлім, папка № 830. – Б. 272–288.

58. Шкловский В. Земли разведчик. – М.: Советский писатель, 1969. – С. 45–47.

59. Жумагулов К.Т., Grassi F.L. Интеграция Востока и Запада в истории // Вестник КазНУ. Серия историческая. – 2018. – Т. 89, № 2. – С. 4–12. – DOI: https://doi.org/10.26577/JH-2018-2-211.

60. Gregorius IX. Litteras ad regem Ungariae Belae 1 julii 1241 // Archivum Secretum Vaticanum. – Vaticanum Register. – N 20. – F. 89v–90r.

61. Salvacondotto rilasciato da Abagha ai vescovi inviati dal papa (anno 1267 o 1279) // Archivum Secretum Vaticanum. – A., Archivum Arcis, Armaria Arm. I–XVIII, № 1801 – 1/3.

62. Lettere di Ghasan a Bonifacio VIII (1302) // Archivum Secretum Vaticanum. – A.A., Archivum Arcis, Armaria Arm. I–XVIII, № 1802.

63. Жумагулов К.Т. Переписка римских пап с ханами Золотой Орды и других частей Империи (по редким фондам и архивам Ватикана) // Шығыс пен Батыс. Shygys. – 2019. – № 1. – С. 35–42.

64. Bezzola G.A. Die Mongolen in abendländischer Sicht (1220–1270). Ein Beitrag zur Frage der Völkerbegegnungen. – Bern; München: Francke Verlag, 1974.

65. Sinor D. Les relations entre les Mongols et l'Europe jusqu'à la mort d'Arghoun et de Béla IV // Cahiers d'Histoire Mondiale. – 1956. – Vol. III.

66. Григорьев В.В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. – М.: Университетская типография, 1842. – 131 с. – Режим доступа: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=68632. – (дата обращения: 21.08.2023).

67. Березин И.Н. Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам). – СПб.: Типография АН, 1850. – 24 с.

68. Березин И.Н. Ханские ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея с введением, переписью, переводом и примечаниями. – Казань: Типография университета, 1851. – 56 с.

69. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: источниковедческое исследование. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – 276 с.

70. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 253 с.

71. О западном крае и о памятниках вообще. Записка Вельяминова-Зернова В., Куника А., Попова А. и Срезневского // Известия Императорской академии наук. – 1868. – Т. 6.

72. Allsen T.T. Ever closer encounters: the appropriation of culture and the apportionment of peoples in the Mongol Empire // Journal of Early Modern History. – 1997.

73. Григорьев В.В. История монголов. От древнейших времен до Тамерлана. – СПб.: Типография Карла Крайя, 1834. – 169 с. – Режим доступа: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=89781 (дата обращения: 21.08.2023).

74. Радлов В.В. Сибирские древности. Материалы по археологии России. № 5. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1891. – Т. 1, вып. 2. – 84 с. – Режим доступа: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=74028(дата обращения: 21.08.2023).

75. Richard J. "Buscarello de Ghizolfi" // Encyclopædia Iranica. – 1990. – Vol. IV. – Fasc. 6. – P. 569.

76. Haenisch E. Zu den Briefen der mongolischen Ilkhane Arghun und Öljeitü an den König Philipp den Schönen // Oriens. – 1949. – Vol. 2.

77. Richard J. Le début des relations entre la Papauté et les Mongols de Perse // Journal Asiatique. – 1949. – № 237. – P. 287–293.

78. Desimoni C. I conti dell'ambasciata al chan di Persia nel 1292 // Atti della Società Ligure di Storia Patria. – 1877–1884. – Vol. 13. – P. 537–698.

79. Petech L. Les marchands italiens dans l'empire mongol // Journal Asiatique. – 1962. – Vol. 201. – P. 549–574.

80. Lane G. Daily life in the Mongol Empire. – Greenwood Press, 2006. – (Daily life through history series).

81. Guillaume de Rubrouck. Voyage dans l'Empire Mongol. – 1993.

82. William of Rubruck. The Mission of Friar William of Rubruck: His Journey to the Court of the Great Khan Möngke, 1253–1255 / Translated by P. Jackson; introduction, notes and appendices by P. Jackson with D. Morgan. – London: Hackett Classics, 1990. – ISBN 978-0872209817.

83. Ciociltan V. Wilhelm von Rubruks Angaben über Rumanen und Baschkiren im Lichte der orientalischen Quellen // Südostforschungen. – 1983. – Vol. XLII.

84. Culture/Power/History: A Reader in Contemporary Social Theory / Ed. by N. B. Dirks, G. Eley, S. B. Ortner. – Princeton: Princeton University Press, 1993. – (Princeton Studies in Culture/Power/History, 12).

85. Morgan D.O., Amitai-Preiss R. The Mongol Empire and Its Legacy. – Leiden: Brill, 2000. – (Islamic History & Civilization).

86. Rossabi M. How Mongolia Matters: War, Law, and Society. – Leiden: Brill, 2017. – (Brill's Inner Asian Library).

87. Hautala R. Western Missionaries and Merchants: an Example of Cooperation Within the Framework of the Mongol Empire // Тюркологические исследования. – 2018. – Т. 1, № 4. – С. 42–66.

88. Жумагулов Қ.Т., Абдимомынов Н. Основные направления торговых связей Золотой Орды (XIII – начало XV вв.) // Вестник КазНУ. Серия историческая. – 2018. – Т. 90, № 3.

89. Бобрышева Д.Е. Первые католические миссии в Китае // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2020. – № 6 (46). – С. 308–314.

90. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: проблема исторической преемственности. – М.: Восточная литература, 1993.

91. Olson M. Dictatorship, democracy, and development // American Political Science Review. – 1993. – Vol. 87, No. 3. – P. 567–576.

92. Сабитов Ж. М. Административная реформа хана Узбека // В кн.: Ислам и власть в Золотой Орде. – Казань, 2012. – С. 232–239.

93. Acta Ioannis XXII (1317–1334) / Ed. A. Tăutu. – Vatican: Pontificia Commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis, 1952. – (Fontes, Series III, Vol. VII, Tom. II).

94. Arnold T. W. The preaching of Islam: a history of the propagation of the Muslim faith. – London: A. Constable and Company, 1896. – P. 200–201.

95. Monumenta historiae Patriae edita iussu regis Caroli Alberti. Vol. II. Leges. Tom. I. – Torino: Augustae Taurinorum Reg. Typograph., 1838. – 1773 p.

96. Richard J. Missions to the North of the Black Sea: Thirteenth and Fourteenth Centuries // The Spiritual Expansion of Medieval Latin Christendom: The Asia Missions / Ed. by J.D. Ryan. – Farnham: Ashgate Publishing, 2013. – P. 343–356.

97. Moule A.C. Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323 // Archivum Franciscanum Historicum. – Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1923. – No. 16/1–2. – P. 104–112.

98. Tanase T. A Christian Khan of the Golden Horde? ‘Coktoganus’ and the geopolitics of the Golden Horde at the time of its Islamisation // Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée. – 2018. – Vol. 143.

99. Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente francescano. – Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1906–1927. – 5 Vols.

100. Bartholomeus de Pisis. De conformitate vitae beati Francisci ad vitam Domini Iesu. – Quaracchi: Typographia Collegii S. Bonaventurae ad Claras Aquas, 1906–1912.

100. Григорьев В. В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству: Историко-филологическое исследование. – М.: Университетская типография, 1842. – 132 с.

101. Loenertz R. J. Les Missions dominicaines en Orient au XIVe siècle et la Société des frères pérégrinants // Archivum fratrum praedicatorum. – 1932. – № 2.

102. Richard J. La Papauté et les missions d’Orient au Moyen Âge (XIIIe–XVe siècles). – Rome: École Française de Rome, 1998. – 331 p.

103. Fedalto G. La chiesa latina in Oriente. – Verona: Casa editrice mazziana, 1973. – 526 p.

104. Annales ecclesiastici Caesaris Baronii / Eds. Raynaldus O., Theiner A. – Barri-Ducis: L. Guerin, 1864–1883. – Vol. 1–37.

105. Oldham R. D. The Portolan Maps of the Rhône Delta: A Contribution to the History of the Sea Charts of the Middle Ages // The Geographical Journal. – 1925. – Vol. 65, No. 5. – P. 403–424.

106. Zahler D. The Black Death. – Revised ed. – Twenty-First Century Books, 2013. – ISBN 978-1-4677-0375-8.

107. Tanase T. Le "khan" Nogaï et la géopolitique de la mer Noire en 1287 à travers un document missionnaire: la lettre de Ladislas, custode de Gazarie // Annuario dell'Istituto romeno di cultura e ricerca umanistica di Venezia. – 2005. – Vol. 6–7. – P. 267–303.

108. Ciociltan V. The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries. – Leiden: Brill, 2012. – DOI: 10.1163/9789004236431.

109. Kedar B. Z. Segurano-Sakran Salvaygo : un mercante genovese al servizio dei sultani mamalucchi c. 1303–1322 // In: Cipolla C. M., Lopez R. S. (Eds.). Fatti e idee di storia economica nei secoli XII–XX. – Bologna: Il Mulino, 1976.

110. Favereau M. Introduction: The Islamisation of the Steppe // Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée. – 2018. – № 143. – URL: https://journals.openedition.org/remmm/ (дата обращения: 11.11.2024).

111. Marin C. A. Storia civile e politica del commercio de' veneziani. – Vinegia: Nella stamperia Coleti, 1798–1800. – Vol. 1–8.

112. Canale M. G. Delia Crimea, del suo commercio e del suoi dominatori dalle origini fino ai di nostri. – Genova, 1855–1856. – Vol. 1–3.

113. Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak. – Pesth, 1840. –P. 683.

114. Скржинская Е. Ч. История Таны (XIV–XV вв.) // Барбаро и Контарини о России. – Л.: Наука, 1971. – С. 29–64.

115. Карпов С. П. Венецианская работорговля в Трапезунде (конец XIV – начало XV в.) // Византийские очерки. – М., 1982. – С. 191–207.

116. Жумагулов К. Т., Абдымомынов Н. Т. Алтын Орданың халықаралық сауда-экономикалық қарым-қатынастары (XIII–XIV ғғ.): монография. – Алматы: Қазақ университеті, 2016. – 230 б.

117. Adravanti F. Cengiz-Khan. Primo imperatore del “Mirabile Dominium”. – Milano: Bompiani, 2001. – 376 p.

118. Bussagli M. Culture e civiltà dell'Asia centrale. – Torino: ERI, 1970. – 319 p.

119. Bihl M., Moule A. C. Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322 // Archivum Franciscanum Historicum. – 1924. – № 17. – P. 55–71.

120. Norrell M., Rosati L., Wetzel A. [Title not provided]. – Turin: Codice Edizioni. – 167 p.

121. Никифор Григора. История ромеев: В 3 т. / Пер. с греч. Р. В. Яшунского. – СПб.: Квадривиум, 2013.

122. Cossuto G. L'italianità trasformata: la caduta di Caffa e gli italiani della ex colonia tra Khanato di Crimea e Impero ottomano // Altreitalie. – 2008. – № 36–37. – P. 163–172.

123. Бек К. История Венеции / Пер. с фр. – М.: Весь мир, 2002. – 192 с.

124. Карпов С. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 336 с.

125. Петрарка. Письмо к Гвидо Сетте, архиепископу Генуи, об изменении времени / Пер. Л. М. Лукьяновой // В кн.: Стам С. М. (ред.). Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. – М., 1984. – С. 82–92.

126. Голубев Л. Э. Феодальные владения адыгов на Северо-Западном Кавказе в XV в. // Вестник науки Адыгейского НИИ гуманитарных исследований. – 2016. – № 9 (33).

127. Ролова А. Д. Итальянский купец и его торгово-банковская деятельность в XIII–XV вв. – URL: http://thietmar.narod.ru/articles/italyanskij-kupec-2.htm (дата обращения: 22.11.2024).

128. De Roover R. The Rise and Decline of the Medici Bank. – New York, 1966.

129. Tenenti A. Component ed evoluzione dei tassi assicurativi mediterranei nel secolo XVI // Aspetti della vita economica...

130. Valérian D. The Medieval Mediterranean // In: Horden P., Kinoshita S. (Eds.). A Companion to Mediterranean History. – Chichester: Wiley Blackwell, 2014. – P. 79–90.

131. Гарданов В. К. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974.

132. Древняя культура Центрального Казахстана / Под ред. А. Х. Маргулана. – Алма-Ата, 1966.

133. Lopez R. S. European Merchants in the Medieval Indies: The Evidence of Commercial Documents // The Journal of Economic History. – 1943. – Vol. 3, No. 2. – P. 164–184. – URL: http://www.jstor.org/stable/2113495 (дата обращения: 22.11.2024).

134. Пачкалов А. В. Находки монет Золотой Орды в Индии и Китае // Золотоордынское обозрение. – 2021. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nahodki-monet-zolotoy-ordy-v-indii-i-kitae (дата обращения: 22.11.2024).

135. Falchetta P. Fra Mauro's World Map. – Turnhout: Brepols, 2006. – ISBN 978-2-503-51726-1.

136. Юдин Н. И. О локализации мечетей Азака на основании эпиграфических находок // Археология евразийских степей. – 2022. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-lokalizatsii-mestopolozheniya-mechetey-azaka-na-osnovanii-epigraficheskih-nahodok (дата обращения: 15.09.2023).

137. Barbaro J. Di Messer Iosophat Barbaro... Il viaggio della Tana, et nella Persia // In: Ramusio G. B. Secondo volume delle Navigationi et Viaggi. – Venetia, 1559.

138. Барбаро И. Путешествие Иосафата Барбаро в Тану // Библиотека иностранных писателей о России. – СПб., 1836. – Т. 1. – Отд. 1.

139. Волков И. В. Сведения о Китае в сочинении Иосафата Барбаро // Общество и государство в Китае. – 2012. – Т. 42, № 3. – С. 78–88.

140. Масловский А. Н., Минаев А. П., Юдин Н. И. Сельская округа Азака по данным керамических и нумизматических находок // Поволжская археология. – 2021. – № 2 (36). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/selskaya-okruga-azaka-po-dannym-keramicheskih-i-numizmaticheskih-nahodok-vzaimodeystvie-goroda-i-selskogo-naseleniya (дата обращения: 15.09.2023).

141. Попов Х. И. Сведения о древних памятниках, находящихся в земле Войска Донского // Труды I Археологического съезда в Москве 1869 г. – М.: Синодальная типография, 1871. – Т. I. – С. 166–183.

142. Амензаде Р. Иосафат Барбаро – посол Венеции в Азербайджане и его архитектурные заметки // Annali d'Italia. – 2020. – № 8-1. – С. 3–6.

143. Nasuhüz Sılahı (Matrakçi). Beyan-i menazil –i sefer-i irakeyn-i Sultan Süleyman han. – Ankara, 1976. (на тур. яз.)

144. Еманов А. Г. Север и Юг в истории коммерции на материалах Кафы XIII–XV вв. – Тюмень: Город, 1995. – 225 с.

145. Иевлева О. Т. Венецианская Тана в средние века // Инженерный вестник Дона. – 2019. – № 9 (60). – С. 68.

146. Валиханов Ч. Ч. Избранные произведения. – Алма-Ата, 1958. – С. 94.

147. Якубовский А. Ю. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X–XV вв. – Л., 1932.

148. Baumer C. History of Central Asia. – Vol. 3. – 2016. – P. 263–270.

149. Verlinden C. Medieval 'Slavers' // In: Herlihy D., Lopez R. S., Slessarev V. (Eds.). Economy, Society and Government in Medieval Italy. – Kent State University Press, 1969.

150. Григорьев А. П., Григорьев В. П. Платежная ведомость Тайдулы (1359 г.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. — СПб., 1997. — Вып. 3, сер. 2.

151. Verlinden, C. The Beginnings of Modern Colonization: Eleven Essays with an Introduction. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1970.

152. Бицилли, П. М. Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII века. Одесса, 1916. 250 с.

153. Gernet, J. A History of Chinese Civilization. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 377 с.

154. Lanciotti, L. Andrea da Perugia, Vescovo di Ch'üan-Chou (Zayton) // Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente. 1959. №5. С. 93–98.

155. Sella, P. Il Vangelo in Oriente. Giovanni da Montecorvino, frate minore e primo vescovo in terra di Cina (1247–1328). Assisi: Edizioni Porziuncola, 2008.

156. Jackson, P. The Mongols and the West: 1221–1410. London: Longman, 2005.

157. Arnold, L. Princely Gifts and Papal Treasures: The Franciscan Mission to China and Its Influence on the Art of the West, 1250—1350. Desiderata Press, 1999.

158. Дубровская, Д. В. Теория и практика миссионерской деятельности западных христианских церквей в Китае в VII–XVIII вв. Дисс. … д-ра ист. наук. Москва, 2022. 505 с.

159. Садченко, В. Н. Расширяя границы мира, или как францисканцы открывали Азиатский Восток // История и историческая память. 2016. Вып. 13/14. С. 28–42.

160. Дубровская, Д. В. От папских послов к мученикам веры: попытка обобщения францисканской проповеди в Китае в XIII–XVIII вв. // Восток. 2021. №5. С. 216–227.

161. Одорико из Порденоне. Восточных земель описание // После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны Трех Индий. Пер. с лат. и староитал. яз. М.: Наука, 1968. С. 170–195.

162. Хенниг, Р. Неведомые земли. Т. III. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 187–195.

163. Odoric of Pordenone. The Travels of Friar Odoric. Transl. H. Yule. Intro. P. Chiesa. Grand Rapids: Eerdmans, 2001. 174 p.

164. После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий. М.: Наука, 1968. С. 118–126.

165. Дашкевич, Н. П. Из истории средневекового романтизма. М.: Книга по Требованию, 2019. 757 с.

166. Бауэр, С. История Средневекового мира. М.: АСТ, 2018. 470 с.

167. Штекль, А. История средневековой философии. М.: ДиректМедиа Паблишинг, 2016. 382 с.

168. Корелин, М. С. Важнейшие моменты в истории средневекового папства. М.: РГГУ, 2018. 572 с.

169. Минаев, И. П. Очерки Цейлона и Индии. В 2 ч. СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1878. Ч. 1: V, 285 с.; Ч. 2: 239 с.

170. Rizzardi, G. Il Contra legel Saracenorum di Riccoldo di Montecroce. Teologia №9. 1984.

171. Максимов, Ю. Отношение к исламу в дореволюционной России по трудам церковных авторов // Православие.Ru. 14 июля 2008.

172. Roux, J.-P. Histoire de l'Empire Mongol. Paris: Fayard, 1993.

173. Баландин, С. Пятое Евангелие. Иерусалим, 1999.

174. Заборов, М. А. Крестоносцы на Востоке. М.: Наука, 1980.

175. Lowry, H. The Nature of the Early Ottoman State. New York, 2003.

176. Миргалеев И.М., Адыгамов Р.К., Абдуррахман Х.Х. Личность Тамерлана в трудах богословов Средневековья // Золотоордынское обозрение. 2022.

177. Emery, E. Riccoldo of Monte Croce: working notes // Arabic and Judaic Influences in and around Dante Alighieri. Cambridge: Univ. of Cambridge, 2003.

178. Schildgen, B. D. Dante and the Orient. Urbana: Univ. of Illinois Press, 2002.

179. De Roover, R. The Rise and Decline of the Medici Bank. N.Y., 1966.

180. Камбар, Гулмарал. Материалы Международной конференции Самарканд. Civilizacii i kul'tury Central'noj Azii v edinstve i mnogoobrazii. Samarkand-Tashkent: IICAS, 2009. 332 c.

181. Гетум Патмич. Цветник историй стран Востока // Армянские источники о монголах. М., 1962.

182. Sanuti Torselli, M. Liber secretorum fidelium crucis / ed. Bongarius // Gesta Dei per Francos. Hannoviae, 1611.

183. Жуанвиль, Ж. де. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика.

184. Le Strange, G. The Story of the Death of the Last Abbasid Caliph // Journal of the Royal Asiatic Society. 1900. Apr.

185. Юрченко А.Г. Империя и космос. Реальная и фантастическая история походов Чингис-хана по материалам францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002.

186. Аверьянов, Ю. А. Хаджи Бекташ Вели и суфийское братство бекташийа. М., 2011.

187. История Ирана / под ред. М. С. Иванова. М., 1977. С. 156; Петрушевский, И. П. Ислам в Иране в VII–XV вв. СПб., 2007.

188. The Cambridge History of Iran. Vol. 5.

189. Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье / под ред. Б. А. Литвинского. М., 1992.

190. Бартольд, В. В. Сочинения. Т. 7. М., 1971.

191. Манандян, Я. А. О торговле и городах Армении. Эривань, 1930.

192. Ashtor, E. P. Levant Trade in the Middle Ages. Princeton, 1984.

193. Diplomatarium Veneto-Levantinum. Vol. 1 / ed. C. M. Thomas. Venice, 1899. № 85.

194. Rizzo, A. Firenze e il sultanato mamelucco: le fonti diplomatiche // Il Monitore della Toscana. 2021. №34. С. 5–10.

195. Rizzo, A. Reassessing the Significance of Archival Material in Mamluk Diplomatic Studies // Mamluk Studies Review. 2021. №24. С. 235–254.

196. Rizzo, A. Istruire su parole e gesti della diplomazia // Anuario de Estudios Medievales. 2021. №51/2.

197. Sayaf, G. Politica, economia e società nel periodo di Qānsū al-Gūrī. Tesi dottorale. 2011. 190 p.

198. Dekkiche, M. New diplomatic history and Mamluk studies // Cesura. 2023. С. 133–166.

199. Poliak, A. N. Le caractère colonial de l'État mamelouk // Revue des études islamiques. 1935. Т. 9.

200. Закиров, С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966.

201. Юрченко, А. Г. Хан Узбек: Между империей и исламом. СПб., 2012.

202. Finkel, C. Osman's Dream: The Story of the Ottoman Empire 1300–1923. London, 2006.

203. Markham, C. R. Narrative of the embassy of Ruy Gonzalez de Clavijo. London: Hakluyt Society, 1859.

204. Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300–1914. Cambridge, 1994.

205. Pitcher, E. D. An Historical Geography of the Ottoman Empire. Leiden, 1972.

206. Caraci, G. Zeno, Caterino // Enciclopedia Italiana. Roma: Istituto dell'Enciclopedia Italiana, 1937.

207. De i commentarii del viaggio in Persia di M. Caterino Zeno il K. : et delle guerre fatte nell'imperio persiano, da tempo di Ussuncassano in quà : libri due. et dello scoprimento dell'isole Frislanda, Eslanda, Engrovelenda, Estotilanda, et Icaria, fatto sotto il polo Artico : libro uno,... ([Reprod.]) / da fratelli Zeni, M. Niccolò il K. e M. Antonio

208. The Travels of a Merchant in Persia // A Narrative of Italian Travels in Persia. London: Hakluyt Society, 1873. С. 139–208.

209. Babinger, F. Angiolello, Giovanni Maria // Dizionario Biografico degli Italiani. 1961. Vol. 3.

210. Miller, B. Beyond the Sublime Porte. N.Y.: AMS Press, 1931 (1970).

211. Giovanmaria Angiolello. Breve narratione della vita et fatti del signer Ussuncassano // Ramusio, II.

212. Dong, S. The Tartars in European Missionary Writings of the Seventeenth Century // Foreign Devils and Philosophers. Leiden: Brill, 2020. С. 82–103.

213. Migne, J.-P. Patrologiae Latinae Cursus Completus (PL) \[CD-ROM]. Chadwick-Healy, 1993–1995. V.15.

214. Беделова Г.С., Жумагулов К.Т., Масимханулы Д., Абиденкызы А. Деятельность итальянских купцов в Персии в эпоху монгольского владычества. Oriental Studies. 2025;18(2):280-296. https://doi.org/10.22162/2619-0990-2025-78-2-280-296

215. Sardelic, M. John of Plano Carpini vs Simon of Saint-Quentin // Golden Horde Review. 2017. №3(5). С. 494–508.

216. Корш, В. Ф. Всеобщая история литературы. Т. 2. М.: Книга по Требованию, 2019. 975 с.

217. Cartwright, M. Food & Drink in the Mongol Empire // World History Encyclopedia. 26 Sept. 2019. URL: (https://www.worldhistory.org/article/1451/food--drink-in-the-mongol-empire/)

218. History of Ultramarine // University of York. Archived 2022-04-01. Accessed 12.04.2023.

219. Heyd, W. Geschichte des Levantehandels im Mittelalter. Bd. I–II. Stuttgart, 1879.

220. Shim, H. The Postal Roads of the Great Khans in Central Asia under the Mongol-Yuan Empire. Journal of Sung-Yuan Studies, 44(1), 2014. https://doi.org/10.1353/sys.2014.0006

221. Findlay, R. Asia and the World Economy in Historical Perspective. In Oxford University Press eBooks. Oxford University Press, 2019. https://doi.org/10.1093/oso/9780198844938.003.0004

222. Kovács, S., & Vér, M. Mongols and the Silk Roads: an Overview. Acta Orientalia, 74(1), 2021. https://doi.org/10.1556/062.2021.00009

223. Liščák, V. Italian City-states and Catholic Missions in Mongolian World of the 13th and 14th Centuries. Anthropologia Integra, 3(2), 2012. https://doi.org/10.5817/ai2012-2-27

224. Liberati, R. Forging Bonds across Continents: Italian Merchants and Īl-Khānid Diplomacy. Crossroads, 22, 2023. https://doi.org/10.1163/26662523-bja10016

225. Remapping Travel Narratives, 1000-1700. In Amsterdam University Press eBooks. Amsterdam University Press, 2018. https://doi.org/10.1515/9781942401605

226. Tiller, E. Humanist transfer of knowledge from foreign lands: modes of cognitive perception of the world among Florentine travelers to America between 1490 and 1530. Neohelicon, 47(2), 2020. https://doi.org/10.1007/s11059-020-00560-z

227. Jargalsaikhan, T., Ryenchin, S., Selenge, T., & Ulzii-Ochir, N. Mongolian Foreign Trade History from the Silk Road. Mongolian Diaspora Journal of Mongolian History and Culture, 2024. https://doi.org/10.1515/modi-2023-0004

228. Keyworth, G. A. Did the Silk Road(s) Extend from Dunhuang, Mount Wutai, and Chang'an to Kyoto, Japan? A Reassessment Based on Material Culture from the Temple Gate Tendai Tradition of Miidera. 2022. https://doi.org/10.1163/9789004508446_003

229. G.I., S., & Akeje, K. Developmental Historiography of the Ancient Silk Road. 4(1), 69, 2021. https://doi.org/10.52589/ajchrt-a7od6ndn

230. Sun, Q. Correlating European Age of Discovery Through Asiatic Trade in 15th – 18th Century. Advances in Economics, Business and Management Research/Advances in Economics, Business and Management Research. 2022. https://doi.org/10.2991/aebmr.k.220306.020

231. Gębora, A. K. Pedagogical Values of Renaissance Travels. International Letters of Social and Humanistic Sciences, 49, 2015. https://doi.org/10.18052/www.scipress.com/ilshs.49.185

232.Cachey, T. J. An Italian Literary History of Travel // Annali d'Italianistica. 1996. URL: http://www.jstor.org/stable/24007432

233. Leed, E. J. The Mind of the Traveler. N.Y.: Basic Books, 1996.

234. Говорунов, А. В., Кузьменко, О. П. Ориентализм и право говорить за другого // Международный журнал исследований культуры. 2013. №2(11). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/orientalizm-i-pravo-govorit-za-drugogo

235. Schildgen, B. D. Dante and the Orient. Urbana: Univ. of Illinois Press, 2002.

236. Matteo, S. Horizontal and Vertical Journeys in the Italian Imagination // MLN. 2014. №129. C. S7–S20.

237. Colesanti, M. Luigi Foscolo Benedetto // Letteratura italiana. I critici. Vol. IV. Milano, 1969.

238. Mussardo, G., Polizzi, G. Sky and Earth: Travelling with Dante Alighieri and Marco Polo. Cham: Springer, 2023.

239. Dionisotti, C. Geografia e storia della letteratura italiana. Turin: Einaudi, 1967.

240. Falcucci, B., Giusti, E., Trentacoste, D. Rereading travelers to the East. Florence: Firenze University Press, 2022.

241. Cattaneo, A. European Medieval and Renaissance Cosmography: A Story of Multiple Voices. The Asian Review of World Histories, 4(1), 35, 2016. https://doi.org/10.12773/arwh.2016.4.1.035

242.Wintle, M. Renaissance maps and the construction of the idea of Europe. Journal of Historical Geography, 25(2), 1999. https://doi.org/10.1006/jhge.1999.0111

243.Liu, C. The Silk Road: A Modern Analogy of Globalization and Cultural Exchange. Communications in Humanities Research, 28(1), 2024. https://doi.org/10.54254/2753-7064/28/20230242

244.Fiorani, V. P. The Silk Route and Its Reflection on Knowledge and Syncretism and Images in Painting and Architectonic Forms in Middle-Inner Asia: A Paradigm Beyond Space and Time (13th–15th Centuries AD). Rendiconti. Classe Di Lettere e Scienze Morali e Storiche, 2020. https://doi.org/10.4081/let.2018.572

245.Robinson, L. F. Orientalism through the Balkan Lens of Paja Jovanović // Serbian Studies. 2011. Vol. 25, №2. C. 273.

246.Кумеков Б. Е. Арабские и персидские источники по истории кипчаков VIII–XIV вв. — Алма-Ата: Наука, 1987.

247.M. Rogerii Hungari, varadiensis capituli canonici, miserabile carmen, seu historia super destructione regni Hungariae temporibus Belae IV regis, per Tartaros facta / cura et studio Joannis Georgii Schwandtneri // Scriptores Rerum Hungaricarum veteres ac genuini. Pars Prima. Vindobona, 1766

248.Кляшторный С. Г. Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005.

249.Pagnini del Ventura, Gian Francisco, Della Decima di Varie Gravezze Imposte dal Comune di Firenze della Moneta e della Mercatura de' Fiorentini Fino al

Secolo XVI [A Treatise on the Decima and the Various Other Burdens Imposed on the Community of Florence and on the Currency and Commerce of the Florentines up to the Sixteenth Century], Vol. III: Practica della Mercatura [The Practice of Commerce], Florence, 1766.

250.Thomae Archidiaconi Spalatensis / Archdeacon Thomas of Split, Historia Salonitanorum atque Spalatinorum pontificum / History of the bishops of Salona and Split. Latin text by Olga Perić, edited, translated and annotated by Damir Karbić, Mirjana Matijević-Sokol and James Ross Sweeney. Budapest; New York: Central European University Press, 2006, (Central European medieval texts, vol. 4).

251.Matthew Paris, Chronica maiora (2r-393r), incorporating St Godric's hymn to the Blessed Virgin Mary (150v: Boffey 2988)..." British Library. Retrieved 7 April 2022.

252.Hautala R., Байгунаков Д., Sabdenova G. The Ancient of Central Asia and Scientific Heritage of the Historian I. V. Pyankov // Journal of History. 2018. Vol. 89, № 2. P. 96–100.

253.Махмудов И. Взаимоотношения государств Аккоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами: II половина XV - начало XVII века. — изд-во Бакинского университета, 1991.

254.Berchet G. La Repubblica di Venezia e la Persia. — Torino: Tip. G. B. Paravia, 1865.

255.Saunders, J.J., 2001. The History of the Mongol Conquests. Philadelphia University of Pennsylvania Press

256.Weatherford J. Genghis Khan and the Making of the Modern World. — New York: Crown Publishers, 2004.

257.Schamiloglu U. The Umdet ul-Ahbar and the Turkic Narrative Sources for the Golden Horde… // Central Asian Monuments / ed. H. B. Paksoy. — Istanbul: Isis Press, 1992.

258.Relazione presentata al Consiglio dei Dieci il 24 settembre 1572 e letta l'11 ottobre da Vincenzo Alessandri, veneto legato a Thamasp re di Persia.

259.Soranzo G. Relazioni di ambasciatori veneti al Senato / ed. M. P. Pedani. 1576.

260.B. Paul, 2007 «Erst kein Glück, und dann kam auch noch Pech dazu». Die gescheiterte Karriere des Jacopo Soranzo (1518-99) im Spiegel seines Grabmals, in Grab - Kult - Memoria. Studien zur gesellschaftlichen Funktion von Erinnerung, a cura di C. Behrmann - A. Karsten - P. Zitzlsperger, Köln

261.Гумилёв Л. Н. 1970. Поиски вымышленного царства: (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). М.: Наука.

262.Мишо Г. История крестовых походов : Перевод с французского С.Л. Клячко; с 32 отдельными рисунками на дереве Густава Доре и многими политипажами в тексте. - Санкт-Петербург ; Москва : Издание товарищества М.О. Вольф, 1884 (Санкт-Петербург).

263.Эренджен Хара-Даван. 1929. Чингис-Хан как полководец и его наследие: культурно-исторический очерк Монгольской империи.

264.Базиянц А. П. 1993. 175 лет Институту востоковедения, 1818—1993 / Институт востоковедения РАН; Общество востоковедов. — М.: ИВ РАН.

265.Yule, Henry, ed. (1866). Cathay and the way thither: being a collection of medieval notices of China (2 Volumes). London: Hakluyt

266.Игнатович И. Н. К истории Московского Румянцевского музея // Румянцевские чтения. — Москва: Пашков дом, 2001.

267.Arnold, Lauren Princely Gifts and Papal Treasures, University of San Francisco, 1999 ISBN 0-9670628-0-2

268.Mack, Rosamond E. Bazaar to Piazza: Islamic Trade and Italian Art, 1300–1600, University of California Press, 2001 ISBN 0-520-22131-1

269.Алиев, Н. Военно-морские события на Каспии в средние века / Н. Алиев. — Баку : IRS, 2013. — № 1 (61). — Режим доступа: https://irs-az.com/new/pdf/201302/13607546572355728 96.pdf — Дата доступа: 06.12.2025.

270.N. di Lenna, “Ricerche intorno allo storico Giovanni Maria Angiolello (degli Anzolelli), patrizio Vicentino, 1451-1525,” Archivo veneto-tridentino 5, 1924

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А. Иллюстрации к главе 1

Рисунок А.1. Иннокентий IV вручает письмо доминиканцу Асцелину Ломбардскому, который передаёт его монгольскому военачальнику Байджу

Источник: Chronique des Empereurs, by David Aubert (1462), reproduction in Genghis Khan et l'Empire Mongol by Jean-Paul Roux, collection "Découvertes Gallimard" (n° 422), série Histoire. Manuscript: Paris, Bibliothèque de l'Arsenal, Ms 5090, fol. 308r.

Рисунок А.2. Изображение зверств монголов из хроники Матвея Парижского (середина XIII века)

Источник: Mathew Paris, Chronica majora. London, 1872–1883 Ms. Parkerweb Stanford.

Рисунок А.3. Немецкий рыцарь преследует монгольского лучника (начало 14 века, Codex Manesse)

Источник: Great Heidelberg Song Manuscript, Heidelberg, University of Heidelberg Library, Codex Palatinus Germanicus 848.

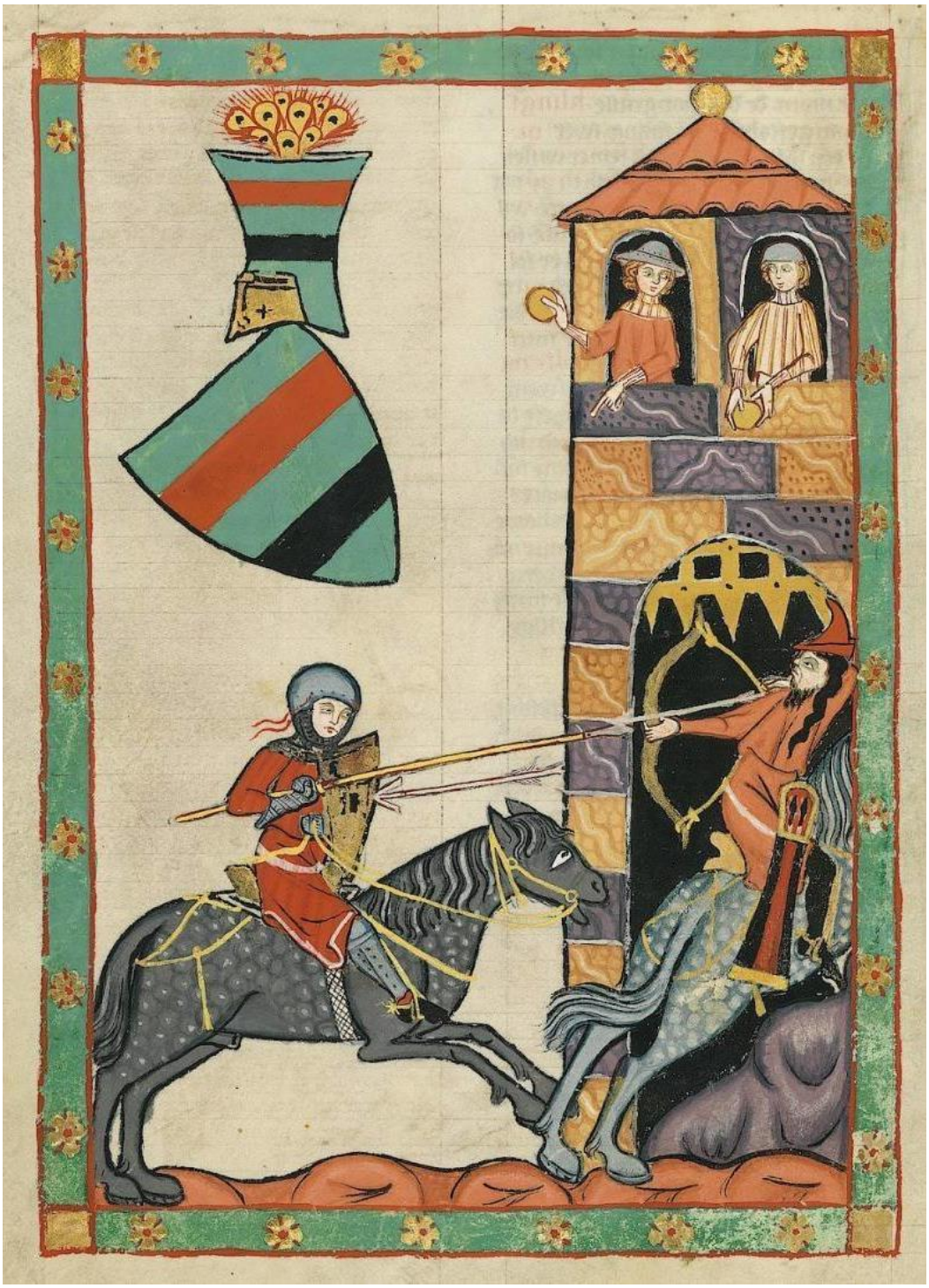

Рисунок А.4. География Марко Поло, составленная Генри Юлем

Источник: The Book of Ser Marco Polo, the Venetian, Concerning the Kingdoms and Marvels of the East. 1871. Translated and edited by Henry Yule. London: John Murray, vol. 1, p. cxxxv.

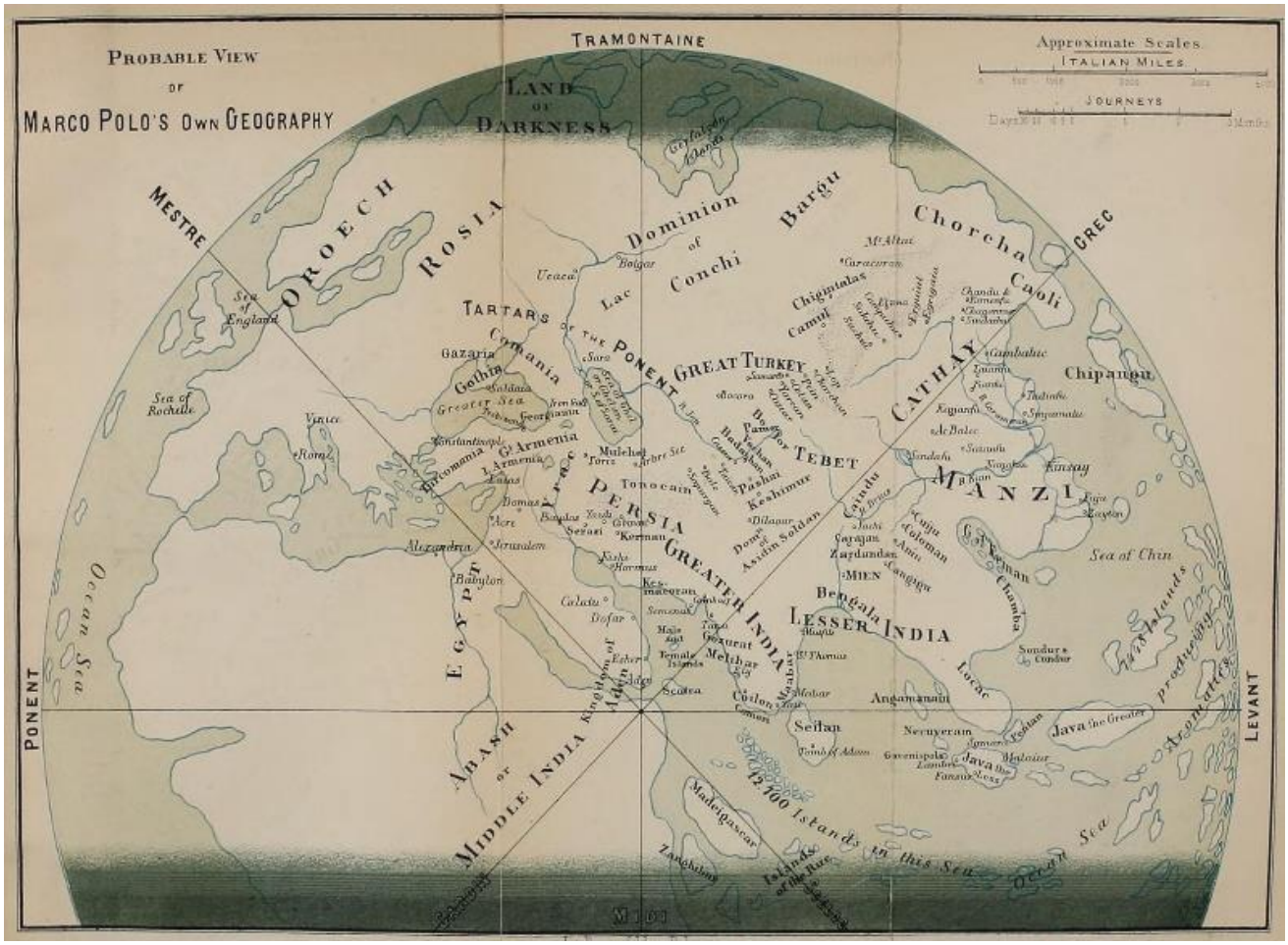
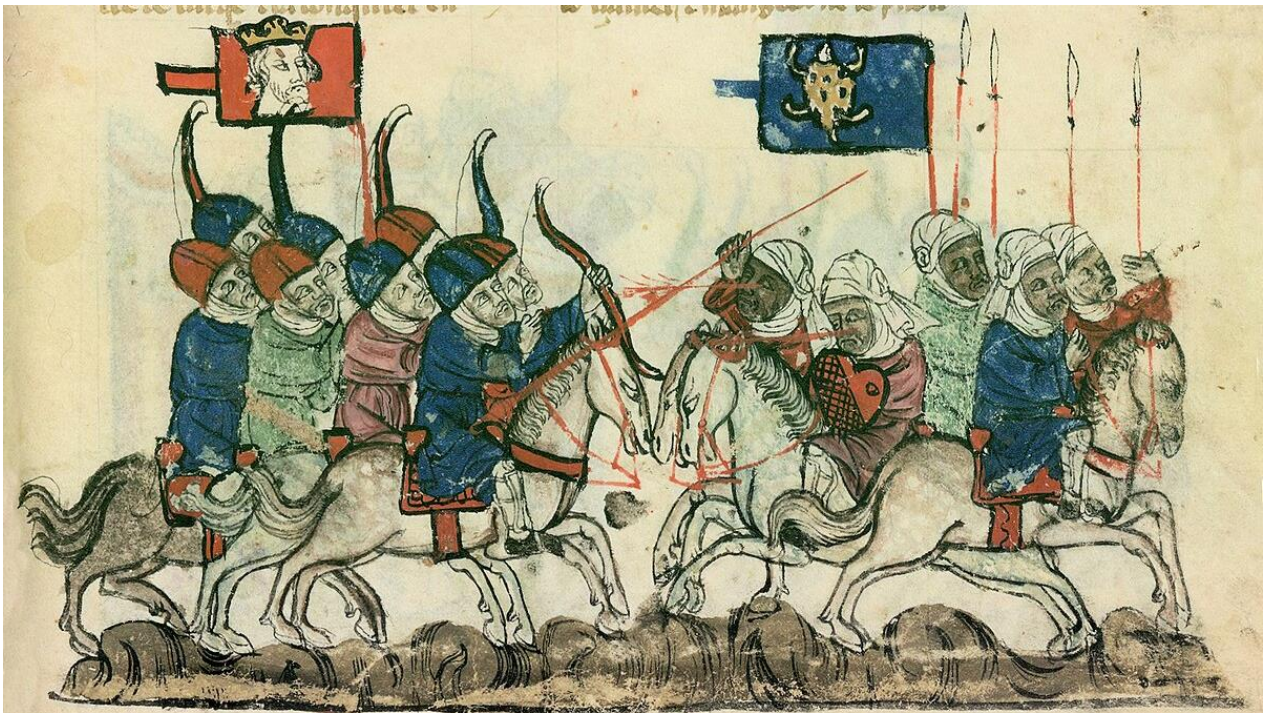

Рисунок А.5. Миниатюра из Вертограда историй стран Востока Гетума Патмича. Рукопись начала XIV века, Каталония

Источник: Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Division occidentale. Nouvelle acquisition française 886, fol.24.

Приложение Б. Иллюстрации к главе 2

Рисунок Б.1. Письмо ильхана Газана (12 Marth, 1302), написанное на монгольском языке уйгурскими буквами. Оригинал письма хранится в Секретных архивах Ватикана

Источник: Biblioteca Apostólica Vaticana (BAV), Vaticani Latini (Vat. Lat. 541, f. 67-68 R). See also: BAV, Vat. lat. 1319, f. 96v, Vat. lat. 544, f. 183-184R.

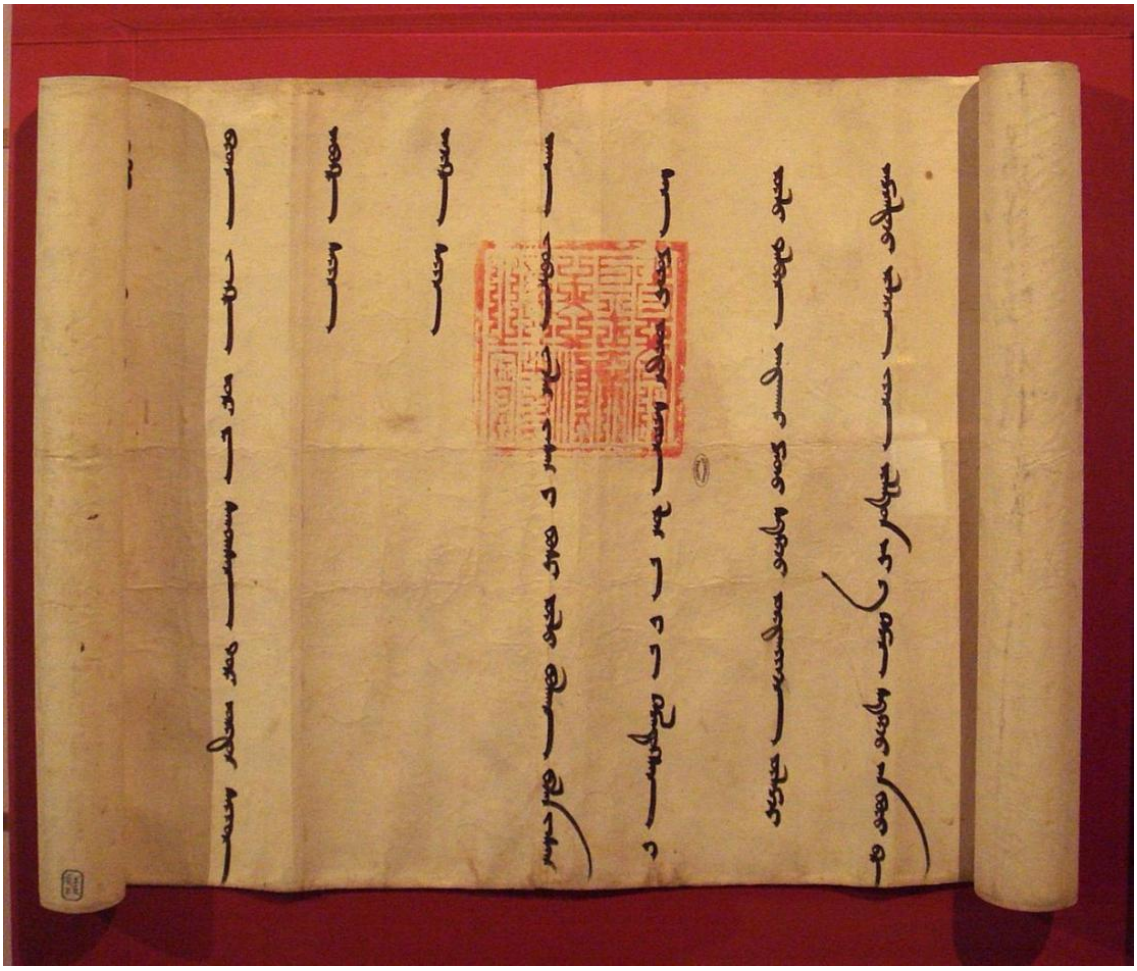

Рисунок Б.2. Текст письма Иннокентия IV «правителю и народу татар». Ватиканский секретный архив

Источник: Dschingis Khan und seine Erben (exhibition catalogue), München 2005, p. 220.

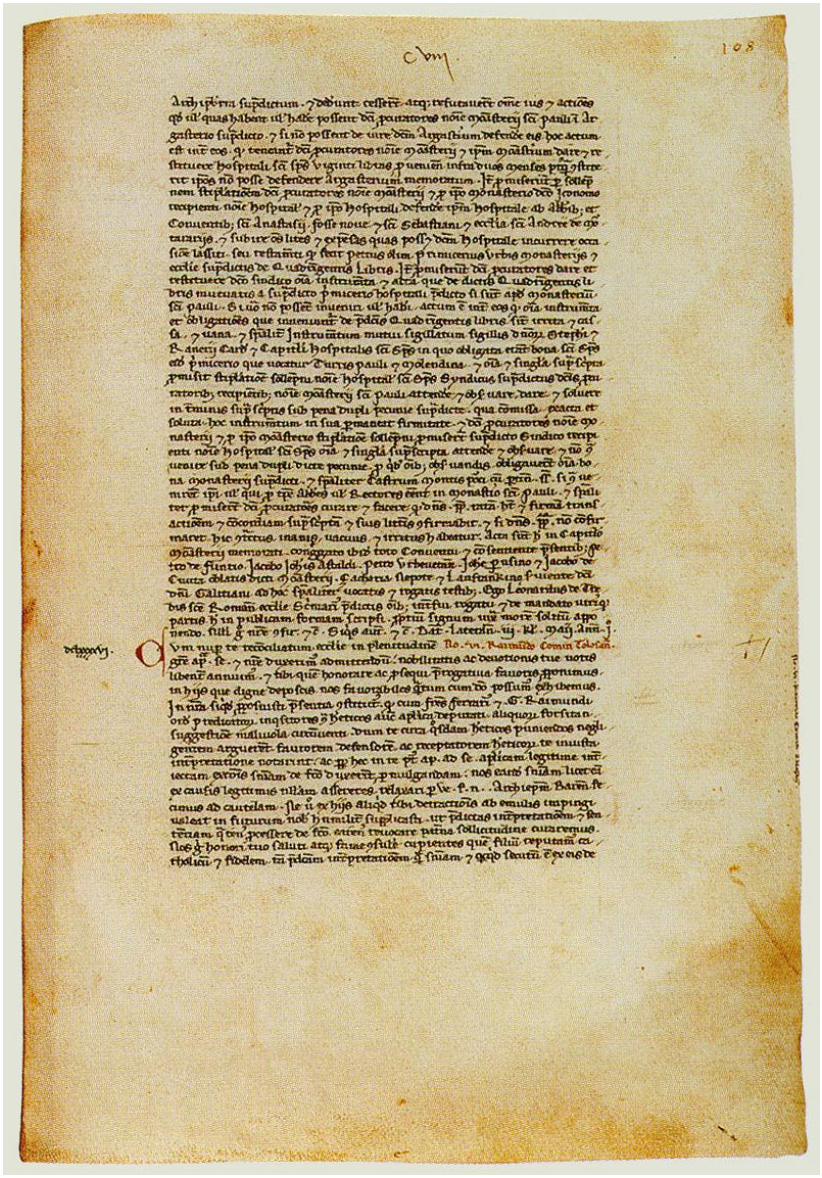

Рисунок Б.3. Портолан Анджелино Далорто «ano MCCCXXXVIIII mense Augusto Angelino Dulcert in civitate Maioricarum composuit»

Источник: Oldham, R.D. (May 1925). "The Portolan Maps of the Rhône Delta: A Contribution to the History of the Sea Charts of the Middle Ages". The Geographical Journal. 65 (5). Blackwell Publishing: 403–424.

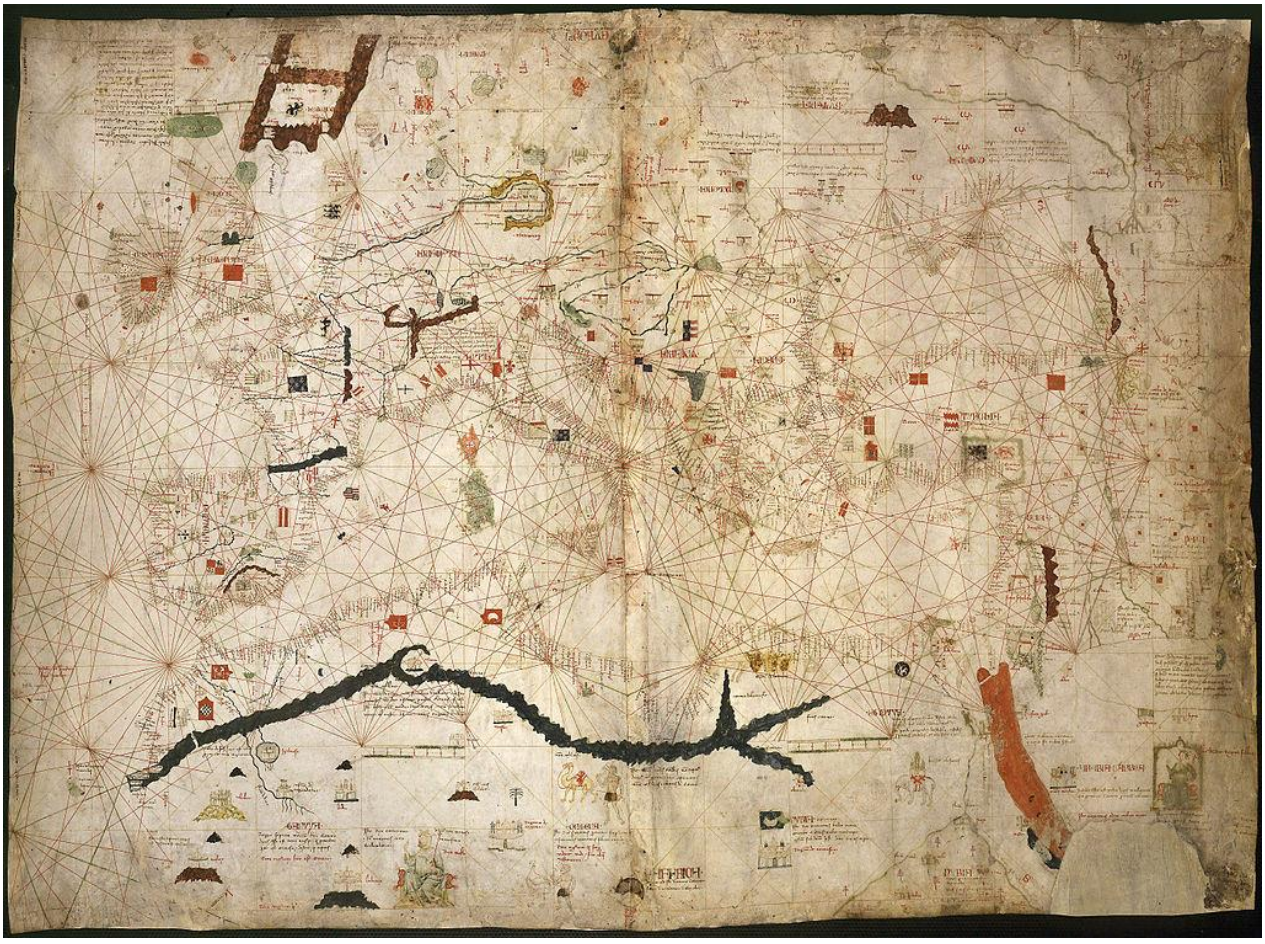

Рисунок Б.4. Изображение Монгольской империи на Каталонском атласе. Как дар французскому королю, атлас долгое время хранилась в Париже (сейчас — в Национальной библиотеке Франции)

Источник: "Espagnol 30". Bibliothèque nationale de France (in French). Archived from the original on Feb 8, 2023.

Рисунок Б.5. Флаг Золотой Орды во время правления Узбек-хана

Источник: Massing, Jean Michel; Albuquerque, Luís de; Brown, Jonathan; González, J. J. Martín (1991). Circa 1492: Art in the Age of Exploration. Yale University Press. p. 29. ISBN 978-0-300-05167-4.

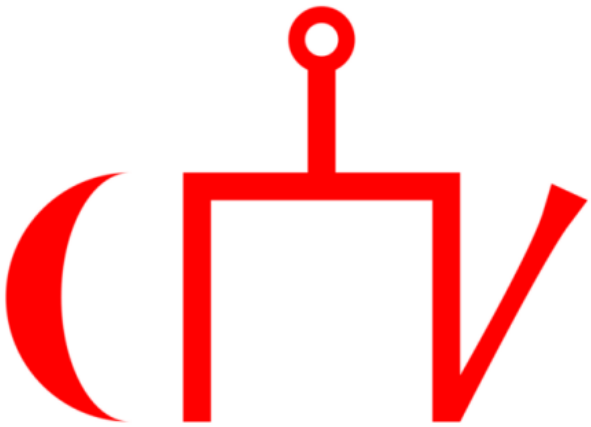
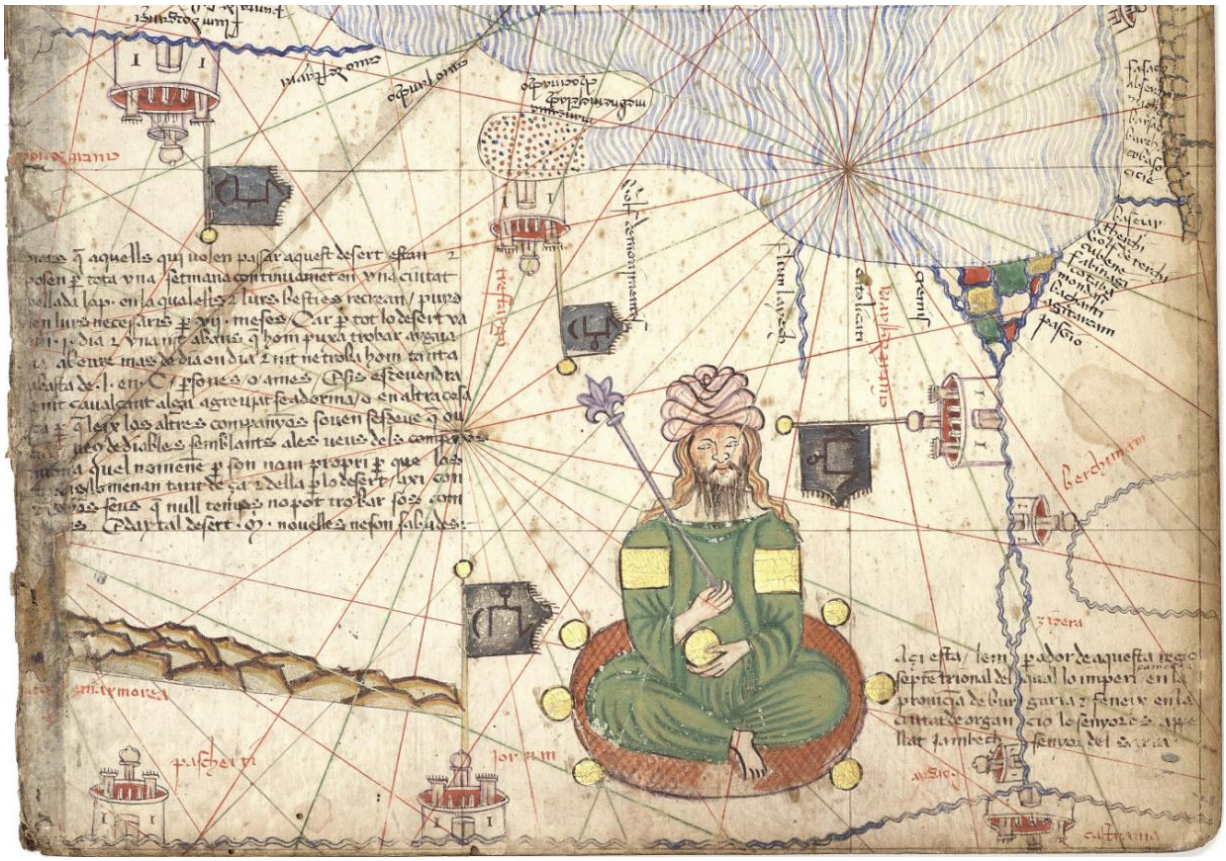

Рисунок Б.6. Детальное изображение Жанибек-хана, правителя Золотой Орды в Каталанском Атласе

Источник: Massing, Jean Michel; Albuquerque, Luís de; Brown, Jonathan; González, J. J. Martín (1 January 1991). Circa 1492: Art in the Age of Exploration. Yale University Press. ISBN 978-0-300-05167-4.

Приложение В. Иллюстрации к главе 3

Рисунок В.1. Фреска из Треченто(фреска датируется до 1350 г), где изображается делёж одежды Христа, центральной фигурой является персонаж с выраженными чертами монголоида и в традиционной шапке

Источник:Bargaining for the Cloth of Christ in Crucifixion, Master of the Trecento, circa 1350.

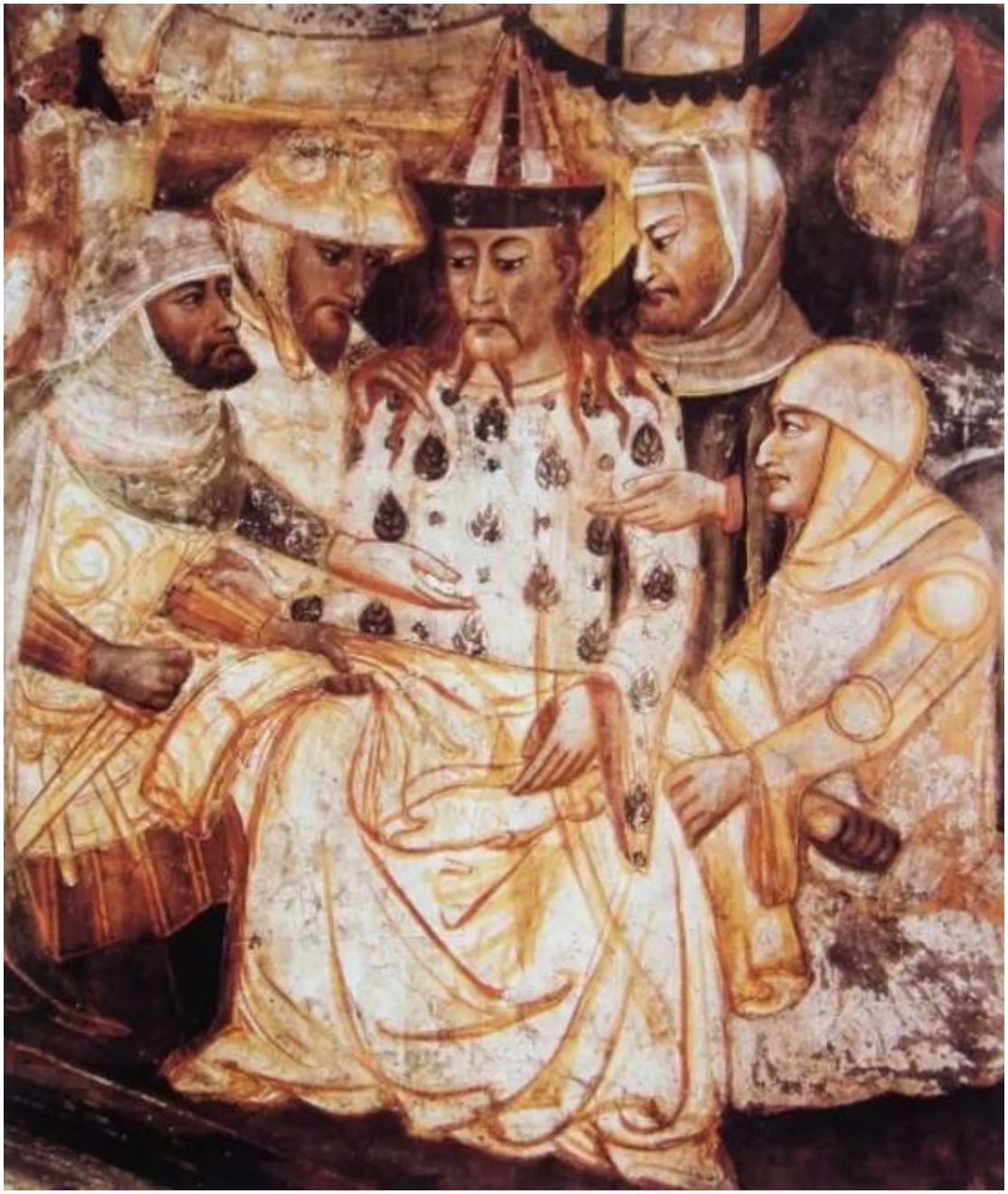

Рисунок В.2. Фреска Мученичество францисканцев в Сеуте(Амброджо Лоренцетти, 1324-27 гг Сиена)

Источник:Ambrogio Lorenzetti, Martirio di cinque frati francescani, 1336-37 circa, dalla sala capitolare

Рисунок В.3. Комментарии к путешествию в Персию Катерино Зено

Источник:De i commentarii del viaggio in Persia di M. Caterino Zeno il K. & delle guerre fatte nellâ imperio persiano, dal tempo di Ussuncassano in quà libri due. Bibliotheque nationale de France — Paris : BnF, 2015. — Режим доступа: https://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb37243818h

DE I COMMENTARII DEL
Viaggio in Persia di M. Caterino Zeno il K.
& delle guerre fatte nell'Imperio Persiano,
dal tempo di Vssuncassano in quà.
LIBRI DVE.
ET DELLO SCOPRIMENTO
dell'Isole Frislanda, Eslanda, Engrouelanda, Estotilanda, & Icaria, fatto sotto il Polo Artico, da due fratelli zeni, M. Nicolò il K. e M. Antonio.
LIBRO VNO.
CON VN DISEGNO PARTICOLARE DI
tutte le dette parte di tramontana da lor scoperte.
CON GRATIA, ET PRIVILEGIO.
BIBLIOTECA NAZ. ROMA VITTORIO EMANUELE
VERI TAS.
IN VENETIA
Per Francesco Marcolini. M D LVIII.

Рисунок В.4. Отрывок из книги, повествующий о путешествии господина Катерино Зено во владения «Короля Персии».

Источник:De i commentarii del viaggio in Persia di M. Caterino Zeno il K. & delle guerre fatte nellâ imperio persiano, dal tempo di Ussuncassano in quà libri due. Bibliotheque nationale de France — Paris : BnF, 2015. — Режим доступа: https://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb37243818h

AL REVERENDISSIMO
MONSIGNOR M.
DANIEL BARBARO
ELETTO PATRIARCA
D'AQVILEGIA.

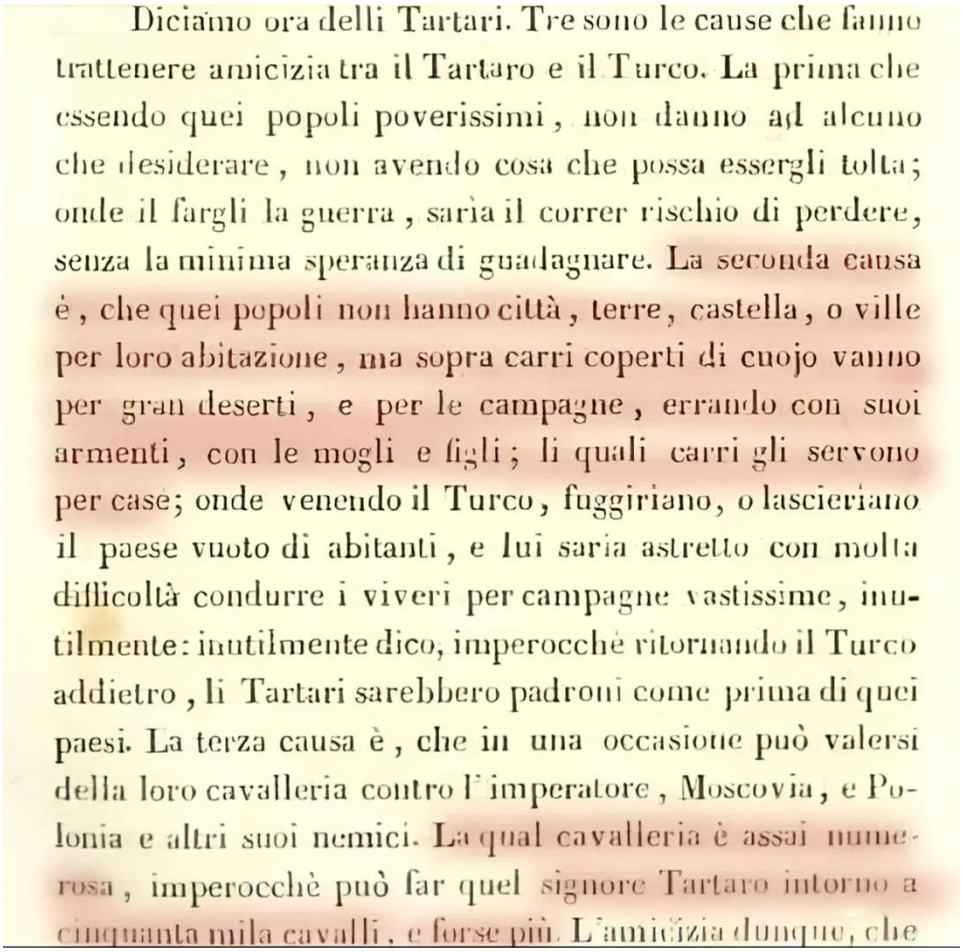
Franceſco Marcolini. Vmil ſeruo.

REVERENDIS-
ſimo Signor mio,
mandando io in
luce i Commen-
tarij de tutte le
guerre Perſiane,
fatte dal tẽpo di
Vſſuncaſſano in
qua. Con il Viag
gio del Magnifi-
co M. Caterino Zeno il Caualliere, fatto da ſua Si
gnoria come Ambaſciatore di queſto Illuſtriſſi-
mo Dominio al detto Re di Perſia, ilquale fu il
primo che ardì di andar a tãta et così faticoſa lega
tione. Et il ſcoprimento delle Iſole, Frislanda,
Eslanda, Engroueland, Eſtotilanda, & Icaria,

A ij

Рисунок В.6. Отрывок из записок венецианского посла Джакомо Соранцо. Красным выделен параграф про отсутствие городов у кочевых племен XV века.

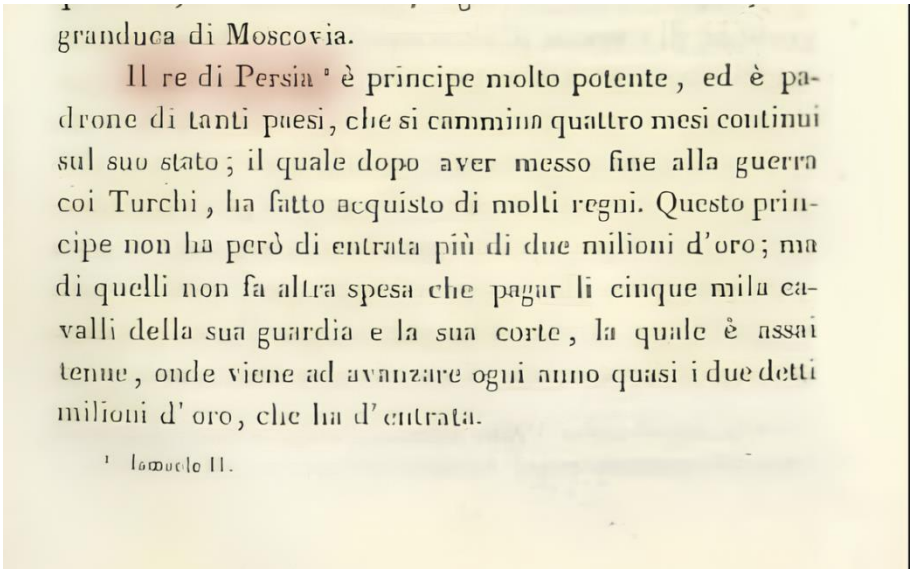
Источник:Soranzo G. Relazione dell'Impero Ottomano // Le relazioni degli ambasciatori veneti al Senato / a cura di E. Alberi. — Serie III. — Vol. II. — Firenze : Tip. all'Insegna di Clio, 1844.

Diciamo ora delli Tartari. Tre sono le cause che fanno trattenere amicizia tra il Tartaro e il Turco. La prima che essendo quei popoli poverissimi, non danno ad alcuno che desiderare, non avendo cosa che possa essergli tolta; onde il fargli la guerra, sarìa il correr rischio di perdere, senza la minima speranza di guadagnare. La seconda causa è, che quei popoli non hanno città, terre, castella, o ville per loro abitazione, ma sopra carri coperti di cuojo vanno per gran deserti, e per le campagne, errando con suoi armenti, con le mogli e figli; li quali carri gli servono per case; onde venendo il Turco, fuggiriano, o lascieriano il paese vuoto di abitanti, e lui saria astretto con molta difficoltà condurre i viveri per campagne vastissime, inutilmente: inutilmente dico, imperocchè ritornando il Turco addietro, li Tartari sarebbero padroni come prima di quei paesi. La terza causa è, che in una occasione può valersi della loro cavalleria contro l'imperatore, Moscovia, e Polonia e altri suoi nemici. La qual cavalleria è assai numerosa, imperocchè può far quel signore Tartaro intorno a cinquanta mila cavalli, e forse più. L'amicizia dunque, che

Рисунок В.6. Отрывки из записок венецианского посла Джакомо Соранцо. Красным отмечены фрагменты, повествующие о короле Персии.

Источник: Soranzo G. Relazione dell'Impero Ottomano // Le relazioni degli ambasciatori veneti al Senato / a cura di E. Alberi. — Serie III. — Vol. II. — Firenze : Tip. all'Insegna di Clio, 1844.

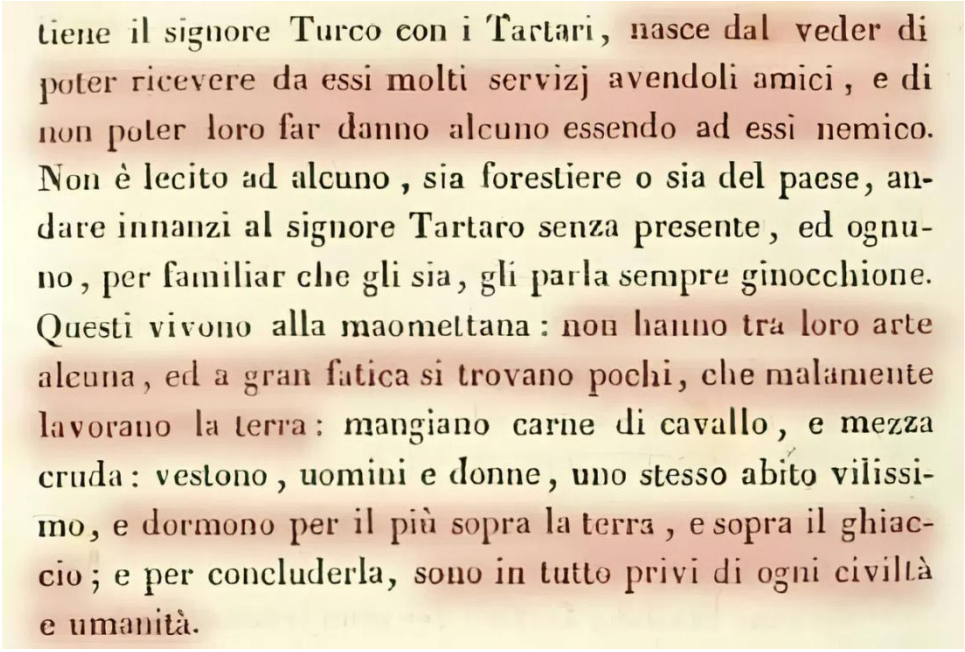
granduca di Moscovia.

Il re di Persia [1] è principe molto potente, ed è padrone di tanti paesi, che si cammina quattro mesi continui sul suo stato; il quale dopo aver messo fine alla guerra coi Turchi, ha fatto acquisto di molti regni. Questo principe non ha però di entrata più di due milioni d'oro; ma di quelli non fa altra spesa che pagar li cinque mila cavalli della sua guardia e la sua corte, la quale è assai tenue, onde viene ad avanzare ogni anno quasi i due detti milioni d'oro, che ha d'entrata.

[1] Ismaele II.

Рисунок В.7. Отрывок из записок венецианского посла Джакомо Соранцо. Красным отмечены фрагменты, повествующие о турках и татарах.

Источник:Soranzo G. Relazione dell'Impero Ottomano // Le relazioni degli ambasciatori veneti al Senato / a cura di E. Alberi. — Serie III. — Vol. II. — Firenze : Tip. all'Insegna di Clio, 1844.

tiene il signore Turco con i Tartari, nasce dal veder di poter ricevere da essi molti servizj avendoli amici, e di non poter loro far danno alcuno essendo ad essi nemico. Non è lecito ad alcuno, sia forestiere o sia del paese, andare innanzi al signore Tartaro senza presente, ed ognuno, per familiar che gli sia, gli parla sempre ginocchione. Questi vivono alla maomettana: non hanno tra loro arte alcuna, ed a gran fatica si trovano pochi, che malamente lavorano la terra: mangiano carne di cavallo, e mezza cruda: vestono, uomini e donne, uno stesso abito vilissimo, e dormono per il più sopra la terra, e sopra il ghiaccio; e per concluderla, sono in tutto privi di ogni civiltà e umanità.

Приложение Г. Составление предполагаемых маршрутов итальянских путешественников (к главе 3)

Составлено автором под научным руководством доктора исторических наук, профессора К.Т. Жумагулова

Рисунок Г.1. Предполагаемый маршрут Франческо Пеголотти

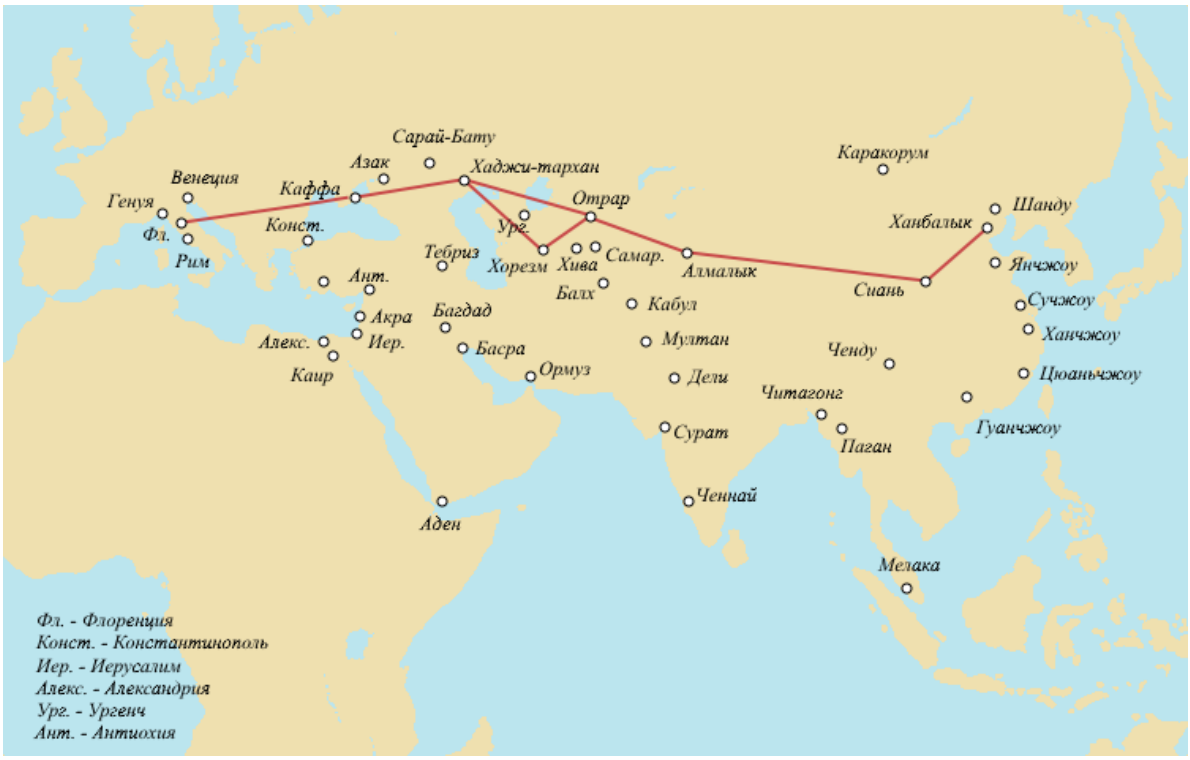

Рисунок Г.2. Предполагаемый маршрут Одорико Порденоне.

Красным обозначен путь из Европы (направление путешествия), зелёным — обратный путь

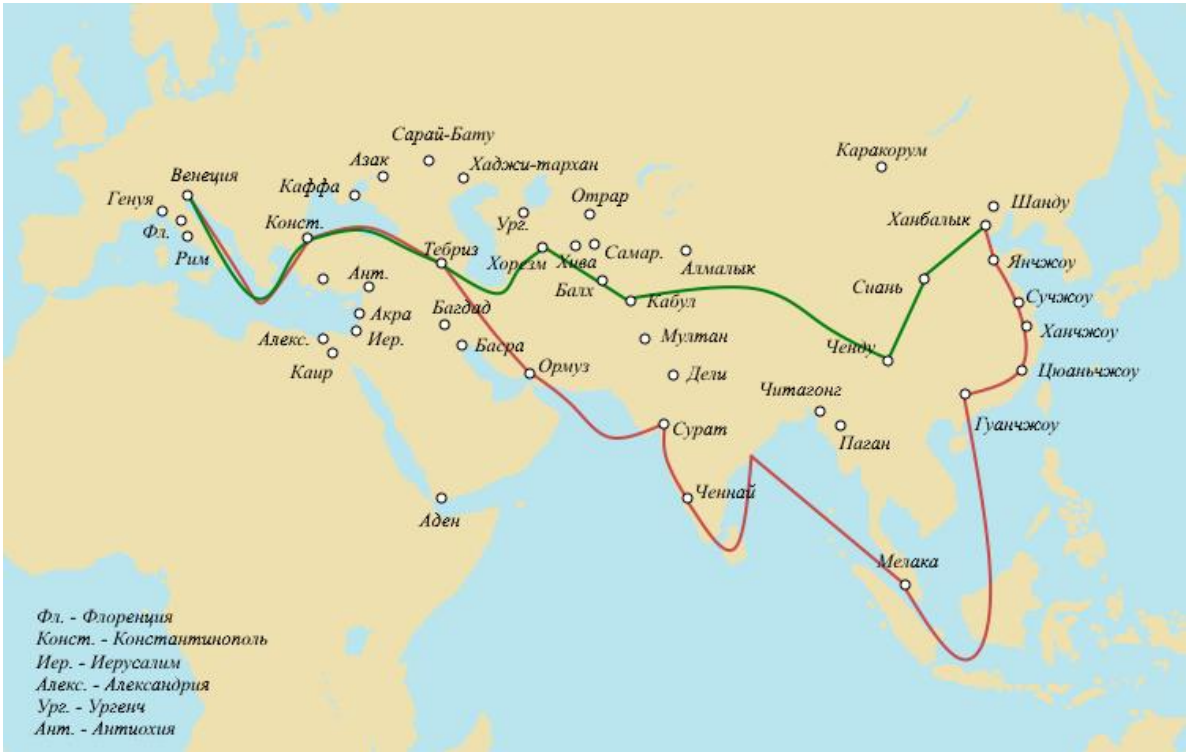

Рисунок Г.3. Предполагаемый маршрут Сегурано Сельвайго

Рисунок Г.4. Предполагаемый маршрут Иосафата Барбаро

Рисунок Г.5. Предполагаемый маршрут Плано Карпини

Рисунок Г.6. Предполагаемый маршрут Рикольдо да Монтекроче

Рисунок Г.7. Предполагаемый маршрут Николо Поло

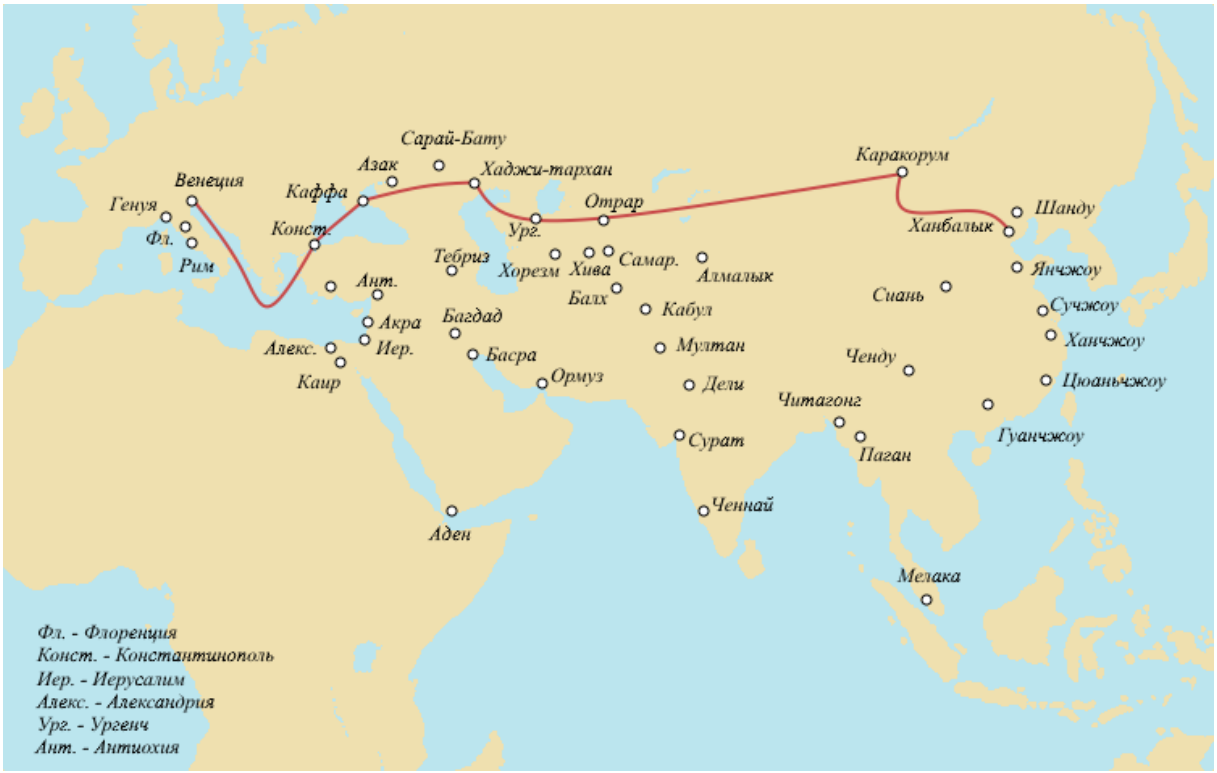

Рисунок Г.8. Предполагаемый маршрут Марко Поло

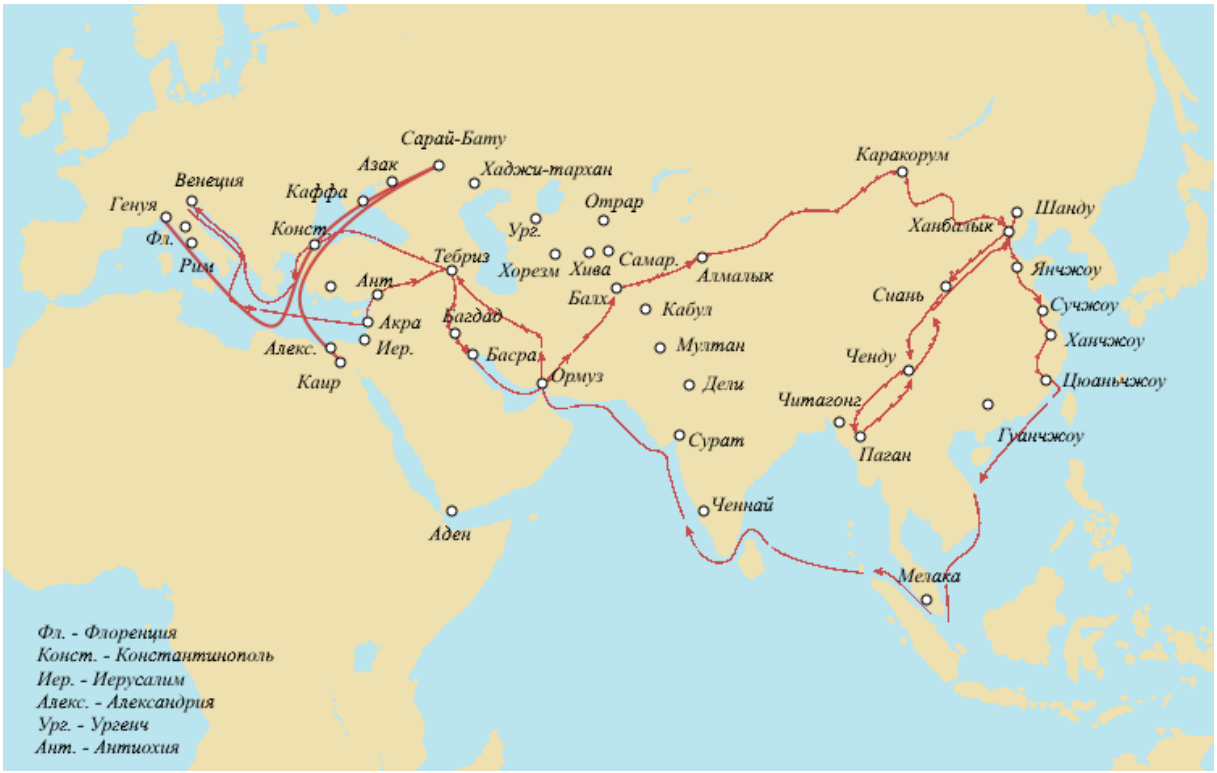

Рисунок Г.9. Предполагаемый маршрут Катерино Зено

Рисунок Г.10. Предполагаемый маршрут Николо Конти

